

Анна Веди

ДУША

*Научно-фантастический
роман*

Москва
MASKA
2017

УДК 882

ББК 84 (2Рос-Рус) 6

В26

В26 Анна Веди

Душа. Научно-фантастический роман. М.: ООО «ИПЦ „Маска“»,
2017 — 308 с.

ISBN 978-5-906955-13-5

В чём смысл жизни? Есть ли душа? Что происходит по ту сторону смерти? Герои научно-фантастического романа "Душа" поставили эксперимент с целью научно доказать само существование души и проследить за её передвижениями после смерти человека. Сюжет охватывает период более тысячи лет. Вы окунётесь в захватывающие путешествия по другим мирам Вселенной и приблизитесь к разгадке секрета Мироздания. Эта книга поможет вам преодолеть экзистенциальную данность — страх смерти, научит жить с ним и развиваться. Автор предлагает взглянуть по-другому на смерть и на жизнь.

УДК 882

ББК 84 (2Рос-Рус) 6

В26

ISBN 978-5-906955-13-5

© Анна Веди, 2017

Глава 1

Утро

Сегодня я умру. Я это точно знаю. Я жду этого. Вам грустно, страшно? Вы считаете меня сумасшедшей? Ненормальной? Или, есть популярное слово, неадекватной. Мне — нет, не страшно, не грустно, и уверяю вас, что я в здравом уме и, как говорится, твёрдой памяти. Мне чрезвычайно любопытно и интересно, что там... Когда моё земное тело сделает последний выдох...

Я прожила отличную долгую жизнь. Сто двадцать один год — это прилично. Не самый долгожитель. Известны случаи, когда даже до ста пятидесяти лет доживали. С сегодняшней медициной и поддержкой внутренних органов это возможно. И я, думаю, смогла бы ещё дольше продержаться. Но, во-первых, мне, как я уже говорила, любопытно. Я всегда была интересующейся особой. А во-вторых, мой эксперимент готов к проведению. Вот уже месяц, как я устранила ошибку. Да, я не была готова. Спасибо Патрику, моему мужу, который умер год назад, предварительно согласившись участвовать в эксперименте. И не без интереса. Он всегда разделял мои, а я его интересы. Да, вы же не в курсе, что за эксперимент... На мой взгляд, он грандиозен! Я решилась приоткрыть тайну небытия. Мы нашли способ считать информацию с души, узнать, что же там, за чертой... Так вот, благодаря Патрику я обнаружила ошибку в системе инкубации тела. Чтобы считывать послания души, в теле должен быть максимально замедлен процесс разложения. Без глубокой заморозки его невозможно остановить полностью, как мы всей командой ученых ни ломали голову. Около года — это максимальный срок, которого мы добились. Ох, мурашки по коже. По моей ещё тёплой коже. Я ещё ощущаю это. Я в предвкушении чуда. Наконец-то!

Нет причин, чтобы я передумала. Да это и невозможно. Здесь мысли ни при чём. Я чувствую свой конец, я его ощущаю. И это усилилось со дня смерти Патрика. Не потому что мне одиноко и непривычно без него. Я осознаю это максимально. Нет. Пришла пора. Всё совпало. Сложились пазлы. Есть ряд посылов от вселенной.

Пока что раннее утро, и все ещё спят. Тихо кругом, лишь птички поют, и слышен плеск океана. Я все дела сделала, всё сказала. Кажется, ничего не забыла. Сегодня проведу последний день с близкими, схожу на океан, погрею тело на солнышке. Хотя я всегда так жила. Ох-хо-хо, как же приятно осознавать впереди перемены! Я их люблю. Страсть как люблю. А эта — самая мощная за всю жизнь, собственно прекращение жизни тела. Что-то я почти счастливая. Не является ли это защитной реакцией? Всё же мне жаль оставлять моих любимых детей. Это привязанность. Может, мне страшно? Ну и что с того? Я всегда любила страх. Если чуть-чуть, это приятные ощущения. Как всегда, мне хочется всё ускорить, поэтому осаживаю себя. Как будто мне нет дела до окружающих. Они меня любят. А я люблю их. Но всё же я чуточку эгоистка. Эту свою материальную приземлённую сущность я приняла и тоже люблю. Без этого никак.

Я сижу на кровати, подложив под спину подушки, и смотрю в окно. Светает. Тёплый воздух струится в пространстве. Я вижу верхушки деревьев и кустарников, образующих зелёно-красный ковёр, а вдали бирюзовые воды океана, сливающиеся с небом. Скоро зайдёт Кристен. Она просыпается рано и всегда в первую очередь приветствует меня. Я её удочерила, как и остальных одиннадцать детей в период с пятидесяти до ста лет. Самому младшему сейчас двадцать пять. А Кристен сорок. Я решила не рожать, да и поздно было. Хотя, скорее, это моё осознанное решение. Возможно, я боялась и ленилась, но всё же в большей степени меня сподвигло на усыновление и удочерение сопротивление системе и общепринятым догмам, когда детдома переполнены, планета перенаселена. Куда ещё плодиться? А дети, они все одинаковые, и мне всегда было жаль брошенных. Как это? Даже

сейчас мурашки по коже. Не вижу прелести в дремучем стремлении к продолжению рода или наполнении жизни смыслом за счёт рождения детей. В общем, мы с Патриком подарили любовь и родительское тепло двенадцати детям. И всеми я могу быть горда. Жизнь я прожила отлично, созидательно, с удовольствием. Много творила и создавала. И много любила. Что это у меня за мысли, как будто я подвожу итог своей жизни? Так и есть, всё же последний день. Хочу поймать внутри себя страх, которым наполнена жизнь большинства людей. Страх смерти. Прислушиваюсь к себе. Есть чувство неизвестности и неопределённости, рождающее лёгкий страх. Пока что это более или менее приятно. Хотя я всегда стремилась помочь людям избавиться от этих экзистенциальных привязок, и раскрыть природу страха смерти явилось для меня первоочередной задачей. Если не будет этого страха, который зашит в подсознании на глубоком уровне, человек сможет жить легко и расслабленно, реализуя весь свой потенциал, не сковывая свои действия страхами. Это только так говорят, что «у меня нет страха смерти» или «я не боюсь смерти». На самом деле человек жутко боится умирать. Кажется, исчезни этот страх, пройдут и другие. Бессмысленность, одиночество и свобода. Всё же взаимосвязанно и циклично. На этой цикличности у меня и родилась гипотеза, ради которой задуман мой эксперимент.

Бульканье системы считывания мыслей на миг останавливает их поток. Мой взгляд перемещается на небольшой генератор. Он люминесцирует синим, дополнительно освещая комнату. Впрочем, его синева постепенно бледнеет по мере того, как дневной свет становится ярче и заполняет пространство вокруг. Да. Так начинается мой последний день.

Я нахожусь в своём институте. Хотя он и рядом с домом, но в последний год я поселилась здесь. Оборудовала комнату с видом на свой дом. Мне здесь хорошо. Я сама решила отделиться, чтобы мои близкие привыкли жить без меня. Конечно, они то и дело приходят и вмешиваются в рабочий процесс. Но не вижу в этом ничего страшного. Я их люблю. И понимаю, что некоторые

из них, возможно, испытывают беспокойство, чувствуют, что я скоро уйду от них, и это рождает в них внутренний бессознательный страх смерти. Пусть переживут этот страх, потом станет легче. Уж я-то знаю эту истину. Ах, какой приятный аромат орхидей! Они высажены прямо возле моего окна. Я их вижу и чувствую их благоухание. Пришла Кристен, поцеловала меня и опять убежала. Скоро придёт Мила и принесёт мне завтрак. Точно, уже слышу её шаги. Мы удочерили её, когда путешествовали по Африке и Новой Зеландии. Она у меня мулаточка. Красивая и очень энергичная. Она уже родила троих детей. Честно, я запуталась во внуках и правнуках и порой путаю имена. Они обижаются иногда, но я всё списываю на свою плохую память, хотя она у меня хорошая, просто их много, да и некоторые очень похожи между собой.

— Доброе утро, дорогая! — Мила заходит в комнату плавно, как баржа плывёт по реке, раскачивая широкими бёдрами, источая аромат ванильного пудинга, брусничного желе и бисквита с маракуйей, папайей и бананами. Поднос с завтраком она картинно несёт одной рукой на высоте плеча, словно он невесомый и приклеен к её пальчикам. Моя Милочка любит покрасоваться. — Сегодня твои любимые лакомства.

— О, да! — мои глаза сверкают, потянув носом воздух, я расплываюсь в блаженной улыбке, предвкушая удовольствие. Я всю жизнь любила сладкое, всегда питала слабость к десертам. — Спасибо, дорогая.

Свободной рукой Мила вытягивает встроенную в стену подставку, которая повисает в воздухе, удерживаемая энергетическими лучами, направленными от стен. Дочь ставит на неё поднос и подвигает ко мне. Я подвожу к себе поближе и с упоением вдыхаю аромат, струящийся от блюд.

— И правда, праздник! Как день рождения. Только дни рождения отмечают каждый год. А день смерти я смогу отметить один раз. Причём сам день рождения я не могу отмечать, так как на момент рождения у меня нет сознания. Видимо, эту ущербность я могу компенсировать днём умирания.

— Это ты, так как знаешь, что умрёшь сегодня. Хотя я немного сомневаюсь и надеюсь, что это не произойдёт. Однако, глядя на твою уверенность, эти сомнения и надежды слабые. Другие люди не могут отметить свой день смерти. Для большинства это абсурд и нелепость.

— Тут я с тобой не соглашусь, Милочка. Например, у балийцев день смерти отмечается великим шествием и торжеством. У всех существует ритуал прощания с покойным, и похороны — тоже праздник. Но надо признать, что редко, когда сам умирающий может это отметить, так как немногие ожидают смерть и тем более её предчувствуют так явно, как я. Далеко не у всех настолько сильно развита интуиция. Я же очень ей доверяю.

— Да, здесь ты никогда не ошибаешься, — Мила тепло и нежно смотрит на меня, а я не могу оторваться от лакомств, медленно и с наслаждением ем пудинг.

— Очень вкусно! Спасибо тебе, дорогая. Я никогда не забуду твои кулинарные шедевры. И ведь никто не учил тебя. Откуда ты всё это знаешь?

— Ты же сама мне говорила, что я вспоминаю из прошлых жизней, — улыбаясь и играя ямочками на щеках, говорит Мила.

— Да, есть память поколений, так же, как и роевой интеллект. И я докажу это! Я чувствую, что в этот раз всё пройдёт как надо. И к тебе просьба, дорогая, так как ты наиболее информирована об эксперименте. Пожалуйста, не говори никому ничего, пока я сама это не сделаю.

— Хорошо.

Я поворачиваю голову к окну в парк, погружаясь в поле сиреневых орхидей и красных маков. С наслаждением смакую десерт и запиваю чаем. Улыбка блаженства озаряет моё лицо, и внутреннее ощущение предстоящего чуда прокатывается волнами по телу. Сегодня мне предстоит написать прощальные письма близким и родственникам. Всё остальное готово. Приборы тщательно проверены, инструменты, индикаторы, дополнительные материалы в полном объёме и даже с избытком. В последние два дня мы старались не говорить о том, к чему готовились порядка

десяти лет. Ведь идея провести эксперимент зародилась именно тогда. И вот, все эти годы она вынашивалась, проверялась. Было допущено множество ошибок. Порой я готова была отчаяться, но благодаря Патрику приободрялась и, доверяясь интуиции, этому внутреннему чутью, снова принималась за исследования. Теперь всё с большей ясностью я вижу весь процесс. И когда я сама буду испытуемым, это усилит результат. Я поняла, что человек должен быть сильным интуитом. Просто так чувства не передашь, если не подготовлен. Поэтому надо уметь чувствовать всю жизнь или хотя бы большую её часть, только тогда формируется интуиция. Остальные чувства для неё база, основа, фундамент.

— Спасибо, дорогая, за наивкуснейший завтрак! Займусь делами, пожалуй, — улыбаюсь я Миле, счастливая и довольная.

— На здоровье, мамочка, — Мила чмокает меня в щёку и забирет поднос с посудой, а подставку отправляет обратно в стену легким и точным жестом.

Я встаю. Отсоединяю себя от аппарата, сканирующего мысли, — ментафона, — проведя рукой за левым ухом и деактивируя чип, ставлю его в режим фильтрации. Теперь он сам распознает мусор и важные и полезные мысли. Таким же образом поступаю с чипом эмоций — астрафоном, — вживленным в область солнечного сплетения. Слегка надавливаю пальцами на верхнюю часть живота. Я всегда проделываю это после пробуждения, чтобы перезагрузить систему, отфильтровать и очистить информацию.

В институте тишина. Немногочисленный персонал ещё не пришёл, кроме двух дежурных медработников, которые наблюдают за шестью пациентами. Наши пациенты умерли не так давно и находятся в барокамерах, подключенных к аппаратам, считывающим энергетический поток. Это добровольцы, интересующиеся жизнью после смерти и верящие в науку. Скоро среди пациентов буду и я. С каждым разом мы приближаемся к истине, но что-то ускользает, чего-то не хватает. Тела лежат три месяца, а потом мы их отдаём родственникам. С самими телами мы ничего не делаем, никаких опытов. Нам важен энергетический поток, который отделяется от тела после последнего выдоха. Этот поток и есть душа.

Мы создали условия, чтобы можно было наблюдать за ней. Однако, как бы мы ни готовили человека к окончанию жизни, он напуган, и кажется, душа его напугана. Даже если внешне он и выражает радость и смел, бессознательный страх остаётся. Пару раз удалось войти в контакт с душами, а потом они исчезали. Вот мы и модернизируем аппараты, постоянно работаем над повышением чувствительности аппаратуры, чистотой сигнала.

Я выхожу в парк возле дома и спускаюсь к океану, он совсем рядом. Там я люблю медитировать. Снимаю сандалии и иду по мягкому песку. Слегка прохладные волны накатывают на мои ноги и омывают свежестью утра. Так я иду вдоль берега, касаясь земли и ощущая её. Останавливаюсь. Выгибаюсь, запрокинув голову, чтобы лицо и грудь были обращены к солнцу и небу, и стою так несколько минут, сложив руки перед солнечным сплетением ладонями друг к другу. Стараюсь ни о чём не думать, просто наслаждаться. Сейчас это у меня получается легко. А первое время, когда я только ввела в свою жизнь практику медитации, было сложно уходить от мыслей и бытовухи.

С криками пролетают чайки. Волны с шумом разбиваются, оставляя пену на ногах. Я возвращаюсь к институту. Пахнет утром и первозданной свежестью. Лёгкий ветерок касается моего тела. Восходящее солнце греет своими лучами.

— Бабушка, бабушка! — слышу я крик, поворачиваю голову и вижу, как со стороны парка ко мне бежит один из внуков. — Бабушка, смотри, что я нашёл!

— Доброе утро! И ты рано проснулся? Молодец! Что там у тебя? — расплываюсь я в улыбке.

— Смотри, — запыхавшись, говорит он и раскрывает сжатый кулачок, в котором оказался огромный жук. — Он умер, видимо, потому что не двигается, или спит.

— Спит, наверное. Дай я посмотрю, — я беру ладонь внука и приближаю её к себе. — А может, и умер. Он какой-то сухой уже.

— Бабушка, а почему умирают?

— Таков закон природы. Она циклична. Чтобы родилось что-то новое, надо умереть. И наоборот.

— А он снова родится потом?

— Он уже вряд ли. Родится что-то другое на Земле.

— А умирать страшно?

— Нет, не страшно. Это переход на другой уровень, в другой мир. Вот ты растёшь, развиваешься и постепенно переходишь на новый уровень своего развития. Сначала ты был младенцем, потом начал ходить, потом школа, образование, рядом с тобой родители. А потом ты выйдешь в самостоятельную жизнь, научишься принимать решения, брать ответственность. И всегда будешь развиваться.

Мы сворачиваем в парк и к дому.

— А если я не хочу учиться и развиваться? Или у меня не получится?

— Пока это ответственность родителей — вызвать у тебя интерес к знаниям и развитию, а потом сам будешь интересоваться новым и неизведанным. Ты сын природы, такой же, как и вот этот цветок, — я наклоняюсь и показываю рукой на одну из орхидей, которые растут вдоль тропинки. С удовольствием вдыхаю их аромат. — Он стремится к свету и теплу. Для человека свет — это знания, тепло — любовь. Когда этого в достатке, человек и цветок развиваются и растут.

— Бабушка, смотри! — внук присаживается возле мака. — Этот ещё не проснулся, он закрыт. Обычно, я помню, у него раскрытый бутон.

— Да, сейчас раннее утро, природа только-только просыпается. Вот мы с тобой встали рано, а мак еще не проснулся, ждёт больше солнышка.

— Я бы вообще не ложился спать, иногда так не хочется, и я лежу и не могу уснуть.

— Сон необходим всем, для восстановления жизненной энергии, отдыха. Сон — это тоже переход в другое состояние. Тело отдыхает, а мозг работает. Тебе снятся сны?

— О, да! Ещё какие, бывает, снятся, — смеётся он. — Недавно приснилось ужасное чудовище. Оно гналось за мной, и мне было страшно. Я сначала плакал, но потом папа объяснил, что это не

по-настоящему, а потому что я накануне смотрел страшилку по сети и думал о чудовищах. Это осталось у меня в памяти и поэтому приснилось.

— Да, так и есть, — я улыбаюсь и останавливаюсь. — Всё, дорогой. Спасибо тебе за утреннюю прогулку.

Я немного наклоняюсь, и ребёнок чмокает меня в щёку. Мы расходимся по разным тропинкам. Он домой, а я в институт.

Я иду медленно, то и дело останавливаюсь, оглядываюсь, пытаюсь вобрать глазами окружающий мир, полностью насытиться красотой земной природы. Бабочка садится на моё плечо, и я улыбаюсь. Датчик показателей моего здоровья, подкожный микрочип, вшитый в руку, пропиликал утреннюю сводку. Я машинально смотрю, ничего нового. Моё тело функционирует стабильно, а душа просит перемен и полёта. Считаю, свою миссию я выполнила. Последние штрихи, и сегодня предстоит завершающий этап. Думаю, основной в этой моей жизни.

Хотя к последнему эксперименту мы шли лет десять, наш исследовательский процесс длится уже более пятидесяти лет, с 2045 года. Началось всё с идеи создания института сновидений, выглядевшей как развлечение и просто каприз. Что ещё можно узнать из снов? Всё давно изучено, описано, ведь исследования начались ещё в конце девятнадцатого века родоначальником психоанализа Зигмундом Фрейдом. Он тоже изучал сновидения и толковал их. Мы с моим мужем Патриком создали сперва лабораторию, потом аппарат, который считывал сновидения, регистрировал и визуализировал, так что можно было выводить их на экран. Патрик был гением в разных областях науки, имел феноменальную память и жажду знаний всего. Поначалу мы забавлялись, когда смотрели на экране наши сны. Очень много смеялись и подшучивали. Так мы открыли завесу бессознательного. У нас были очень близкие отношения, мы чувствовали тесную связь. В буквальном смысле слова, потому что мы доверяли друг другу тайны очень интимного характера, в которых самому себе бывает страшно признаться. Я улыбаюсь, погрузившись в приятные воспоминания и наслаждаясь прошедшей жизнью.

И тут же мой мысленный поток переносит меня далеко в будущее. Оно не сформировано и проявляется лишь короткими фрагментами. Обычный человек скинул бы это всё на полёт фантазии и мечты. Но я-то уже знаю, в силу своих высоко развитых интуитивных способностей и обострённого восприятия, что это не просто полёт фантазии. Это нечто большее, во что я верю беспрдельно. Я твёрдо убеждена в своей божественной сути и в том, что я здесь ради выполнения миссии. Каждый человек имеет божественную суть, и прибыл на Землю для выполнения особой миссии, но это осознание настолько глубоко закрыто мусором бытовой жизни, эмоциональных травм, деструктивных отношений и излишеств, что человек постоянно возвращается в одно и то же состояние, чтобы прожить и осознать. И всё очень синхронно повторяется. В одной своей жизни человек ходит по кругу, притягивая одни и те же события и ситуации, чтобы прожить их. А что за пределами этой жизни? И на этих повторениях, цикличности и закономерностях мы построили наш эксперимент. Сначала появилась убеждённость, а потом она переросла в реальные опыты. Мы вышли за рамки жизни, расширили границы возможного. Я настолько натренировала свой мозг и тело, что могу засыпать от одной только мысли, что я погружаюсь в сон. У Патрика получилось умереть, как только он сконцентрировался на мысли о своём умирании и том, что он реально умирает. Самое простое, — когда я испытываю голод, мне достаточно сказать себе, что я сыта.

Сегодня я сфокусируюсь на умирании. Я уверена, что мне уже пора перейти на другой уровень и в другой мир. У нас ещё нет чётких данных, что происходит после смерти. Есть религия, изотерическая литература, догадки, предположения, ощущения, которые очень сильно продвигают знания о небытии. И я давно чувствую это. Но мне хочется научно доказать. Это значительно облегчит жизнь многим землянам. Начиная с того, что они не будут испытывать животный страх смерти, и заканчивая новым уровнем развития человечества. Когда есть знание, страх исчезает. Пугает неопределённость. В данном случае

неопределённость небытия земного. Знание повлечёт за собой дальнейшее развитие человечества. Его можно будет передавать из поколения в поколение, благодаря ему развиваться и расти. Если моя интуиция права, — а я чувствую, что на верном пути, — тогда можно запоминать, в ком была душа в настоящей жизни, и передавать эту память в будущее. Может, даже создать банк для хранения информации о душах. Моя задача — начать эксперимент, а кто-то его продолжит.

Я чувствую возбуждение и прилив энергии в своём теле. Предвкушаю предстоящие события. Оглядываюсь вокруг, окружающий меня мир прекрасен. И это я создала его таким. Наше окружение — наше отражение. Приятно осознавать и чувствовать результат своей жизни. Начиная с парка, разделяющего мой дом, где сейчас живут родные, и мой институт. Все растения в нём привезены из разных уголков Земли. Здесь собрана удивительная коллекция редких и диких видов. Архитектура дома и института разрабатывалась по желанию и потребностям моим и моего супруга. Но всё же это не основное. Камни, из которых построены здания, когда-нибудь разрушатся, растения чувствительны к климатическим изменениям. Главное — это мои научные изыскания и наши эксперименты. Вот это, я хотела бы, чтобы осталось на века. Лишь истина уходит в поколения, в отличие от наружного блеска, рассчитанного на мгновение. Сейчас я стою на пороге великого открытия. Может быть, на моём месте кто-то хотел бы упоения славой и почётом, но я поняла другую суть. От этого опять мурашки по коже. Постараюсь пока не торопить события. Я знаю, что на слово никто мне не поверит. Нужны доказательства. И когда об этом будут знать люди, это будет прекрасное время. Потому что это знание делает человека счастливым, лишённым страхов и ненужных стремлений типа власти, славы и тому подобного. Начнётся поистине золотое время. Сколько ночей я не спала, когда меня озарила эта идея, и потом, когда стали появляться многочисленные подтверждения правильности моих догадок. Первые опыты. Пусть они не удавались до конца, и было много ошибок, но я всегда верила и

знала, что рано или поздно всё получится. Отлично, что у меня есть ментафон — устройство, записывающее мои мысли. Хотя они вразброд, впоследствии редактор обработает их автоматически. Главное — не забывать его перезагружать. Прослушивая его, я часто ловила ценную информацию, которая обычно утекает и ускользает в бешеном потоке, пронсящемся в мозгу. Я научилась жить и без мыслей совсем. Путём медитации и концентрации на высших энергиях. Здесь нет мыслей, есть только внутреннее чувствование, представление визуальных образов и внутреннее созерцание. И только в этой полной тишине я слышу внутренний голос. Это божественные ощущения. Первую треть своей жизни я не верила в свою божественную суть и существование Бога. Я росла в семье научных работников, где было принято атеистическое мировоззрение и предпочтение отдавалось доказанному знанию. Но как-то я это почувствовала, а потом появилась вера. Сначала я пыталась логически доказать себе, а поскольку не было доказательств, которые бы чётко подтверждали отсутствие или присутствие божественного в жизни человека, я пробуксовывала. Потом я услышала фразу, что об этом не надо знать, это надо почувствовать. И я почувствовала. И все сомнения враз улетучились. Я наконец-то обрела спокойствие и умиротворение. Божья коровка села на моё плечо. Как не верить в чудо? Стоит только подумать и послать мысль во вселенную, она реализуется. Да, не все мысли и желания сбываются. Здесь тоже сложно было отделить, что важно, а что несущественно или диссонансно. Я упорно работала над развитием своего внутреннего голоса, своей интуиции, своего шестого чувства.

Технологии к 2090 году достигли невиданного уровня. Компьютеры были везде и нигде. Они пронизывали всё кругом, как электропроводка и свет от неё. Чтобы минимизировать размеры устройств, информацию уже стали сохранять на молекулах. Почти во всех сферах жизнедеятельности человека функционируют роботы. Человеческий труд стал не нужен и не выгоден. Остались ценными и востребованными лишь творческие профессии, работа учёных, — там, где нужны фантазия и идеи, — а

также где требуются решения в обход правил, где нужно принимать во внимание человеческий фактор. Машины же отлично выполняют остальную работу и справляются намного лучше, чем человек. Настала эпоха бурного роста технического прогресса. Однако, на фоне этого человек, оставшийся без работы, почувствовал себя ненужным и лишним. Мало кто смог найти себя в жизни и реализовать. Но даже это порой было ненужным. Когда-то ценную работу хирурга сейчас выполняют роботы, и руки у них не дрожат никогда. Прокатилась волна самоубийств, уход в алкоголь и наркотики, употребление таблеток и других химических заменителей счастливой жизни достиг масштабов пандемии. Психбольницы переполнены. Возникла потребность в новых санаториях и лечебницах, где бы с выкинутым за борт населением работали психологи и терапевты. Всё прошло волнами. Сначала глобальная роботизация всего, а потом обесценивание человека и его роли в жизни. Да, средства массовой информации вещают, что роботизация — это лучший выход для человечества. Человек не должен работать, ему надо отдыхать и заниматься творчеством,— вот его истинное предназначение. Но разве можно в один миг перепрошить сознание человека, всю жизнь из поколения в поколение воспитанного на том, что надо работать, что труд сделал из обезьяны человека, что труд облагораживает? В России было время, когда не просто осуждали за тунеядство, это было позорным явлением, более того, являлось правонарушением. Когда наступает экономический спад, предприятия частично или полностью закрываются и люди оказываются на улице, растёт безработица, бывшие работники, оказавшиеся не у дел, чувствуют свою ущербность, отверженность обществом. Но проблема человечества не в отсутствии работы как таковой, а во внутреннем осознании человека. Он может быть при работе, но выполнять свои функции, как робот, совершенно не развиваясь. Для того чтобы самореализоваться, подходят не все профессии, и не каждый, далеко не каждый человек способен и имеет желание к самовыражению. Так воспитан. Такими были его предки. Таковы убеждения. С роботизацией и научным

прогрессом многие люди оказались не востребованными. А для большинства смысл жизни состоит в том, чтобы заполнить её под завязку всё равно чем, — семьёй, работой, детьми, телевизором, разговорами, — чтоб хотя бы на шаг отдалиться от ощущения бессмысленности жизни, вязкого чувства одиночества и от леденящего ужаса смерти. Ох уж эти страхи!!! И как часто люди делают неосознанный выбор, руководствуясь просто: «А так у всех. Так все делают». А зачем? Каждый, лично, задаёт себе этот вопрос? Для чего всё это надо?

Я чувствую какое-то движение за спиной. Медленно поворачиваю голову, но там никого нет. Я иногда ощущаю поток энергии рядом с собой. И мне интересно, что там происходит в другом мире? Скоро узнаю. Этот интерес возбуждает. Я по-прежнему люблю риск и страсть. А всё новое и неизведанное рождает эти ощущения. Погода стоит прекрасная. Тёплая ранняя красивая осень. Ураган красок. Ярко. Я ещё раз убеждаюсь в правильности своего выбора времени для завершения жизненного пути. Всё совпало, и пазлы сложились как надо. Много синхронии. Подхожу к институту, оглядываюсь на парк и созерцаю красоту земной жизни. Вдыхаю аромат осени и утра. Телом ощущаю лёгкий ветерок и тёплый воздух. Закрываю глаза. Мурашки по телу. Ощущение счастья и любви. Лёгкая улыбка не сходит с моего лица, она приклеилась уже давно. Окидываю всё вокруг внимательным взглядом. Я всегда хочу поглотить глазами то, что вижу. Зрение, слух, обоняние, осязание, интуиция, — все мои чувства обострены. Захожу в институт. Он уже тоже проснулся. Суетятся роботы, наводя чистоту. Переговариваются учёные, обсуждают что-то. Увидев меня, кивают головами, приветствуя. Я давно перестала подчеркнуто здороваться и прощаться. Все здесь практически живут, и нет необходимости в особых приветствиях. Это несущественно и необязательно. Когда думаешь о вселенной, всё остальное становится настолько мелким. Почему во вселенском масштабе нет смысла в жизни? Возможно, потому что земная жизнь временная? Или она очень мала и ничтожна даже для галактики? Я всего лишь маленькая песчинка планковского

масштаба, невидимая, а если и видимая, то как-то по-другому, в другом мире, другим наблюдателям, так же, как и я на своём антропном уровне не могу увидеть другие миры всевозможных вселенных. Но кажется, могу почувствовать. Чувствовали и другие люди, до меня. И передавали из поколения в поколение. Мы чувствуем, а физики научным путём доказывают обоснованность наших ощущений. И все мы идём к священному Граалю, к теории Всего. Или Ничего. По сути это одно и то же.

Глава 2

Квантовая механика

Я живу и работаю вблизи адронного коллайдера. Это мощная станция, на которой перегоняют большие потоки энергии и которую мы с Патриком построили сами. Первый в мире адронный коллайдер был создан, чтобы выяснить, как образовалась вселенная, и чтобы воспроизвести условия, имевшие место сразу после Большого взрыва, в результате чего из тепловой энергии родилась материя и материальный мир, который мы можем наблюдать. Меня всегда интересовала антиматерия. Не знаю, откуда у меня страсть ко всем «анти», но этим прямо-таки пронизана вся моя жизнь. Мы выдвинули гипотезу, что антиматерия — это духовный мир, который невозможно наблюдать визуально, но можно почувствовать на ментальном уровне. Сначала это была даже не гипотеза, а просто мысль, которая мелькнула у меня в голове. Мелькнула и не ушла, а стала постепенно овладевать мной, незаметно для меня самой. Мне было тогда сорок лет, я была молода и полна сил. Именно тогда я утвердилась в мысли, что существует другой мир. Но не сразу. В то время об этом много и писали, и говорили, и было много фильмов на тему высших сил. Поначалу я этого не чувствовала и поэтому не могла поверить, считала очередной сказкой. Но однажды меня будто пронзило током от осознания масштабов вселенной и от вопроса, а что же там, за её пределами? Я вдруг ощутила связь с высшими силами и наполнилась энергией, дотоле мне неведомой. И мне пронзительно захотелось заглянуть в этот иной мир. Но как? Я стала собирать информацию, всё больше убеждаясь, что это не фантазия, не досужие домыслы, просто эта область пока ещё за пределами человеческого знания. Тогда же мне посчастливилось

побывать на конференции, где поднимались вопросы субатомной физики и квантовой механики.

— Спиральные галактики подобны крутящимся шутихам. И звёзды в них вращаются вокруг общего центра так быстро, что по законам физики должны разлететься прочь, подобно разогнавшемуся автомобилю, который выносит в кювет на резком повороте из-за слишком большой центробежной силы. Чтобы звёзды оставались в своих галактиках, на них должны действовать дополнительные гравитационные силы. Поэтому есть предположение, что в галактиках есть нечто, вносящее свой вклад в силу тяготения, но не отображающееся ни в каком диапазоне электромагнитного спектра. Эту загадочную субстанцию мы называем тёмной материей.

За кафедрой выступал Франкл Броуз, молодой профессор Оксфордского университета, специализирующийся на физике элементарных частиц. Глаза его излучали уверенное спокойствие и свет. Я жадно впитывала все его слова и даже дыхание.

— Любые частицы, подверженные влиянию магнитного или электрического полей, могут испускать электромагнитное излучение. Частицы тёмной материи должны быть индифферентны к этим силам. Возможным кандидатом на роль тёмной материи могут быть нейтральные субатомные частицы, например, нейтрино. Это неуловимые частицы, несущиеся сквозь вселенную почти со скоростью света. Именно в этом и заключается проблема, потому что современные космологические модели согласуются с наблюдаемыми свойствами галактик лишь при условии, что тёмная материя состоит из медленно движущихся массивных электрически нейтральных частиц, которые способны легко проходить сквозь Землю, но изредка могут оставлять следы, сталкиваясь со специальными датчиками.

Он ещё много говорил, а я сидела с открытым ртом и слушала, и воспринимала по-своему, не как физик или астроном с их естественнонаучным мышлением, а на своём уровне, с точки зрения духовного развития. У меня философское образование, но я всегда интересовалась естественными науками, потому что

убеждена, материальный и духовный мир — неразрывные части вселенной.

Для участников конференции в огромном фойе были организован фуршет. В перерыве люди, разбившись на небольшие группы, обсуждали доклад и свои темы, отдавая должное напиткам и разнообразным закускам. Я медленно прохаживалась и пробовала то одно блюдо, то другое. Тут в моё поле зрения попал Франкл. Он непринуждённо беседовал с каким-то привлекательным мужчиной. Я обрадовалась возможности пообщаться со старым товарищем и направилась в их сторону. Видимо, уловив мою энергию, Броуз повернул голову и расцвел в улыбке. Мы знакомы с юности, еще по университету, вместе учились, общались, и сейчас я испытывала некоторую гордость, что он так увлечён наукой, ставит серьёзные эксперименты, выступает с докладами.

— Отлично выступил! Я с удовольствием и интересом слушала и впитывала, — вместо приветствия похвалила я, улыбаясь Франклу и мельком взглянув на незнакомца.

Мы обнялись, как положено давним друзьям.

— Рад видеть тебя! Молодец, что нашла время и приехала, — Франкл, оставив руку на моём плече, развернул меня на своего собеседника. — Позвольте вас представить. Это мой коллега Патрик. А это моя университетская подруга Ева. Мы учились на одном курсе, правда, Ева у нас не физик, а философ. Но, как видишь, гуманитарные науки не отбили у нее интереса к природе, — добавил он с лукавой улыбкой.

Патрик смотрел на меня большими глазами, наполненными любовью, интересом и удивлением. Я также около тридцати секунд смотрела в его глаза и не могла оторваться. Их глубина меня поразила и покорила. Время остановилось, мы как будто играли в «замри».

— Очень приятно, — очнувшись наконец, он слегка поклонился, и я протянула ему свою руку.

Его рука оказалась тёплой, а прикосновение приятным. У него были привлекательные черты лица, ухоженная борода, пушистая шевелюра с золотистым отливом. Да, его волосы

меня поразили. Длинные, ниже плеч, круто выющиеся и от того очень пушистые. Если бы не бандана, которая, видимо, и была на нём, чтобы сдерживать их объёмность, он был бы похож на солнышко.

— Ты похож на ангела, — сказала я, потому что мне так показалось.

— Хорошо, что хоть не на чёрта, — ответил он неожиданно громко.

Голос у него был также необычный. Его тембр сложно описать, но однозначно не похожий ни на один другой, низкий, глубокий, обволакивающий. Звучал он громко, твёрдо и уверенно. Мы рассмеялись его шутке. Он и смеялся громко, привлекая внимание окружающих. Я никогда не встречала таких людей. Он был очень непохож на тех, кого я знала. Тело у него маленькое, щуплое, а голова, благодаря причёске, большая. При этом от его голоса, взгляда, да и от него самого исходила сила и мощь. Компенсация. Одним словом, чудо.

Тут Франкл подался вперёд, явно увидев кого-то.

— Прошу прощения, вынужден ненадолго вас покинуть. Скоро вернусь, — почти пропел он и быстрой летящей походкой направился в другой конец зала.

Какое-то время мы стояли молча и поглядывали друг на друга. Патрик иногда глупо улыбался, не решаясь заговорить.

— Мне интересно, как ты проводишь свои эксперименты и где? Ведь необходимы особые условия и место, — решила я прервать молчание, видя его нерешительность и отнеся это к его скромности.

— Мы стараемся воспроизвести условия, имевшие место сразу после Большого взрыва. Большой адронный коллайдер может порождать тёмную материю. Он находится возле Женевы, — Патрик обрадовался, что может говорить на любимую тему, и с энтузиазмом принялся рассказывать, тем самым снимая тяжёлую неловкость от молчания.

— Можно поподробнее? Что за условия такие? Что такое адронный коллайдер? Это типа экспериментальной лаборатории?

— Совершенно верно. Это огромнейшая лаборатория. Антиматерия и материя при соприкосновении аннигилируют, превращаясь, как правило, в гамма-излучение. И наоборот, энергия может превращаться в равное количество вещества и антивещества. Так из тепловой энергии Большого взрыва родилась материя, которая образовала наблюдаемую нами материальную вселенную.

— А антиматерия? Что с ней произошло?

— Антиматерия также при этом родилась, и она должна была привести к аннигиляции всей материи. Но что-то сместило равновесие в пользу материи. И это загадка. Есть предположение, что в поведении вещества и антивещества есть различия. Именно поэтому небольшое количество вещества и антивещества смогло пережить начавшуюся Великую аннигиляцию вслед за Большим взрывом, хотя в первые мгновения Большого взрыва вещество и антивещество возникли в равной пропорции.

— Как интересно! И загадочно. Что же повлияло на то, что произошло смещение? Что за некая сила неизвестная?

— Да, существует силовое поле. Здесь ещё одна загадка. Такие частицы, как электроны, обладают массой. Если бы не было массы, то не существовало бы таких структур, как атомы, а вместе с ними и нас. Будь электрон безмассовым, атомы имели бы бесконечные размеры, иначе говоря, их бы не существовало. Мы предполагаем, что источником массы элементарных частиц служит их взаимодействие со всепроникающим силовым полем.

— Я правильно понимаю, что Большой адронный коллайдер имитирует столкновение частиц в первые мгновения Большого взрыва?

— Да! И даёт представление об уровне энергии. Мы пытаемся найти свидетельства того, что вещество и антивещество ведут себя по-разному, и различия либо в том, как они возникают, либо в особенностях их распада.

— Мне кажется, в особенностях распада. Всё же процесс зарождения нам виден и известен, а распад не до конца...

— Что ты имеешь в виду?

— Мы знаем, как распадается материя, и как зарождается материя. Как зарождается антиматерия тоже можно предположить, а вот распад антиматерии неизвестен.

— А я вот что скажу вам, дорогие мои, — мимо нас в это время проходил мужчина средних лет с кислородным коктейлем в руках. — Услышал ваш разговор, и я как раз думаю на эту тему. Какая синхрония! Невидимые силы и энергетический поток направили меня в вашу сторону! Фундаментальные свойства природы суть соотношение неопределённостей. Любая попытка посмотреть на явление сколько-нибудь пристально непременно оказывает на это явление неконтролируемое воздействие...

Мы с интересом разглядывали мужчину. Выглядел он несколько чужаковато, впрочем, как и большинство учёных, погружённых в идею. Казалось, что он сдерживает суетливость и бешеный поток мыслей нарочито медленными и плавными движениями. Он отпил коктейль из трубочки. Мы отпили сок. Я внутренне немного обрадовалась такому внезапному вторжению из внешнего мира, так как почувствовала какую-то непонятную связь с Патриком, и мне нужен был таймаут, чтобы разобраться в себе и осознать свои ощущения. Периодически мы с ним переглядывались и улыбались, пока мужчина говорил.

— Так вот, я продолжаю, — радуясь, что нашёл слушателей и единомышленников, вдохновлялся учёный. — На чём я остановился? А! И причём тем более неконтролируемое, чем более мелкие детали нас интересуют. Для того чтобы различить малый масштаб, требуется большая энергия. Нужно разгонять частицы всё сильнее, если мы хотим изучить всё более мелкие детали. Да-да, мы должны работать в планковском масштабе. А чтобы до него добраться, нужно собрать в одном месте едва ли не всю энергию, что есть во вселенной. Она когда-то и была заключена в таком предельно малом планковском объёме, но лишь в момент, близкий к рождению нашей вселенной.

— Пока что это невозможно осуществить, насколько я понимаю. Но откуда тогда известно, что там происходит что-то необычное?

— Да, там происходит нечто необычное, то, чего не существует ни в каком привычном нам смысле, — учёный отрешённо посмотрел куда-то вдаль. — Кстати, я ведь не знаю, как вас зовут.

— Что значит «в привычном нам смысле»? Я Ева, — улыбнулась я, захваченная темой и стараясь не отвлекаться.

— На антропном уровне, живя в трёхмерном пространстве, мы всё воспринимаем только исходя из длины, ширины и высоты. Это три измерения, в которых мы легко можем представить нашу вселенную. Четвёртый параметр, который наблюдает человек, — это время или протяжённость. К сожалению, мы можем наблюдать его крайне ограниченно. Мы можем видеть наш мир в каждой отдельной точке, но нам недоступно движение вдоль оси времени, как, например, вверх-вниз или вперед-назад. Принимая постулат, что время — ещё одно измерение нашей вселенной, логично предположить наличие бесконечного множества параллельных миров — возможное развитие нашей вселенной после Большого взрыва, а если смотреть более глобально, то и другие вселенные и их возможное развитие во времени. Но это лишь теория, потому что мир в доступной нам части управляется квантовой механикой, той самой наукой, существенными элементами которой является соотношение неопределённостей. И в случае с ядерными силами получается всё хорошо. А вот с теорией гравитации, той самой общей теорией относительности Эйнштейна, всё плохо, — вставил Патрик, с улыбкой подавая руку неизвестному учёному. — Я Патрик.

— Всё верно! Имеется масштаб, на котором квантовые эффекты становятся не просто большими, а неконтролируемо огромными, лишая всякого смысла наши попытки с ними разобраться. Квантовая природа гравитации нам неизвестна! Но уверен, что проникновение на такой уровень принесло бы нам потрясающие знания о том, что самая, казалось бы, базисная ткань мироздания на самом деле сложена из чего-то ещё более фундаментального, чего-то, что может сформировать пространство-время.

— А может существовать и в совершенно иных формах,.. — добавила я и улыбнулась.

Внезапно учёный что-то вспомнил.

— Прошу меня извинить, мне нужно срочно удалиться. Жаль, только успели познакомиться, и придётся расстаться. Надеюсь, ещё увидимся и пообщаемся.

И он, слегка прихрамывая, заспешил к выходу. Мы с Патриком переглянулись.

— Может, перекусим? Кажется, я проголодалась.

— Да и я бы тоже чего-нибудь пожевал.

Мы переместились к фуршетным столам. Я, в задумчивости о теме мироздания, скорее машинально выбирала сыры, мясо, овощи. Патрик тоже молчал. Но стоило нам оказаться друг напротив друга, как мысленный поток вырвался в словах.

— Почему бы не изобрести методы глубинного зондирования природы пространства и времени?

— Пока что нет таких методов. Я как раз-таки ломаю голову над этим, — улыбнулся Патрик. — Дело в том, что и в планковском масштабе линии пространства-времени искривлены, просто с учётом расстояний эта нелинейность практически ненаблюдаема. Но даже ничтожные эффекты можно сделать заметными, если есть возможность их накопления.

— Планковская длина — это масштаб, на котором перестают работать наши обыденные представления о пространстве? Я правильно понимаю? И необходимо совместить фундаментальные теории — квантовую теорию субатомного мира и теорию относительности, описывающую поведение пространства и времени?

— Да, всё верно. И эти две теории необходимо совместно использовать для описания структуры пространства и времени в планковском масштабе. Это число с 34 нулями после запятой.

— Но в этой области наверняка есть какие-то исследования. Ведь есть данные, и мне было бы интересно с ними ознакомиться.

— А что за интерес у гуманитариев к физике? — Патрик улыбнулся.

— У меня есть одна идея, но пока что она сырая, и я боюсь её озвучивать. Мне надо накопить больше информации, чтобы утвердиться в своих догадках.

— Понятно. Значит так, существует несколько теорий. Одна из них — это теория суперструн, согласно которой материя в масштабах порядка 10^{-35} рассматривается как полевая структура, представляющая набор стоячих волн. Колебания этих струн совершаются в десятимерном пространстве, все измерения которого, кроме привычных нам, свёрнуты в сложные формы.

— Потрясающе! Я так и думала! Я догадывалась, я это чувствовала.

— Да? Эта теория уже не новая. А вот относительно недавно космическим телескопом «Ферми» зарегистрированы гамма-лучи — самый высокоэнергетический вид излучения. Это был двухсекундный гамма-всплеск, пришедший из галактики, находящейся от нас на расстоянии 7 миллиардов световых лет.

— Боже мой! Фантастика!

— В составе этого всплеска астрономы обнаружили пару квантов с длинами волн, различающимися примерно в миллион раз.

— Соответственно, во столько же раз различается их энергия? Невероятно!

— Нам нужен микроскоп в 10 миллионов миллиардов миллиардов раз более мощный, чтобы разглядеть события в планковском масштабе.

— То есть нужно такое увеличение, чтобы отдельный атом казался бы больше целой галактики?

— Всё верно. Если нечто локализовано в области меньшего размера, гравитационное искривление окажется столь сильным, что вся область пространства превратится в крошечную чёрную дыру.

— Чем точнее определена область пространства, тем неопределённое количество содержащейся в ней энергии.

Казалось, я задыхаюсь от возбуждения, настолько синхронны были эти научные факты с моими догадками и гипотезой, которая даже мне порой казалась фантастической. Теперь я понимала, что на правильном пути. И если совместить духовное и физическое, я найду отгадку, истину, тайну мироздания. Я пошла к столу с напитками за бокалом энергококтейля.

— Я убеждён в многомерности нашего пространства, — стоя у стола, двое учёных горячо спорили, и я невольно подслушала их разговор. — Ну да. Взять хотя бы существование квазикристаллов.

— Простите, а чем квазикристаллы отличаются от обычных кристаллов? — невинно спросила я и шумно потянула коктейль через трубочку, привлекая внимание.

— Кх, кх, кх, — закашлялся учёный и смерил меня оценивающим взглядом. Получив отпор моих уверенно устремлённых на него глаз, очень серьёзных и спокойно ожидавших ответ, он сделался весьма учтивым и даже слегка улыбнулся. — Их миры схожи, и между ними можно провести мосты, но в то же время они разные. Например, наночастицы, не обладая трансляционной периодичностью, могут обладать любой симметрией. Таким образом, наночастица...

— Своего рода зародыш кристалла, — вставил второй собеседник.

— Да! На самом деле может иметь запрещённую симметрию.

— И очень часто имеет, — опять не удержался другой, пытавшийся понравиться мне, всем своим телом выдавая себя с головой.

Я легко считывала все посылы и вибрации тела человека во время общения.

— Запрещённые симметрии — это те, которые пока не изучены? — слегка улыбнулась я и наклонила голову.

— Можно и так сказать, — продолжил учёный. — Такой симметрией обладают углеродные наночастицы — фуллерены. А квазикристалл можно представить как наночастицу-переросток.

— Понятно, — кивнула я, хотя уже чувствовала перебор информации и потребность всё переосмыслить и сложить в логическую цепочку.

— Другой мост между кристаллами и квазикристаллами — элемент бор, у которого все известные модификации содержат икосаэдрические кластеры с запрещённой симметрией. Этим обусловлены экзотические свойства квазикристаллов — их неожиданная для металлов высокая твёрдость, хрупкость, низкая теплопроводность, а по особенностям электропроводности они во многом напоминают полупроводники...

Я оторвалась от беседы и оглянулась на Патрика. Учёные продолжали делиться знаниями и гипотезами. А мне пора было уходить.

— Сегодня у меня перебор с информацией,— засмеялась я, поднимая брови.

— Понятно,— улыбнулся Патрик в ответ.

— Я думаю, что вопросы у меня остались, и их будет ещё много. Механизм запущен, я вынашиваю одну идею и постоянно о ней думаю. И я бы хотела поделиться ею с кем-то, но пока не готова. Ещё не уверена, что это не бред. Хотя, конечно же, в какой-то степени бред и полная нелепость.

— Практически каждая гениальная идея изначально кажется бредовой и нелепой. Лишь вера гения учёного, что она имеет место быть, помогает ей выйти наружу и стать научным открытием.

— Вероятно, это так... А вот вспомнила, что ещё мне неясно и хотелось бы сегодня понять. Про порядок. Как это устроено? Удивительно, что я люблю порядок. А здесь есть запрещённый. Я про квазикристаллы. И тоже мне нравится. Запретный плод сладок.

— Хе-хе, да... Ближний и дальний порядок — это упорядоченность в расположении структурных частиц вещества...

— Атомов, молекул, ионов...

— Да. Упорядоченность на расстояниях, сравнимых с межатомными, называется ближним порядком, а упорядоченность, повторяющаяся на неограниченно больших расстояниях,— дальним порядком. Например, в идеальном газе нет никакой закономерности во взаимном расположении атомов, то есть нет ни ближнего, ни дальнего порядков. В жидкостях существует только ближний порядок, но на больших расстояниях он размывается и переходит в беспорядок. А вот в кристаллах правильное чередование атомов на одних и тех же расстояниях друг от друга повторяется для сколь угодно отдалённых атомов.

— Ясно, значит, основным признаком дальнего порядка является симметрия кристаллов. Соответственно, в квазикристаллах эта симметрия нарушается, но в то же время порядок остаётся. Поэтому запрещённая симметрия?

— Да, это так.

— Как с тобой всё легко и просто! Удивительно. Оставь мне, пожалуйста, свой телефон или другой контакт для связи. Если ты непротив, я бы звонила и уточняла неясные вопросы, как только они у меня сформулируются.

— Да, конечно, — Патрик протянул магнит со своим автографом и телефоном.

— Прилеплю на холодильник, — засмеялась я.

— Для этого и задумано, — широко улыбнулся Патрик.

— А, вот вы где! — к нам навстречу почти летел Франкл. — Я прошу прощения, что так надолго вас оставил. Теперь я с вами.

— Это прекрасно. Однако я уже собираюсь уходить.

— О, Евочка! Побудь со мной ещё немного. Кстати, меня пригласили в Женеву на Большой адронный коллайдер. У них одна из учёных ушла в отпуск на несколько лет, и среди остального персонала не нашлось никого, кто мог бы выполнять её функции. А я как раз специализируюсь в этой области. Так что я, скорее всего, соглашусь. Даже и не мечтал поработать на БАКе. Да, вот это чудо! — Франкл был очень возбуждён от переполнявших его эмоций.

— Потрясающе! Я тебя поздравляю. Значит, мы с тобой будем там чаще встречаться. Ева, ты хотела бы посетить Большой адронный коллайдер?

— Конечно! Это же попасть в сам организм, вовнутрь тела.

— Вот торопыги! Подождите пока! Я ещё не дал своего согласия. Может, я не захочу там работать. А вы уже распланировали, — Броуз явно кокетничал, стараясь говорить с напускной строгостью.

Мы с Патриком только рассмеялись. Как же, не захочет! У Франкла был вид мальчишки, получившего в подарок заветную игрушку.

— Вот только не надо строить из себя. Ещё как захочешь.

— Да! — сдался он. — Я ведь даже и мечтать не мог об этом. А здесь, на два года! И кто знает, возможно, этот срок продлится, — Франкл улыбался и выглядел очень счастливым. — Ты прав,

Патрик, я не могу поверить, что это со мной произошло! Как будто это для меня много, и я не могу принять.

— Это поначалу так, а потом привыкнешь и примешь как подарок тебе от Высшей силы за труды твои и старания, — я ободряюще погладила его по плечу. — Ребята, я всё же с вами прощаюсь. Жду от вас приглашения на Большой адронный коллайдер.

— Конечно, жаль, что ты уходишь, я и не поговорил с тобой, как следует давним друзьям. Надеюсь, Патрик был красноречив, и ты не скучала.

— О, да! Мне было очень интересно.

— Позволь, я тебя провожу, — произнёс Патрик, густо покраснев при этом.

— А, хорошо, — я немного смутилась и оттого замешкалась с ответом.

Он попрощался с Франклом, и мы вышли в прохладные осенние сумерки. Повсюду лежала опавшая листва. Вечер замер в безветренном безмятежьи. Лишь тихий шорох листьев под ногами напоминал о существовании материального мира. Я как будто оторвалась от реальности и переместилась в другой мир, непонятный в обыденном смысле, простирающийся за границами знаний человека. Что-то неувимой нитью тянулось там, и я всей душой и даже кожей ощущала присутствие чего-то иного, неподвластного логике и разуму и поэтому недоступного для описания словами. Если провести аналогию с темой конференции, то это нечто из области квантовой гравитации. Настолько близкое к Богу, что невысказуемо вообще. И как бы я ни убеждала себя, что в данном случае мозг надо отключать и не пытаться объяснить логически, что здесь можно только чувствовать, ощущать, я всё же стремилась осознать это. Я понимала и верила, что это осознание будет чем-то новым, тем, что до сих пор не было открыто человеку. Мы шли молча, шурша листвою, и никто не пытался прервать тишину.

— Это вам.

Незнакомая девушка протянула нам что-то, и я машинально взяла. Как будто листовка рекламы. Я потрогала и нащупала открытку. Повернулась к девушке, а она уже собралась уходить.

— Боже, какая красота! — воскликнула я, разглядев красивый рисунок.

— Это ручная работа, — ответила девушка, сделав легкий книксен.

— Спасибо большое, — улыбнулась я.

Мы двинулись дальше, а я пыталась разглядеть, что написано на открытке. Прочитав, я воскликнула с удивлением и восторгом.

— Ты посмотри, что написано! «Истинные цели, истинное предназначение и своя, настоящая дорога открыли, распахнули все двери. Люблю и любима. Любви, добра и процветания».

— Да, очень красивые слова. Я бы сказал, пророческие. Ангел спустился и отдал тебе открытку.

— Не мне, а нам. Ты же со мной сейчас.

— Мне кажется, открытка предназначалась тебе.

Я опять погрузилась в тишину. Не зря говорят, что Бога можно услышать только в тишине. Вот я его и услышала. Или он меня. И передал открытку в знак подтверждения правильности моего Пути, одобрения и довольства мной. Моя вера в Бога крепла по мере того, как я всё глубже погружалась в науку, постоянно натываясь на непонятные и необъяснимые вещи. Я изучила множество религий, от христианства до буддизма. Пусть у меня не было доказательств, видимых и буквальных, и не было научно доказанных фактов, но я замечала небуквальные подтверждения существования высшей силы и Бога, и что он не рождает и сам не рождён, и что это невероятная энергия, существующая в мире, которая постоянно наблюдает и контролирует земной процесс. А помощники Бога, ангелы, помогают всем людям с благочестивыми намерениями. И это факт! Чем более чист человек в своих помыслах, внутренне расслаблен и свободен, тем большего он достигает, и ему помогают высшие силы в Пути. Это я проверила на своём опыте.

— Ты веришь в Бога? — спросила я у Патрика. — Я верю.

— Что за вопрос? Верю ли я? Верю. В единственного создателя всего. Без веры невозможно жить. А ты как пришла к Богу?

— О, я долго шла и выбирала. Изучала разные религии. Увлекалась эзотерикой. Но мне нужно было что-то определённое, конкретное. Стала ходить на собрания для верующих. Какое-то время мне там было хорошо. Но вскоре я поняла, что люди, хоть и верят в Бога, всё равно грешат, совершают плохие поступки. Мне стало казаться, что у некоторых вера неосознанная, больше показная, просто как социальная норма, правило. И я перестала ходить на эти собрания. Верю сама по себе и всё, стараюсь жить по совести, совершать добрые дела.

— Да, неопределённость всегда пугает, это я тоже понял. Поэтому человек стремится попасть в систему. С рождения, — школа, институт, работа, — человек всегда в системе. А вне системы ему плохо. Как бы он ни стремился к свободе — это обманчивое стремление. Свобода подразумевает жизнь в неопределённости.

— О да, это точно! У меня был период, когда я оставила надоевшую работу, хоть и рисковала в течение месяца оказаться на улице без средств к существованию. И в это время я начала погружаться в веру в Бога и полностью отдалась под его влияние. У меня был тяжёлый период. Я боролась с собой. Мне так хотелось вернуться в зону комфорта, к привычной жизни, к работе, хоть и неинтересной. Лишь бы быть в более или менее безопасной определённости.

— Так живёт большинство людей на Земле. Хоть и не в самых комфортных условиях, но для многих главное — иметь чувство определённости будущего, хоть немного. Бродяги, отшельники, именно они приближены к свободе и научились жить в неопределённости.

— Радуются жизни в реальном мире здесь и сейчас. Ничего не планируют. Конечно, у них есть мечты и надежды, и они идут к ним своим Путём. Они знают свою миссию и находятся на самом высоком уровне развития, каким бы странным это ни казалось.

— Я согласен с тобой. Ты права. И всё же, как у тебя получилось прийти к свободе? К истинной свободе?

— Ну, это было тяжёлое время моего духовного роста, которое проходило через кризис. Я верила в помощь Высшего Разума. И лишь благодаря этому у меня получилось. Я много молилась и медитировала. И в какой-то момент достигла критической точки. Нужно было отказаться от всего, остаться в невесомости, чтобы обрести свободу и безмятежность. Лишь вера в безусловную и бескорыстную любовь Бога мне помогла. А поскольку я всегда считала, что Высшая сила и разум есть и внутри меня, и повсюду, всё вернулось к моей Божественной сути и вере в неё.

— Но ведь одними молитвами и медитациями сыт не будешь. Мы живём в материальном мире, и человек зависим либо от работы, которая даёт средства к существованию, либо от других людей, которые его кормят и помогают. Или приходится жить подобно бродяге, в лесу, под кустом. Сложно совместить и найти баланс.

Мы долго не могли расстаться, просто брели наугад по тихим осенним улицам, не замечая ничего вокруг, и говорили, говорили... Это был Знак. Я на верном пути, и Бог послал мне в помощь единомышленника, союзника и верного друга.

Глава 3

Адронный коллайдер

Так началось моё знакомство с Патриком, которое перетекло в дружбу, а позже в семейную жизнь.

Как-то он позвонил мне и спросил:

— Помнишь, мы разговаривали об экскурсии на БАК?

— Что это? — не сразу сообразив, спросила я.

— Большой адронный коллайдер.

Я чувствовала его улыбку на другом конце провода.

— Ах, да, конечно! Как я могла забыть, ведь я ждала! — обрадовалась я.

— Я получил приглашение для тебя. Твой адрес не смогли найти, и поэтому приглашение отправили мне и попросили передать тебе.

— Ура! — подпрыгнула я от счастья. — Когда? Это надо ехать в Женеву?

— Нас ждут в конце недели, так что у нас два дня на сборы и чтобы добраться до места.

— Хорошо! Буду собираться.

— Я закажу билеты. Как ты смотришь на то, чтобы прокатиться поездом? Я уже посмотрел, он в пути двадцать часов.

— Ты читаешь мои мысли! Давно не путешествовала на поезде, и с удовольствием прокачусь!

— Прекрасно, что наши желания и потребности совпадают. Я, как закажу билеты, сообщу тебе.

— Идёт! Договорились.

Я с радостным ощущением и предчувствием приятного неожиданного неизвестного приключения стала танцевать и кружиться. Меня накрывала волна счастья. Я остановилась возле зеркала и посмотрела в глаза. Там отражалось море любви и веры.

Как только собралась группа из десяти человек, таких же, как и мы, экскурсантов, мы зашли на территорию БАКа. Нас встретил профессор, пожилой мужчина с бородой и седыми волосами, и сразу же приступил к рассказу.

— Большой адронный коллайдер — ускоритель заряженных частиц, который предназначен для разгона протонов и тяжёлых ионов, материи и антиматерии и изучения продуктов их столкновения. Имитация Большого взрыва в момент создания вселенной. Коллайдер построен в европейском научном центре ядерных исследований, недалеко от Женевы. В то время БАК являлся самой большой экспериментальной установкой на Земле. Длина основного кольца ускорителя составляет 26 659 метров. Пучки частиц, состоящие из кварков, ускоряются в противоположных направлениях и сталкиваются в специальных точках, выделяя при этом большой объём энергии. Это позволит доказать также существование суперсимметрии, теорию струн и, соответственно, наличие уж куда более четырёх измерений. Глубина залегания туннеля коллайдера под землёй от 50 до 175 метров, причём кольцо туннеля наклонено примерно на 1,4% к поверхности земли. Для удержания, фокусировки и коррекции протонных пучков используется 1624 сверхпроводящих магнита, общая длина которых превышает 22 километра. Магниты работают при температуре -271°C .

Мы спустились в туннель и попали в холодное помещение, показавшееся сперва тёмным. Но по мере нашего продвижения пространство освещалось на ближайшие сто метров. Здесь располагалась другая труба-туннель, вдоль которой мы медленно передвигались. И казалось, что внутри трубы происходит невероятно чудесный процесс. Всю группу охватило какое-то благоговейное чувство и в то же время смятение. Каждый боялся пошевелиться и даже дышать громко. Поэтому царила невероятная тишина, нарушаемая лишь спокойным размеренным голосом профессора. И непонятно было, то ли в рай, то ли в ад мы спустились. Что-то немыслимое витало в пространстве и наполняло нас жутким страхом и ощущением чуда.

— Скорость частиц в БАКе на встречных пучках близка к скорости света в вакууме. Разгон частиц до таких больших энергий достигается в несколько этапов. Сначала идёт подготовка в низкоэнергетических ускорителях, потом частицы попадают в бустер, далее в протонный синхротрон, приобретая энергию в 28 ГэВ². При этой энергии они уже движутся со скоростью, близкой к световой. После этого ускорение продолжается, достигая 450 ГэВ. Затем сгусток протонов направляют в главное 26,7-километровое кольцо, доводя энергию протонов до максимальных 7 ТэВ, и в точках столкновения детекторы фиксируют происходящие события. Масса всех частиц не превышает нанограмма и их даже нельзя увидеть невооружённым глазом. Они проходят полный круг ускорителя быстрее чем за 0,0001 секунды, таким образом, совершая свыше 10000 оборотов в секунду.

Экскурсия произвела на меня, на нас, неизгладимое впечатление. Это было моё первое приближение к мощным энергетическим потокам. С того момента я ни на миг не оставалась одна. Даже когда рядом со мной никого не было, я чувствовала их присутствие... Необъяснимой силы, мощной энергии, идущей параллельно, в другом возможном пространстве-времени, не видимой только из-за своей скорости и массы.

Мы шли с Патриком, потрясённые непонятным ощущением чего-то сверхъестественного. Конечно, учёные, работающие на БАКе, не обязательно испытывают подобные ощущения. Просто мы с Патриком верили в высшую силу и Божественный порядок вещей. Религия и наука всегда спорили и зачастую не находили общих точек соприкосновения. Мы же верили в высшую силу и энергию. Чувствовали существование рядом чего-то ещё. Ощущали это всеми клеточками тела.

После посещения Большого адронного коллайдера перед нами распахнулись все двери, стали ясны истинные цели, истинное предназначение и своя настоящая дорога. Мы с Патриком стали жить вместе, усыновлять детей разных национальностей, из разных уголков мира. За сорок лет мы воспитали 12 детей. Объехали все континенты на Земле, много путешествовали и жили очень

счастливы. Продвинутая медицина и здоровый образ жизни, молитвы, пост способствовали снижению темпов старения и увеличению продолжительности жизни. Даже в почтенном возрасте, когда мне исполнилось восемьдесят лет, я чувствовала себя бодрой и энергичной, словно мне было пятьдесят. Патрик чувствовал себя так же. И впереди у нас были ещё долгие счастливые годы жизни. Подготовка к переходу в мир иной после смерти. Очень некомфортно было находиться в неопределённости, что же там после смерти? В существование рая и ада я на тот момент не очень-то верила и хотела проверить, не миф ли это. Патрик верил, но для меня этого было мало. Мне необходимо было самой почувствовать и осознать. Но как? Мы с друзьями часто устраивали мозговой штурм на разные темы, которые хотя бы отдалённо касались волнующих меня вопросов.

— Как ты объяснишь наличие симметрии ряда законов, проявляющих себя в разных мирах Вселенной, несмотря на глубокую разницу в сущности сфер и самих систем? Симметрия свойств материи, систем и происходящих в ней взаимодействий при изменении каких-то её параметров связана с законом сохранения. В физике есть теорема, что каждой из них сопутствует некая сохраняющаяся величина.

— Все законы природы идентичны.

— Верно! Из этого следует, что в духовно-нематериальном мире тоже должны соблюдаться определённые законы сохранения. Есть ещё одна закономерность — тенденция объектов и систем к сохранению формы и структуры, по существу очень близкая к тенденции сохранения массы.

— Мы говорим о форме и структуре как о нематериальных характеристиках, описывающих соотношение частей и целого, соотношение частей целого друг с другом и другие взаимодействия внутри системы.

И наконец-то мы утвердились в мысли о необходимости экспериментального доказательства существования души, её сохранения и кодировки, если можно так выразиться, после смерти тела, чтобы отследить её движение с использованием адронного

коллайдера. Мы занялись поиском места для строительства микроколлайдера по подобию БАКа. Мы решили, что он должен быть построен рядом со священными местами, и в то же время местность должна соответствовать техническим требованиям. Однозначно выбрали пустыню в Ираке. Переехали всей семьёй, вместе с детьми, жившими с нами на тот момент. Ирак встретил нас тёплым субтропическим климатом. К этому времени страна стала высокоразвитой за счёт богатых месторождений нефти и грамотного использования ресурсов. Ну и, конечно же, благодаря религиозным лидерам и стопроцентной вере. И хотя вера у большинства была слепа, тем не менее, она давала некую стабильность и богобоязненность, что способствовало развитию экономики и культуры. Нам удалось купить небольшой участок пустыни, необходимый для построения дома, института и адронного коллайдера. Сначала построили дом, потом институт, и завершили строительством коллайдера. На всё это ушло пять лет. Мы никуда не торопились. Параллельно я вела исследования в области духовного осознания. Ставила перед собой вопросы.

— Что такое Бог? Есть ли душа? Есть ли жизнь после смерти?

Иногда обсуждала их с Патриком. Но и он не знал ответов.

— Кто такой Бог, я не знаю. Вернее, это немыслимо и невозможно описать словами. Ни одно определение не подходит.

— Он создатель всего. Всей вселенной. И он везде и повсюду.

— Это невероятно. Нет слов от осознания масштаба его влияния.

— Душа есть точно, я это чувствую. И мне кажется, что Бог и душа едины. В этом есть что-то общее.

— Говорят, что душа — это частичка Бога. И кто познал свою душу, тот познал Бога. А рай и ад существуют. Почитай в священных книгах.

— Я читала, но хоть это и священная книга, я не смогу просто взять на веру, пока сама не пойму.

— Вот вспомни, как ты почувствовала, что Бог есть? Ты это поняла логикой или сердцем?

— Сердцем, конечно. Логикой к вере прийти не могла. Как-то почувствовала.

— Вот именно. К этому нельзя прийти разумом, вернее, не найдёшь логических доводов и доказательств существования как Бога, так и ада, и рая.

— Это знание идёт изнутри, я понимаю. Но ко мне почему-то пока не пришло.

— А ты просто поверь и всё. И не ломай голову в поиске истины. Не найдёшь, бесполезно.

— Сложно это. Я не смогу.

— Сможешь! Смогла ведь поверить в Бога. Многие люди, даже будучи атеистами, приходят к вере через сердце.

Так я пыталась почувствовать свою связь с Богом, свою душу и вселенский масштаб. Много медитировала, молилась и прислушивалась к внутреннему голосу.

Как только завершилось строительство и наладка адронного коллайдера, началась активная жизнь. Множество экспериментов, ошибок, провалов. Жизнь кипела. Я была подготовлена и Патрик тоже. Мы много времени до этого провели во внутреннем осознании себя и в ментальных потоках. Научились отслеживать потоки энергии, протекающие через нас, когда мы радуемся, спорим, занимаемся любовью, ругаемся, просто сидим в тишине или спим. Мы даже научились видеть одинаковые сны. Да! Накануне загадывали тему и утром делились сновидениями. Эту уникальную способность мы открыли случайно. Выяснилось, что у нас несколько раз совпадали сны после обсуждения какой-нибудь темы. Мы вместе видели одни и те же сны, и они были осознанные! Патрик параллельно занимался общественной деятельностью и много общался с людьми. Меня всегда удивляла его способность целыми днями разговаривать, чего я никогда не умела. Я всегда больше любила тишину и уединение. Наверное, поэтому мы были вместе, чтобы компенсировать недостатки друг друга.

О, адронный коллайдер! Это чудо из чудес. Мощный поток энергии... Как-то я вдруг испугалась, что гневлю Бога. Мне показалось, что ускоритель не приближает меня к нему,

а наоборот, уводит от Божественной сути. Поэтому я на время остановила работы и прислушалась к себе и к своей жизни без экспериментов на коллайдере. Я обошла его вокруг сто раз. Диаметр нашего коллайдера тысяча метров, так что я прошла вдоль него больше трехсот километров. Я должна была почувствовать связь с Высшей силой и получить разрешение от Бога на проведение экспериментов с ускорителем частиц. Я не знала и до сих пор не знаю, кто такой Бог или что это такое. По одной из версий это энергия. Но многими это знание отрицается. Бог — всё и ничего, его не объяснить словами и невозможно представить. Единственное, его можно почувствовать, ощутить. И наконец-то я ощутила его позволение на работу с коллайдером. Ведь мы использовали энергию, время, человеческие души и провоцировали переход в другое пространство, на новую глубину. В общем, Бог мне разрешил. Нам разрешил. И стал нашим соучастником.

Сколько нам пришлось сломить давления и сопротивляться внешнему миру! И это помогло. Наше сопротивление и следование зову сердца. Нам не разрешали стоять коллайдер, не продавали землю, потом заломили невероятно высокую цену. Благо, что деньги были в достатке и не являлись для нас проблемой. И вот, наше сопротивление давлению помогло купить землю. Построить на ней коллайдер, институт и дом. Сопротивление. Даже лампочка дарит свет, благодаря ему. Сопротивление и терпение — это самые главные сопровождающие качества, чтобы добиться целей.

Я отрываюсь от воспоминаний. Надо прогуляться до адронного коллайдера. Я встаю со скамеечки, которой послужил пенёк, и направляюсь вдоль парка, дома, института к размытому миражу. Он поднимается маревом над коллайдером сразу за лесом и парком. Мираж, который виден только мне и избранным людям. Нас очень мало. Разбросаны по всей земле. Мираж создаёт видимость другого пространства-времени. Лучи солнца, проходящие сквозь облака, преломляются,

создавая заборчик, и искривляются. Издали это похоже на огромную линзу и отражение в ней. Небольшой мраморный домик с железной дверью — единственное, что находится на поверхности, сам же коллаيدر глубоко под землёй. Как бы мы ни старались скрыть наше присутствие в этом мире и в пространстве, мы оказались под присмотром с воздуха. нас контролировали политические и религиозные силы. Слава Богу, что они не часто вторгались в нашу Эко-систему, так ласково называл наш дом, институт и коллаيدر Патрик. Сейчас я хочу получить разрешение на воссоединение с ним, с Богом. Хотя это и необязательно. Я и так знаю, что это его идея. Выйдя из парка на открытую поляну, я поднимаю голову и в голубом небе вижу спутник, мерцающий красным огоньком. В ответ, поймав мой взгляд, он направляет ко мне свой красный луч, который проходит сквозь тело. Следят, контролируют. Ничего, внутри они меня не достают. Там я и мой эксперимент под надёжной защитой земли и стальных труб.

— Добрый день! — звучит в моём мозгу послы со спутника.

— Добрый день, добрый день всем! — мысленно отвечаю я.

Я подхожу к мраморному домику, который отливает на солнце всеми цветами радуги, создавая эффект северного сияния, и, стоя лицом к чёрной двери, которая жутко смотрит на фоне великолепия и блеска всего дома, подношу ладонь к месту, где встроены скрытый замок. Делаю три круговых движения, как будто мажу ладошкой дверь. Замок реагирует на личный закодированный импульс и тепло моей руки, раздаётся щелчок, и дверь открывается. Тут же загорается свет и включается автоматическая лестница-эскалатор, ведущая вниз. Находиться глубоко под Землёй вредно для живых людей. Здесь высокое давление и особая энергетика. Воздух спёртый и тяжёлый. Я спускаюсь под Землю третий раз в жизни. Первый был, когда я познакомилась с установкой БАК в Женеве. Второй раз, когда мы построили свой коллаيدر и запустили его в работу. И вот сейчас, в конце своей земной жизни. По мере спуска становятся слышнее звуки

ускорителя, и усиливается чувство, что вот-вот всё взорвётся и рухнет. С такой же мощной силой поток энергии вырывается на поверхность, образуя извержение вулкана или, как у нас, искусственно созданный взрыв.

— В момент умирания живого организма этот взрыв даёт новый заряд и новую жизнь, — Патрик любил тему продления жизни в момент умирания. — Мы несколько раз видели, как ведёт себя организм, возвращённый к жизни искусственным путём. Вспомни собаку, нашего Датса, со смертью которого ты не могла смириться, мы использовали его в эксперименте и возродили.

— Я всегда была против возрождения.

— Я знаю, это против природы. Но сама подумай, сколько людей мы могли бы осчастливить, давая новую жизнь погибшим родственникам и любимым.

— Это счастье ограничено во времени и имеет серьёзные последствия. Ты же не знаешь, как это скажется на жизни после смерти. А я уверена, что...

— Свойства природы фундаментальны и повторяются... — передразнил меня Патрик. — Знаю, знаю, можешь не продолжать. Я согласен с тобой полностью. Но иногда что-то меня держит в этом земном теле.

— Держит незнание того, что будет после смерти. Неопределённость. Страх.

— Почему же? Я, например, знаю, и надеюсь, что после смерти моего земного тела душа попадёт в рай. Я не грешил и жил по совести.

— Тогда тебе нечего бояться. Обычно, когда человек уверен в жизни после смерти, он не боится и даже стремится стать шахидом и принять мученическую смерть за правое дело.

— Хорошо, опять ты меня поймала на слове. Да, я не на сто процентов в этом уверен, думаю, как и ты...

— Да и я не уверена, и не знаю точно, что там за пределами земной жизни.

— Если бы мы были уверены или даже если бы были какие-то подтверждённые опыты и доказанные данные, тогда мы не стремились бы к новым знаниям и не было бы ничего из того, что мы тут с тобой создали и теперь реализуем.

— Ох, и зачем мы вспомнили про Датса... Я так переживала, когда он умер. А когда мы чудом его воскресили, помнишь, какой шок я пережила? — я покачала головой.

Я вспоминаю этот разговор и историю с воскрешением, когда мы твёрдо решили всё же не менять суть природы, тем более, что нам сразу удалось найти баланс в энергетическом потоке и настроить ускоритель. Но мы знали, что это возможно, и если бы этим воспользовались злоумышленники, то изменили бы течение времени и жизни. Нам удалось сохранить эти эксперименты в тайне, объективно оправдав их реализацию незнанием нужного объёма и баланса энергии.

В те дни, когда умер Датс, Илаф, одна из наших младших, мы удочерили её в Саудовской Аравии, ходила вся в слезах и горько переживала смерть любимого пса. Под влиянием этих эмоций и состоялся наш первый эксперимент над живым существом. Никто всерьёз не думал, что у нас получится его оживить, но всё же решили попробовать.

— Поверни рычаг! — перекрикивая шум, доносящийся из открытых клапанов коллайдера, и закрывая крышку капсулы, в которую поместили Датса, орал Патрик.

— Ой, Господи! — помолилась я и надавила на рычаг, соединяя капсулу и внутренний ускоритель, где сформированный пучок энергии уже несся по тоннелю наружу, к основной экспериментальной установке, где находился объект.

Поток сжатой энергии ворвался в капсулу, и она заполнилась густым дымом. На мгновение Датс исчез в тумане.

— Мама, папа, а где он? Я его не вижу! — после долгих рыданий Илаф удалось уговорить отца присутствовать на эксперименте с любимой собакой. Она перекрикивала шум установки и тщетно вглядывалась внутрь капсулы.

— Кажется, я вижу его очертания, — я попыталась успокоить дочь, хотя на самом деле не была уверена в этом. Просто теоретически он не мог никуда испариться.

Через минуту новый пучок энергии достиг капсулы, она на мгновение стала прозрачной и снова помутнела. Но и в эти мгновения присутствие Датса не обнаружилось.

— Не может быть! — воскликнул Патрик. — Кажется, мы создали внутри капсулы другую зону. — Мы не видим физический объект. Это невероятно! Отключай установку. Этого достаточно.

— Отключаю, — я уверенным жестом нажала на кнопку выключателя и убедительно резюмировала, — вероятно, что-то произошло с массой тела или пучок энергии сместил пространство-время.

— Но это впервые и необъяснимо наукой... Хотя я могу предположить и найти доказательства.

— Ой, смотрите, он возвращается! — выдохнула Илаф с облегчением.

В капсуле наметились контуры собаки, и когда установка стала остывать, а её стенки вновь приобретать прозрачность, Датс проявлялся всё отчётливее. Мы стояли и ждали, когда капсула примет начальную температуру и объём энергии. Примерно через пятнадцать минут все сомнения рассеялись, собака была внутри. И тут произошло неожиданное. Датс дёрнул лапой. Потом ещё раз и ещё.

— Он ожил, он ожил! — радостно закричала Илаф. — О, мамочка, папочка! Как я вас люблю! Какие вы молодцы, что вернули мне моего Датса!

— Сначала надо проверить состояние его здоровья, — предусмотрительно сказал Патрик. — вдруг он впал в бешенство от переутомления, или ещё что-нибудь.

— Нет-нет, я знаю, он хороший! — настаивала Илаф.

— Пока мы не возьмём его кровь и не проверим, ты к нему не прикоснёшься, — строго поддержала мужа я и тут же улыбнулась, чтобы смягчить тон, и потрепала Илаф по щеке.

— Ладно, хорошо.

Нажав на кнопки установки, расположенной рядом с капсулой, я запустила программу сканирования крови, сердца, систем в организме Датса. Сработали механизмы и множество устройств, видимых и невидимых, которые стали изучать тело Датса. А он в это время подёргивался и, кажется, спал, блаженно вытянув лапы. И даже улыбался во сне. Мы с Патриком и Илаф, затаив дыхание, смотрели на пса. Через пару минут на мониторе высветился ряд показателей физического состояния организма.

— Давление в норме, пульс в норме. Химические показатели крови сбалансированы, — сообщил робот.

— Отлично, — потёр руки Патрик. — То, что врачи не могут себе позволить с живым человеком, стало возможным в нашем эксперименте по оживлению. Они ж не доверяют роботу самостоятельные действия после диагностики. Обязательно сами смотрят анализы и потом выдают назначения.

— Человеческий фактор. Что ж, возможно, они правы. Если роботы будут принимать решения за человека в области его здоровья... Мало кто доверит свою жизнь роботу.

— Лично я доверил бы.

— И я бы тоже, — встала Илаф, притихшая на время.

— А ты ещё здесь? — улыбнулся Патрик.

Илаф улыбнулась в ответ, демонстративно выкинув руку раскрытой ладошкой вверх в сторону Датса. Мол, вот причина того, что меня задержало с вами.

— Через две минуты объект проснётся, и установка выключится. Приготовьтесь, — сообщил робот.

— Мы готовы! — радостно крикнула Илаф и подняла руку вверх в салюте.

Выключились лампочки, ослабли механизмы затворов капсулы, и крышка поползла вверх и в сторону от стола, где спал Датс. Он пошевелился, дёрнулся. Дёрнулся ещё раз. Потянулся. Зевнул. И приподнял голову. Прямо как человек. С небольшим усилием перевернулся с боку на живот. Потом поднялся и сел на задние лапы. Спрыгнуть со стола не решился. Видимо, чувствовал

себя слабо или неуверенно. Можно было только догадываться. Он смотрел вокруг, как будто изучая пространство.

— У меня чувство, что он до сих пор во сне и не понимает, что с ним и где он, — тихо сказала я.

Датс отреагировал на звук. Поднял уши и стал смотреть на меня.

— Кстати, мы не можем быть уверены в безопасности, — предположил Патрик. — В здоровом псе можно более или менее быть уверенным, а здесь особый случай. Так что не теряйте бдительности и соблюдайте осторожность.

Я подключилась к системе прогнозирования и подгрузила данные обследования. Чего можно ожидать в результате?

— О! И я хотел это сделать. Ты, как всегда, прочитала мои посылы и опередила меня, — улыбнулся Патрик.

— Уже можно его погладить и взять гулять? — спросила Илаф.

— Кажется, он ещё не совсем проснулся, и я хотела бы знать, чего он хочет, и уровень безопасности, — машинально ответила я, изучая данные в компьютере.

Илаф неотрывно смотрела на Датса и пыталась его загипнотизировать. Она где-то читала, что можно посылать мысленные импульсы, и объект, на который направляется этот поток, будет чувствовать его и реагировать. Я поморщилась и посмотрела на Илаф, потом на Датса.

— Дорогая моя, — обратилась я к дочери, — к сожалению, твой любимый пёс и член нашей семьи будет с нами только семь дней.

— Почему это «к сожалению»? — возмутился Патрик. — Многие люди мечтают хотя бы на час продлить жизнь близкого человека.

— Это и хорошо и плохо одновременно, — прервала начавшийся спор Илаф.

— Да, так что давайте постараемся наслаждаться настоящим, тем, что есть, и радоваться реальному миру, — обрадовалась я поддержке дочери. — По поводу безопасности нет чётких данных. Они какие-то размытые и непонятные.

В это время Датс усиленно чесал лапу или лизал её в местах инъекций и взятия крови.

— Меня больше волнует процесс обмена энергией, который мы инициировали. Изначально это было интуитивное решение, и удивительным образом оно нашло подтверждение на практике.

— Не забывай, что наша интуиция дошла до такого уровня, что ты и я смогли прислушаться к ней. То есть мы развивались в науке, в религии и эмоционально.

— Ещё осталось добавить физическое развитие, и будет полный комплект. Все сферы личности удовлетворены. Или, как говорят психологи, табуретка на четырёх ногах и не хромает.

— Обсудим позже, — прервала я.

Датс, немного подумав, и, видимо, окончательно придя в себя, спрыгнул со стола и угодил прямо в объятия Илаф. Я протянула руку и прикоснулась к его голове. Немного неуверенно. Дочь же принялась его тискать и прижимать к себе. Всё же было что-то неестественное в его поведении, трудно уловимое и неопишуемое.

— Система показала, что он проживёт ещё семь дней, — напредила я дочери. — Пожалуйста, не забывай и будь готова. И будь осторожна.

— Хорошо, мамуля, — Илаф с Датсом уже были в дверях на выходе.

— Итак, мы сделали открытие, — сдерживая улыбку и восторг, произнёс Патрик.

— Осталось доказать это, — поддержала его я. — Подтвердить, что это не случайность, а устойчивый результат определённых действий в определённых условиях. Также я думаю, и мне кажется, что это ещё не всё, и мне больше интересно другое.

— Да, я в курсе. Ты любишь обесценивать достижения. Мы же оживили мёртвое тело!

— Не факт, что мы первые. Есть много данных и снимков оживления людей.

— Именно, когда диагностирована смерть.

— Вообще, как ты знаешь, чтобы установить смерть, необходимо иметь более трёхсот признаков, если я не ошибаюсь. Очень часто, особенно в прошлые столетия, люди, диагностировав смерть по нескольким признакам, заживо хоронили своих

собратьев. А потом, если вскрывали могилу, обнаруживали, что труп находится в другом положении. А всё, что мы видим в сети, может быть просто уловкой видео или монтажом, или ещё каким-нибудь спецэффектом. Все зарабатывают по-своему.

— Да, это я и хотел сказать. В мире много шарлатанов. А у нас эксперимент оживления. Причём, нашим методом, необычным. Никто до нас не ставил таких опытов. Совместить энергию ускорителя частиц и энергию умершего организма. Мы поймали душу в момент, когда она покидает тело.

— Да, хорошо сказано. Поймать душу. Удивительно...

Я привела экспериментальную установку в состояние покоя. Коллайдер продолжал работу. Он никогда не останавливался с момента его запуска. В тот день это был первый опыт, положивший начало великому эксперименту, целью которого являлось распознать душу в момент умирания тела, сохранить информацию о ней и проследить её путь. С того времени мы с Патриком провели более тысячи разных экспериментов. Но после Датса, которому мы дали умереть через семь дней, дополнительно отведённых, мы не проводили опыты по возвращению к жизни, с первого раза определив максимум заряда энергии, и не нарушали границы. Это против природы. А эксперименты по наблюдению за душой стали удаваться лишь в последние годы, спустя более пятидесяти лет от начала опытов. Лишь в последние годы мне и Патрику удалось определить порог давления силы тяготения и массы. Совместить эти данные с новейшими открытиями относительно пространства и времени. Благодаря этому мы поймали точку, где преломление пространства и большой поток энергии входят в определённый баланс, это дало возможность проследить движение души. Оставалась проблема в развитии личности. Как это ни удивительно, но у большинства испытуемых их души не уходили далеко и возвращались обратно в другие земные оболочки. Часть душ проваливалась в тёмную материю.

И я чувствовала, что человек должен обладать каким-то уникальным набором качеств, быть необыкновенным, чтобы его душа продолжила развитие на других уровнях.

На глубине пятисот метров спуск заканчивается, и я ступаю на твёрдую поверхность. Передо мной вдоль туннеля тянется стальная труба — наружная поверхность и защитная оболочка двух внутренних туннелей. Шум не прекращается. Невероятно, что это так работает уже давно. Как и вселенная, живёт по своим законам гравитации и равномерного движения. Я глажу стальную поверхность. Она прохладная и гладкая.

— Спасибо тебе. Ты работал исправно и ни разу не подвёл нас. Хотя мы были вдалеке и всего несколько раз навестили тебя, — хоть и говорят, что у материальных объектов нет разума и души, я люблю разговаривать с предметами и одушевлять их. Вообще, так я веду внутренний диалог с Богом. — Ты слышишь меня, я знаю. И скоро мы сольёмся в одном мире. Я не знаю, что это, но чувствую, что это что-то приятное. И ещё я очень прошу тебя, помоги мне зафиксировать движение моей души. Это для будущего развития цивилизации, ты сам знаешь. И направляешь меня к этому. И если я разговариваю с тобой из-под земли, это не значит, что я отделилась от Космоса и твоей энергии. Нет. Мне это не страшно. Шаг назад, два вперёд. Это для разгона.

Я прислоняюсь лбом к поверхности ускорителя. Сажусь и молюсь.

— О, мой Бог! Спасибо тебе, что ты есть в моей жизни. Спасибо за день и ночь. За солнце, небо, ветер. За здоровье, счастье, любовь. Спасибо за веру и терпение. Спасибо за людей, которые меня окружают и поддерживают меня. Спасибо за эту жизнь, которой ты меня обрадовал, и за миссию, которую возложил на меня. Это было интересное путешествие.

Глава 4

День

Последние приготовления. Прощание. Прощение. И в новый Путь. Я жду этого с замиранием сердца. Пока я ещё могу ощущать. Видимо, после смерти этого не будет. Ведь ощущения являются смыслом жизни, а не смерти. Душа не может ощущать, как тело. Хотя, возможно, ощущения у души тоже есть, но воспринимаются на другом уровне, неизвестном человеку. Я вообще не могу ощутить свою душу, могу только интуитивно чувствовать её присутствие. Чувствовать сердцем. Просто потому, что души не может не быть, как и Бога и божественных проявлений в жизни. На уровне интуиции, которая, кстати, является сверхчувством человека и далеко не у каждого развита, я ощущаю присутствие Высших сил. Здесь главное — отпустить контроль и довериться внешнему миру. Это очень тяжело. Мы привыкли жить в системе — сначала школа, потом высшее учебное заведение, потом работа, семья. В системе, в которую выгодно погружать человека, выгодно для политиков и тех, кто у власти. Так проще его контролировать. Да и сам человек стремится быть в системе, дабы чувствовать определённую и хотя бы на шаг отдалиться от ощущения бессмысленности жизни во Вселенной. Даже религия, которая призвана развить духовность человека, приблизить его к божественному, не способна вывести человечество на уровень высокого развития. Большинство использует религию как прикрытие, не проникая в её суть. Да и как может человек проникнуть в суть божественного, пока он не проник в суть своего Я. Враг, сатана, шайтан не во внешнем мире, а внутри человека! Проще простого свалить всё на шайтана, который сбивает с пути, и не осознавать свои проблемы. Страшно представить и признать

то, что он внутри человека так же, как и Бог. И у меня такое чувство, что эти данности закодированы, зашиты в душе на сверхуровне, непонятном и недоступном человеку сегодняшнему.

— Письма всем написала, распечатала и сложила в конверты. Ещё раз проверяю. Никого не забыла, — ментафон отредактировал мои мысли и выдаёт мне запись. — Адронный коллайдер посетила и проверила. Всё работает отлично, без сбоев. Помощника-робота, который там смотрит за всем, напоследок смазала маслом. Неизвестно, сколько будет работать эта система. Мне бы хотелось, чтобы как можно дольше...

— Я бы хотела, чтобы всё работало даже под землёй или в космосе, и чтобы никакие катаклизмы вроде землетрясения, извержения вулкана или затопления не могли повлиять на процесс, — обратилась я как-то к Патрику.

Через полгода мы встретились с программистом института генной инженерии. Патрик имел уникальную способность знакомиться со всеми, находить нужных людей и, даже не зная языка, устанавливать контакты.

— Дорогая, представляю тебе Джона Нэша.

Сверкая глазами и искрясь от радости, Патрик приближался ко мне с мужчиной около шестидесяти лет. Хотя возраст в последние годы определить было совершенно невозможно. Высокоразвитая косметология творила чудеса и любой человек после сорока, желающий продлить свою молодость, делал это за пару часов лифтинга. А если он ещё и придерживался диеты, здорового образа жизни и воздерживался от вредных привычек и зависимостей, то легко мог прожить до ста пятидесяти лет. Джон Нэш был из таких спортивных и здоровых людей, на которых смотреть одно удовольствие, его подтянутая фигура и молодцеватая походка вызывали восторг.

— Он скрытый гений и очень скромный, — продолжал нахваливать своего нового друга Патрик.

— Да какой я гений?! — прозвучал удивительно низкий и глухой голос Джона. — Я просто люблю своё дело!

— Мне очень приятно познакомиться с Вами, Джон! Патрик по своему обыкновению сделал мне сюрприз, и я совершенно не готова к встрече,— улыбаясь и протягивая Джону руку, промямлила я.

— Я и сам не знал, что встречу здесь Джона,— пытался оправдаться Патрик. — Буду с Вами откровенен! Я узнал Вас по фотографии, которую увидел, когда изучал Ваши работы по программированию информационного поля пространства-времени.

— Ах, вы про это?! — удивился Нэш. — Я написал их, ещё когда учился в университете, и даже не думал, что кто-то заинтересуется. Всё дело в том, что я сам не до конца понимаю, как это работает. Просто сыграло какое-то интуитивное чувство, вот и написал. Доказать это сложно.

— Мы хотим предоставить Вам возможность доказать свои выводы. На мой взгляд, Ваши теории достаточно новые и неординарные, и, честно говоря, я тоже думал об этом.

— И Вы так же думаете? Значит, я всё же в чём-то прав,— радость промелькнула в лице Джона Нэша, которое до того сохраняло несколько удивлённое и обеспокоенное выражение. — Вообще, моя основная работа по управляющей динамике, а программирование информационного поля пространства-времени — второстепенное. Всё же я очень рад, что это вам помогло.

— Ну, пока ещё не совсем помогло, доктор Нэш,— мысленно похвалив Патрика за это знакомство и собрав всю свою эрудицию и обаяние, начала я наступление. — Вы нам очень поможете, если согласитесь с нами сотрудничать. Уверяю Вас, Вы не пожалеете. Позвольте пригласить Вас к нам в институт и познакомиться с нашим проектом.

— Я всё же не уверен, что смогу быть вам полезен. Тем более, что я в последние годы забросил эту тему и погрузился, как я уже говорил, в управляющую динамику.

— Не беспокойтесь, дорогой Нэш! — по-матерински и уверенно продолжала я. — Вам понравится наша идея. Да и к тому же, параллельно Вы сможете работать над своей динамикой, а может, у Вас появятся и новые идеи.

— Мммм, — продолжал ломаться Джон Нэш. — Хорошо, уговорили! Но всё равно мне надо посоветоваться с женой.

Он оставил для себя возможность отказаться в случае чего. Но в итоге не отказал, и как только познакомился с нашей идеей, тут же заразился ею и поверил в успех эксперимента. Таким образом нам удалось завербовать многих учёных и гениальных умов, просто заразив их идеей. Но было и много отказов и насмешек, на которые мы старались не обращать внимания, твёрдо веря в полезность нашего эксперимента и его необходимость для будущих поколений.

Я прикасаюсь к сенсорной панели управления установкой. Она реагирует, отвечая слабой вибрацией. На данный момент установка насчитывает двадцать эпизодов, то есть прошло всего двадцать опытов по фиксации и сохранению души. Пока что нам не удалось расшифровать сигналы, зарегистрированные установкой в процессе эксперимента. Возможно, это белый шум, просто шипение и скрип преломлённого пространства-времени или суперструн. Несколько раз удалось разобрать голоса и послы душ, но ничего внятного и понятного. Я очень надеюсь, что эксперимент со мной удастся. Всё же я была инициатором и много вложила и сил, и энергии в эту тему. И у меня такое чувство, что это вообще моя миссия, и я для этого пришла на Землю в этой оболочке.

— Здравствуй, дорогая Ева! — Джон Нэш, опираясь на трость, заходит в институт и направляется прямо к установке, расположенной в конце зала.

— А, здравствуй! — я оглядываюсь и улыбаюсь. — Ты как раз вовремя. Я уже готова.

— Ты точно уверена, что именно сегодня хочешь завершить свой жизненный путь? — Джон подходит ко мне и сбавляет громкость голоса.

— Да. Что за вопрос? — я пристально смотрю на Джона. Мы вместе работали последние тридцать лет, и он был незаменимым в области программирования. — Ты же знаешь, что я так решила ещё

год назад, когда от нас ушёл Патрик. И последовать сразу за ним не получилось только потому, что я сомневалась в результате, и мы ждали, что пошлёт его душа. Мы ждали информацию.

— Информация пришла, но мы до сих пор не можем её расшифровать.

— Я прошу не отключать меня от установки ни при каких обстоятельствах как можно дольше. Только ты знаешь, как прекратить считывание информации, — я сажусь в рабочее кресло рядом с установкой.

— Боюсь, что теперь даже и мне не удастся остановить этот процесс. Я его загнал в далёкую вселенную и прикрепил к чёрной дыре в соседней галактике.

— Даже не представляю, как тебе это удалось, но чувствую, что именно этого мы хотели и ожидали. Пусть пронесётся во вселенной через века и останется потомкам. И я надеюсь, кто-то сможет расшифровать послылы душ.

— Хорошо, что мы попробовали создать дешифратор на основе теории суперструн и твоего энергопотока, и велика вероятность, что тебя он сможет прочитать. Если мы получим положительный результат, тогда я создам подобие из своего энергопотока.

— Не забудь заложить это в программу, чтобы другие люди смогли создавать индивидуальные дешифраторы.

— Попробую, но думаю, об этом ещё рано говорить, я пока не могу гарантировать результат...

— Как получится, Джон. Основное, чтобы хотя бы меня считал. А потом на основе наших данных учёные внесут необходимые доработки.

Джон молчит. Нэшу удалось совместить ряд теорий управляющей динамики в квантовой механике и создать программу считывания и фиксирования информации с запредельной скоростью и отсутствующей массой в преломлённом пространстве-времени, образующемся в результате выброса огромного потока энергии из коллайдера в установку. Опершись на край стола, он стоит рядом с установкой напротив меня. Наступает тяжёлый момент прощания.

— Ну что же. Вот, пожалуй, с тобой я тоже всё обсудила,— я улыбаюсь. — Ты остаёшься за главного, если это можно так назвать.

— Ясно, — Джон пытается вспомнить, не забыли ли чего, но в этот момент ничего не идёт на ум. — Я пойду. Если что-то вспомню, скажу...

— Если я буду ещё жива, — улыбнулась я. — Да ты не волнуйся. Даже если вспомнишь значительно позже, ты сможешь внести изменения. Вряд ли это будет что-то глобальное.

— Да, — Джон осёкся, явно чувствуя себя неловко. — Ну, я не знаю, что сказать. Просто ты в добром здравии, а мне нужно говорить тебе слова прощания. Все наши эксперименты проводились, когда человек не ожидал смерть так явно, как ты её ждёшь.

— Да, ещё и поэтому я чувствую, что со мной всё получится, — я говорю спокойно и уверенно, и постепенно это передаётся Джону.

— Да и мне так кажется. В общем, видя твою внутреннюю гармонию и даже чувствуя её, я становлюсь всё спокойнее и увереннее за тебя и наш опыт. Как будто в действительности ты не умираешь. И будет что-то дальше.

— Вот именно. И я в предвкушении нового этапа на своём Пути.

— Всё, я пошёл. Счастливо, и привет всем, кого встретишь, — Джон улыбается и позволяет себе немного пошутить.

Он нагибается, берёт мою руку и пожимает её. Я кладу свою вторую руку на его и сжимаю. Нэш уходит. Тишина. Только мерное жужжание установки, сопровождающееся выбросом энергии и уханьем каждую минуту.

[illegible]

Я смотрю в окно. Накатывает волна грусти. Жаль, что я этого больше не увижу и не смогу общаться с близкими мне людьми. Хотя, может, я и ошибаюсь. Мы ведь ничего об этом не знаем. А вдруг мы будем общаться на другом уровне? Провожу рукой по кровати и стеклянному куполу, создающему вакуум. Ним

накроют меня, когда я сделаю последний выдох. Душа должна остаться, чтобы можно было нанести на неё код сохранения. В последний миг я буду дышать через трубки и очень важно не пропустить момент. Впрочем, программа настроена чётко и ошибки теперь быть не должно. Смотрю на часы. Сейчас полдень, до вечера ещё много времени. Я долго ждала этого дня, поэтому сейчас время тянется медленно, хотя это удивительно. Вместе с этим мне кажется, что последние часы жизни проходят быстро. И я стараюсь напиться каждой минутой, насладиться каждым мгновением в максимальной степени. Но кто знает, какова эта максимальная степень наслаждения? Это лишь в моём восприятии. У всех по-разному. Главное, иногда осознавать эти процессы. Осознание, что ни говори, — важное дело.

Есть совершенно не хочется, но меня ждут к обеду мои близкие, поэтому я направляюсь в сторону дома. Очень тяжело общаться, сознавая, что вижу человека в последний раз. Стараюсь не думать об этом и настраиваю себя на то, что увижу всех в другом мире. Если бы моя вера в жизнь после смерти была более твёрдой, мне было бы легче. Но моя вера, судя по некоторым мыслям, иногда приходящим в голову, не стопроцентная. Есть сомнения, да простит меня Бог за это! Бывает, я сомневаюсь и боюсь своих сомнений. Нет, всё же главное — чувство, а не осознание. Как только в ход идёт логика, разум, всё портится. Всё! Конечно, без разума нельзя, кто спорит? Но всё же основное — язык сердца, души и чувств. Душа не обладает разумом и сознанием. Сознание — производная души. Учёные много спорили, что же первично: разум или чувства? Я уверена — чувства! И через свой эксперимент докажу это. У нас в программе заложен язык считывания чувств и перевод их на сознательный уровень.

— Мамачка, дорогая! Я так рад тебя видеть!

Из Украины приехал Амир со своей семьёй. Его мы усыновили в Сирии. Он недавно женился на украинке и теперь почти всегда находится там. Сейчас он приехал в гости, хотя ничего не знает о моём завершении жизненного Пути. Но, вероятно, что-то почувствовал, будучи на высоком уровне духовного развития.

Мои дети практически все обладают развитым чувствованием, тем не менее приехали лишь некоторые.

— Здравствуй, родной! — я обнимаю его, и мы обмениваемся теплыми взглядами. — И я очень рада, что ты приехал меня навестить. Спасибо тебе.

— Мне приснился сон, что я должен приехать и увидеть тебя. И вот я здесь, — лицо Амира излучает свет и искренность, чем всегда располагает к себе окружающих.

— Расскажешь как-нибудь поподробнее? — я улыбаюсь и вижу в лице сына и Патрика, и себя.

Это не физические данные, типа: цвет глаз, волосы, нос, губы, овал лица, фигура. Нет! Это манеры, привычки, поведение, повадки. Он скопировал наши эмоции и счастье. Наши дети почти все такие. Я могу быть этим горда. Мы сумели привить им важные и нужные качества, склонность к творчеству, любовь. Моё сердце наполняется радостью, и на глаза наворачиваются слёзы.

Шурша огромным ворохом юбок, которые Милочка любит надевать на себя, создавая в нашем доме атмосферу прошлых веков, когда ходили в длинных платьях с нижними юбками, моя дочь входит в комнату, неся поднос с фруктами, и ставит его на стол, уже убранный к обеду и сервированный приборами и салатами.

— Прошу всех за стол, — счастливо провозглашает она и уже несколько ревниво говорит, — Илаф выгуливает свою собаку и супругу. Я их позвала, и она сказала, что сейчас придёт.

— Да, страсть к собакам у неё с детства так и осталась, — улыбается Амир.

В это время заходит Илаф с неизвестно каким по счёту мужем, поэтому в семье к нему мало кто относится серьёзно. За ними семенит маленькая собачка непонятной породы, виляя хвостиком и путаясь в ногах Илаф. Женщина достаёт влажные салфетки, садится на корточки, берёт свою собачонку и протирает ей лапы, причём обращается с ней как с игрушкой и очень по-детски. Как будто ребёнок застрял в её сущности, и она проживает свою жизнь на одном уровне психологического развития, хоть уже давно взрослая женщина. Но именно благодаря своему

внутреннему ребёнку она очень талантливый художник и искренняя личность. В это время её муж присоединяется к остальным родственникам у стола, приготовив стул для Илаф.

— Мой пупсик готов к обеду, и я тоже, — наивно произносит Илаф, приняв ухаживания мужа и усаживаясь на приготовленный стул.

— Прекрасно. Теперь все, кто сегодня с нами, в сборе, — говорю я, оглядывая присутствующих.

Стол у нас огромный, рассчитан на четырнадцать персон, был специально заказан для нашей семьи. Если потесниться, за ним можно разместить до двадцати человек. Сегодня присутствует примерно половина. Большинство наших детей живёт в других странах, и домой они приезжают не очень часто. В основном мы переписываемся и вполне довольны этим. Я не привязывала детей к себе, вырастив их до совершеннолетия. Мы с Патриком научили их быть самостоятельными и ответственными. Научили быть свободными и уверенными в себе. И главное, привили любовь к Богу и твёрдую веру. Благодаря этой любви и нашей поддержке нашим детям удавалось достигать высокого уровня профессиональной самореализации и творческого самовыражения. Они знают, что у них есть миссия на Земле, и каждый старается её выполнить, что основная привязанность — это Бог, а остальное может быть непостоянным, временным, и только в этой жизни. И всё зависит от личной воли каждого человека и внутреннего духовного развития. Равняясь на нашу с Патриком любовь к Богу, друг к другу и на любовь к окружающим людям, наши дети скопировали эту способность и смогли реализовать себя в жизни по максимуму, не обращая внимания на пустое, несущественное, такое как жажда обогащения, власть, успех. И я не перестаю гордиться ними, хотя и скрывая это. Они молодцы.

— Ой, я забыла принести приправы, — спохватывается Мила и уже готовится встать из-за стола.

— Не надо суетиться, родная, — успокаиваю я её. — Принесут, не волнуйся.

Милочка любит суетиться, и откуда она это взяла? Мы с Патриком давно перестали торопиться и суетиться. Всё это ни к чему, когда понимаешь и осознаёшь бессмысленность жизни и ощущений, к которым стремится человек. И самое главное стремление человека — это бессмертие и божественность. На этом пути он всегда терпит поражение, потому как ни то, ни другое человеку не доступно.

— Мамуля, у меня всё никак не может уложиться в голове твоё сообщение, — у Илаф вырывается, видимо, давно сдерживаемое чувство, и она лепечет пискляво, — я, как только получила твой имейл, сразу почувствовала, с тобой что-то не то.

— Мне не хочется сейчас выяснять это, дорогая.

Я вздыхаю, понимая свою оплошность. Видно, в последнем письме к ней я слишком увлеклась и чересчур подробно описала свои планы по эксперименту, о чём вообще-то старалась среди детей не распространяться. Теперь придётся посвящать всех собравшихся в свои дела. А я так хотела попрощаться перед сном, уйти спать и всё. А утром они прочтут мои прощальные письма.

— Ты, как всегда, преувеличиваешь, — встаёт на защиту матери рассудительный и невозмутимый Амир. — И вообще, откуда такая тревожность?

— Это не тревожность. Это интуиция! — с гордостью заявляет Илаф.

— Предлагаю приступить к обеденной трапезе и насладиться моими кулинарными шедеврами. Я очень старалась, — прерывает начавшийся спор Милочка тоном, не терпящим возражений. Но потом смягчается, — ну, пожалуйста!

— Да, Милочка с каждым разом сама себя превосходит и не перестаёт меня удивлять, — подхватываю я и с благодарностью смотрю на неё, потом быстро перевожу взгляд на остальных детей и на их спутников.

Как же здорово, что мне удалось продлить свою жизнь и вырастить, дать любовь стольким детям, да ещё посвятить время науке и экспериментам. Хотя нас с Патриком долгожителями не назовёшь. Многие в наше время проживали столько же, а

некоторые и больше. Однако большинство людей, хоть и мечтают о бессмертии, не могут найти себя после девяноста и, уж тем более, после ста лет. Они настолько удивлены и испуганы таким продлённым сроком, что не знают, чем себя занять и как использовать дарованное время. Возможно, будущие поколения победят этот страх и спланируют свою жизнь с учётом долголетия.

Обед вышел на славу, все блюда были просто объедение. Мы ели, не скрывая удовольствия, и Милочка радовалась, что её старания не пропали зря. Великое желание чувствовать себя нужным и полезным присуще большинству людей. Как ни старайся говорить ребёнку о любви и о том, что он ценен просто так, ни за что, лишь потому что родился и живёт, видимо, этого всё равно мало. Или, скорее всего, это оттого, что дети чувствуют, что они не родные. На каком-то подсознательном уровне. И бессознательно ищут эту безусловную любовь матери. Я старалась им дать эту любовь и старалась любить безусловно. Может, я в чём-то ошиблась? Конечно, это ещё зависит и от самого ребёнка. Кому-то нужна эта любовь, а кому-то нет. Странно, однако, не может быть такого. Любовь нужна всем и каждому. Это самый приближённый смысл бытия. Без любви нет ничего. Конечно, можно жить с этим «ничем», но это тем более бессмысленно. Всем детям мы стремились дать почувствовать и увидеть любовь Бога, воспитывали в них уверенность в Его любви и покровительстве. Это лучше, чем зависеть от любви земной. Любовь Бога постоянна и безусловна.

Так в разговорах, мои дети заканчивают обед, благодарят Милу и Господа Бога за пищу и расходятся по своим делам. Я почти всё время молчу, слушаю, наблюдаю за моими дорогими близкими, с которыми провожу последние часы, обмениваюсь поцелуями с ними и прощаюсь. Я должна снова сходить в институт, проверить установки ещё раз. Ещё раз всё проверить!!! Это так важно для меня и для будущего человечества. Кто-то может сказать, что я много на себя беру. Собственно, нам с Патриком пришлось выдержать волны неприятия и давления во время приобретения земли и строительства адронного

коллайдера и института. Нужно было обосновать необходимость этого дела. Бюрократия была и будет, пока существует власть, да и вообще, пока зло не будет искоренено в человеке и не настанет эпоха искренности. Но это всё настолько утопично, что граничит с безумством. Однако, когда речь заходит о здравом смысле, за основу берутся законы логики, и считается, что она присуща человеку с эмоциональным контролем и вообще развитому в психическом плане. Развитый — значит правдивый и с собой, и со своими чувствами. Значит, осознаёт своё зло и борется с ним. Когда человек поборет зло в себе, искренне отвечая на вопросы внутри себя, когда будет осознавать свои эмоции и нести ответственность за свои поступки, тогда прекратится проекция зла на внешний мир и угроза извне. Космос интересно отвечает на неосознанность человека. По всему миру идут войны, и человек никак не может понять, что это война в первую очередь внутри него. Законы природы идентичны! Человек ждёт спасателя, когда же придёт кто-то, кто искоренит зло, изменит человека и даст ему волшебную таблетку лучшей жизни, о которой он мечтает?

— Почему так трудно получать удовольствие от того, что имеешь? Почему человек не понимает, что всё внешнее — это отражение внутреннего, и забывает об этом? — звучит вопрос внутри меня.

Я иду в институт и вспоминаю вопросы на конференции по психологии на тему: «Волшебная пилюля для идеальной жизни». Эти вопросы я задала профессору и, конечно же, ответ на них меня не удовлетворил, потому что в то время я не могла радоваться тому, что имела.

— Потому что человек несовершенен, и ему это трудно принять. Идеальный образ его Я распространяется на всё вокруг, и человек начинает сравнивать, оценивать, критиковать и осуждать всё, что не соответствует его представлениям об идеале. Своим сомнением он душит всё настоящее и живое, подгоняя под рамки идеалов.

— В этом процессе участвует разум, а не чувства?

— К сожалению, да! Человек не научился жить чувствами и осознавать их. Он твёрдо верит в свою непоколебимую логику и ум, как будто нет чувств и души.

Это произошло за год до встречи с Патриком, и тогда я ещё не подзревала, как это отразится на моей жизни. Вот сейчас вспомнила эти моменты. Я в последнее время много предаюсь воспоминаниям, как ни пытаюсь их отогнать. Видимо, потому что о будущем мало думаю. Больше стараюсь его почувствовать, представить себя, вернее, свою душу в ином мире, хотя и знаю, что эти представления не будут соответствовать действительности. От разума и знаний к чувствам и душе. Постоянные внутренние волны. Это и есть процесс осознания, и я ему научилась. Наконец-то, в итоге своего жизненного пути! Я приближаюсь к институту. За сегодняшний день это уже четвёртый раз, когда я захожу в его двери. Немного волнительно с приближением вечера, и я в ожидании этого момента.

Зайдя в институт, я улавливаю звуки из генераторной и направляюсь туда, к самой дальней двери в конце коридора. Ничего необычного. Там всегда звук мощный, учитывая массу материи, разгоняемой в инкубаторе, куда сначала поступает сгусток энергии из адронного коллайдера. Здесь всегда дежурит мастер, следящий по монитору за работой оборудования. В инкубаторе возникает мощная гравитация, которая преломляет пространство-время, имитируя чёрную дыру. Она выполняет важную роль в эксперименте.

— Предлагаю создать имитацию чёрной дыры, — как-то высказался Патрик.

— Зачем? — не думая, спросила я и тут же сама догадалась. — А, кажется, я уловила твои мысли! Если есть имитация Большого взрыва, создающаяся в адронном коллайдере, а вселенная не существует без чёрных дыр, значит, нужны и они. А как ты это создашь?

— Пока не знаю. Подумаю и посоветуюсь со специалистами.

В ходе экспериментов мы зарегистрировали реагирование чёрной дыры в момент смерти живого существа путём

изменения симметрии, хоть и еле уловимое датчиками установки. И пока я сама не окажусь по ту сторону жизни, не смогу описать её действие. Есть только догадки. Чёрная дыра служит переходным тоннелем между этим миром и тем. Ад и рай по ту сторону дыры. Вернее, не по ту сторону, а в другом микромире, который образуется в преломлённом пространстве. И вероятно, на духовном уровне стирается антропное восприятие, и можно что-то проследить.

— Добрый день! Как дела? — спрашиваю я у мастера, входя в «Дыру». Так мы с коллегами окрестили инкубаторскую.

Мастер, тёмнокожий мужчина пятидесяти лет читает книгу. Когда я вхожу, он поднимает голову, добродушно мне улыбается и кивает в ответ.

— Спасибо, Ева! Отлично. Как у тебя?

— Да и я тоже ничего. Установка готова к приёму? Пришла проверить.

— Да, как всегда, готова и работает бесперебойно. На данный момент никаких всплесков и изменений внутри чёрной дыры не наблюдается. Она тебя ждёт!

— Да, ждёт! И я жду, когда окажусь там. Чувствую, как она манит меня и зовёт сквозь пространство. Ладно, зашла в последний раз навестить вас в этом мире. Счастливо оставаться.

— И тебе счастливого Пути, Ева. Встретимся в другой жизни.

— Да, надеюсь на это.

Я выхожу из «Дыры». Уверена, что здесь всё хорошо. Меня больше волнует регистратор и память, так как это важно для архивации полученных данных. Так, в посещении разных лабораторий и последнем кратком общении с коллегами проходит день, и начинается смеркаться. Приближается вечер. А потом ночь и конец моей жизни. Опять ощущаю слабую дрожь и холодок в теле. Что бы это значило? Я ведь готова и жду этого момента. Что же всё-таки пугает? Неопределённость. Как всегда. Но я выполнила свою миссию, много сделала в этой жизни. А может, страшно, что там? Страшно отдаться потоку? Это всегда

волнительно — отпустить контроль. А именно это и произойдёт после моей смерти. Хотя я всячески пытаюсь оставить этот контроль, оправдывая свои действия тем, что провожу эксперимент и хочу оставить потомкам свой след и информацию. Удивительно, что этот свой след я оставляю после смерти. След души. Отпечаток в пространстве. Хоть бы получилось. Я мысленно сжимаю кулачки. Хоть бы получилось.

Последний ужин с родными проходит мирно и без каких-либо эксцессов. Они узнают о моей смерти завтра утром. Я мысленно прощаюсь со всеми, провожаю взглядом, украдкой смахиваю слезу.

— Мама, у меня чувство, что ты смотришь на меня, как в последний раз, — ловит мой взгляд чуткая Илаф.

— Ты очень красивая, и я горжусь тобой, — мягко ухожу я от ответа и её пронзительного, пытливого взгляда.

Я прощаюсь со всеми, стараясь не подавать вида. И у меня это получается. Ухожу в свою комнату. А когда стемнело, выхожу на улицу и направляюсь в институт. Дышу полной грудью. Всё же как хорошо дышать. Душа не дышит. В этом я почему-то уверена.

Захожу в институт, прохожу в инкубаторскую. Здесь меня уже ждёт мой ассистент. Молодая девушка, гений, вундеркинд. Ей всего пятнадцать лет, но она владеет пятнадцатью языками, знает в совершенстве физику, квантовую механику, теорию гравитации, основы программирования, генетику, инженерию и много всего другого, необходимого в эксперименте. Мы с Патриком встретили её, когда путешествовали по России, в одном из маленьких городков на севере, название даже не помню. И эта девушка, которой тогда было восемь лет, показывала на улице трюк с предметами, которые умудрялась поднимать в воздух, не прикасаясь руками. Тогда мы спросили, как она это делает? Это фокус или что? И она, смеясь, просто объяснила, что это делается легко, если создать в пространстве элемент гравитации. Она сделала куб из стекла, создала условия и спокойно показывала людям трюк, выдавая его за волшебство и зарабатывая деньги.

— В жизни волшебства не бывает, — поделилась она с нами в момент откровения, — это всего лишь знания и применение знаний.

— Ты где живёшь?

— Там, — махнула она рукой в сторону скученных домов, потерявших вид и стоявших еле-еле, отражая время и старость.

— А что родители говорят?

— Я живу с тётей. Родители умерли.

— Как тебя зовут?

— Марина, — улыбнулась она.

Мы встретились с тётей, и поскольку она ни в какую не соглашалась отдать опекунство, подписали соглашение, что по достижении совершеннолетия племянницы, она отпустит её к нам работать. Но всё произошло немного по-другому. Примерно год назад, за месяц до смерти Патрика, Марина приехала к нам, сказав, что сбежала от тёти, не дождавшись совершеннолетия, из-за того, что та плохо с ней обращалась. Мы уладили все вопросы с законом и предложили девушке рабочее место и квартиру недалеко от института. Жить с нами она отказалась, хотела быть одна. Что ж, квартирами мы располагали и предоставляли их работникам при необходимости.

— Добрый вечер, вернее уже ночь, — кивает головой Марина.

— Ещё раз здравствуй. Без лишних слов приступим. Всё уже готово, и я весь день только и делала, что проверяла все установки. Не будем тянуть и покончим с этим, — я бодро укладываюсь на кровать, подключаю дыхательную систему и натягиваю на себя стеклянный щит.

Стеклянный щит прокручивается вокруг кровати и плотно закрывается. Всё, моя капсула герметична. Когда начнётся эксперимент, установка создаст внутри неё вакуум. Я ещё дышу и смотрю сквозь стекло на небо. Крыша стеклянная, и ночное небо со звёздами располагает к мечтам и созерцанию. Я готова умереть.

Глава 5

Смерть

Я делаю вдох. Он последний. Выдох. С этим выдохом что-то вылетает, как вода из только что открытого крана. Последний удар сердца. Мозг пока работает. Тело становится ватным, и я его не чувствую. Душа приобретает свою форму и структуру. Не знаю как, но я её чувствую и знаю, что это именно моя душа. Она парит над телом в вакуумном инкубаторе. Ей тесно. Мне тесно, моей душе, и я хочу вырваться. Где-то гремит и шумит. Я оглядываюсь. Сквозь стекло инкубатора вижу размытые и оттого странные очертания тела Марины. Она всматривается в моё бывшее тело и лицо, свяжется с данными приборов и компьютера. Ментафон пересылает мысли. Я бью в стекло и хочу вырваться наружу. Очень хочется полететь. Огромное желание. Но вдруг что-то меня останавливает. А, шум! Я вспоминаю об эксперименте. И тут же жалею, что задумала всё это. Ничего не хочется делать. Невероятная лень и потребность лететь и летать. Я не понимаю, зачем всё это. А, это моё сознание с невероятным усилием проникло в мою душу, и пытается управлять ею, как мозг телом. Я злюсь и мечусь по инкубатору. Шум приближается. Внезапно я чувствую, что меня куда-то засасывает. Я пытаюсь уцепиться хоть за что-нибудь, но руки проходят сквозь предметы и лишь хватают пустоту, всё проскальзывает, я не ощущаю своего веса и понимаю, что больше не могу влиять на материальный мир. Меня засасывает в отверстие инкубатора, находящееся в изголовье.

— Земное тело Евы умерло в 0 часов 48 минут 28 октября 2094 года, — Марина делает голосовую запись в журнале регистрации. — Возраст 121 год. Состояние здоровья на момент смерти удовлетворительное. Работа сердца и...

Марина продолжает начитывать регистрационные данные о состоянии здоровья и общие заключения. Моя душа в это время пытается пробиться сквозь стекло и борется с засасыванием. Странно. Ведь внутри капсулы я не могу ни за что ухватиться, мои руки проходят сквозь предметы, но, тем не менее, оболочка инкубатора для меня непреодолима. Как будто что-то кроме стекла держит меня внутри, и что-то внешнее управляет моей душой. Но я помню о своей миссии и поэтому сопротивляюсь. Какая-то сила, как магнит, очень сильно тянет меня в образовавшуюся воронку. Марина заканчивает запись, бросает взгляд на инкубатор, глядя сквозь мою душу, смотрит на часы. Прошло меньше пяти минут. Слегка кивнув, как будто дав самой себе команду, она нажимает кнопку, связывающую инкубатор с адронным коллайдером. Из инкубатора резко вытягивается воздух, и образовавшемся в вакууме я уже ничего не вижу. Я миг оказалась в другом пространстве. Темно. Мою форму и структуру сканирует микроскан. Ощущаю шлепок где-то сзади и оглядываюсь. Это ко мне припечатался код. Теперь моя душа привязана и сохранена. Прекрасно. Всё идёт по плану. Что-то сильно гремит и бьётся. Это столкновение частиц в коллайдере. Мой слух обострён. Меня продолжает засасывать в воронку. Ментафон прекращает передачу мыслей. А я уже вижу гравитационное преломление пространства и различные цвета, зоны. Я внедряюсь в это, и меня буквально разрывает на куски. Но душа оказывается очень пластичной и гибкой. Как бы её ни растягивали гравитационные волны, я чувствую свою духовную целостность. Я успокаиваюсь. Продолжаю двигаться в волнах. Что-то новое и необычное. Сколько времени проходит в этом эйфоричном состоянии, я не знаю, и у меня нет необходимости знать. Мне очень хорошо. Не мешают никакие мысли, дела, обязанности. Внезапно я останавливаюсь, но не сама. Остановила какая-то внешняя сила. И вот меня тянет назад. Я разворачиваюсь и плыву обратно, хотя это лишь ощущение. На самом деле трудно понять, куда я плыву, и у меня нет реальной потребности в определении направления. Я это всё чувствую в глубине души. Логических связей у меня

нет. В этом пространстве присутствует какой-то магнетизм, который тянет меня. Волны меняются. Цвет, глубина, время и плотность тоже. Меня несёт с невероятной скоростью, и передо мной предстают разные люди, чьи-то жизни в разные периоды времени, начиная с зарождения жизни на Земле. Я вижу себя в эмбриональном состоянии и покойницей, перескакиваю с одного периода своей жизни на другой. И всё это проносится с большой скоростью. Меня освещает яркий свет и, привыкнув к нему, я вижу свой институт, лес, парк, цветы. Я парю над верхушками деревьев. Вижу своих родственников, которые идут от дома к институту. Видимо, уже наступил день, и они узнали, что я умерла. Я спускаюсь ближе к земле.

— Как так?! Она умерла и никому ничего не сказала! Я могу понять внезапную смерть, но оказывается, она её спланировала и подготовила, что, в общем-то, тоже не укладывается в моей голове, — жена Амира возмущается, стараясь сдерживать голос, и постоянно оглядывается, проверяя, не слышит ли кто её.

— Мама сделала то, что хотела. Этот эксперимент — цель её жизни, — пытается защитит и оправдать меня Амир.

— Можно было бы подумать об окружающих, близких, родных.

— Она выполнила свою миссию на Земле.

— Какой ты бессердечный. И тебе не жалко, что она умерла? — не унимается жена Амира.

— Конечно, жаль, и мне её будет не хватать. Но, в конце концов, все умрут. И она прожила счастливую долгую жизнь, наполнив наукой, духовностью и интересными событиями. Тем более, папа умер ровно год назад. Мы могли бы это предвидеть. Они были очень близки и привязаны друг к другу.

Я парю, оставив попытки вмешаться и что-то сказать. Меня никто не слышит и не видит. Конечно, я же смотрела фильмы и читала книги. Всё так и есть, и сейчас я в этом убедилась. Мне необходимо попасть в институт. Это важнее всего. Работает ли установка? А что если не работает? Что я могу сделать?

В инкубаторской мирно жужжит установка, а Джон Нэш склонился над сенсорной панелью, с интересом что-то изучая.

Марина за другим компьютером так же увлечённо чем-то занимается. Я просачиваюсь в комнату сквозь стены. Эту удивительную способность я обнаружила, когда спускалась. Меня понесло прямо на дерево, и... оно прошло сквозь меня.

— Сигнал, как появился некоторое время назад, так по-прежнему и поступает. Но он то усиливается, то ослабевает. Сейчас очень сильный, — Джон просматривает отчёт.

— У меня тоже есть движение и слабое мерцание. Возможно, это душа Евы, — подтверждает данные Марина. — Впервые с момента смерти Евы есть движение.

Эксперимент идёт! Моя душа получила условный код Ева1, потому что была первой душой, которая готовилась к опыту сознательно и была готова духовно. Душе Патрика был присвоен код Патрик1, но её не удалось закодировать, вернее, она не прикрепилась, поэтому не было возможности вернуть её обратно в инкубатор и проследить. Кажется, это моя душа подаёт сигналы. Марина и Джон пытаются раскодировать послы. Я же парю над сетью, в инкубаторе вижу своё тело, его уже погрузили в длительную заморозку. Сейчас я должна через чувства сообщить о своём присутствии. Мерцание усиливается. Оно мелькает синими и красными сполохами в воздушном пространстве, огороженном невидимыми стенами и являющемся прямой проекцией движения ступка энергии. Благодаря программе, записанной в сети, этот ступок энергии, или моя душа, перемещается по еле уловимым волнам и нитям внутри трансформатора, который выглядит, как солнечная батарея, и представляет собой кристалл, состоящий из множества кругов, образующих перевёрнутый конус высотой пять метров, под потолок лаборатории. Внутри кристалл пронизан нитями-сенсорами, он как огромный белый одуванчик. Именно здесь ловятся и концентрируются чувственные послы души.

Внезапно раздаётся слабый звук, потом ещё раз и ещё. Джон и Марина хватают наушники и вслушиваются. Очень тихо и где-то далеко слышен звук.

— Может, это что-то гудит в установках? — предполагает Джон, не снимая наушник.

— Не уверена, — обеспокоенная Марина снимает наушники и прислушивается. — Тут явно посторонний звук, которого раньше не было. Это одна и та же нота монотонно звучит и звучит со стороны трансформатора.

— Кажется, Ева пытается нам передать информацию через звук, — улыбается Джон. — Она натягивает нити одуванчика в кристалле, и они издают звук.

— Музыка души? — восхищается Марина. — Сколько раз слышала эту фразу. Да, верны слова, Ева всегда их повторяла: «Законы природы идентичны». Пока звучит одна и та же нота. Это «ми» первой октавы.

— Ты знаешь ноты? Занималась музыкой?

— Хм... Чем я только ни занималась! — смеётся девушка. — Если я за что-то бралась, то изучала до конца весь материал, известный в природе.

— Тогда мы, кажется, распознали код и посыл. Теперь сопоставим ноты и буквы и сможем прочесть сообщение. Каждая нота и аккорд будут соответствовать определённой букве или слову. Сейчас поймём.

Джон заносит в программу нотную грамоту и запускает дешифратор по нотам. Теперь звуки трансформируются в буквы и слова.

— Молодец Ева! Молодец, молодец! Догадалась! — Марина светится от счастья. — Применила теорию суперструн и, натягивая волны пространства, реализовала передачу данных через музыку.

Ух-ух-ух, вздыхаю я. Наконец-то услышали! Я уже думала, меня окружают глухие. Я бесцельно перекатываюсь в энергетических волнах, наслаждаясь лёгкостью, и дёргаю за нити пушистую сеть одуванчика. Пока они распознают музыкальный код, я могу просто порезвиться. Мне необычайно легко, и я постоянно забываю, зачем я здесь. Напоминает засасывающий вакуум, который периодически возвращает меня к трансформатору, если я, заигравшись, улетаю далеко от этого мира и Земной жизни. Я проваливаюсь сквозь подушку гравитации, и меня несёт невероятное чувство эйфории. Как под наркозом — никакого чувства

ответственности и контроля. Меня обволакивает тепло и нежность, и я чувствую, что я дома. В очередной раз меня тянет волной непонятная сила. Она, как воронка, засасывающая и выплёвывающая, — в зависимости от направления. Я постоянно оказываюсь то в одном, то в другом пространстве, зоне, сфере, системе, периоде. В одно мгновение перескакиваю и только успеваю замечать, как меняется окружающая среда.

— Теперь звук стал тише, и вообще еле-еле различим, — Марина встревоженно вслушивается и вглядывается в трансформатор, пытаясь уловить хоть малейший шорох или шёпот.

— А ты посмотри вот сюда, — Джон показывает на свой экран сети, куда выводит отчёт дешифратор, преобразующий тонкую энергию и музыкальный звук в электрический сигнал, который в свою очередь преобразуется в текст на экране. — Сигнал есть, но очень слабый. Вероятно, она периодически удаляется и возвращается, как маятник или качели. Только эта периодичность хаотичная, вернее, нет никакой периодичности, известной науке.

— Ну, это, можно сказать, уже не новость, что неизвестный порядок существует в некоторых кристаллах.

— Я про это и говорю,.. — еле слышно отзывается Джон, увлечённый едва уловимыми сигналами.

Я опять возвращаюсь и вижу своих коллег. Трогаю нити-струны и играю слова:

— Привет, это я, ЕваЕваЕваЕваЕваЕваЕва.

— Есть контакт! — Джон радостно поворачивается к Марине.

Марина устремляет взгляд к сети Джона и тоже видит приветствие от меня.

— Невероятно! — улыбка, смешанная с восторгом и удивлением, светится на её лице. — Потрясающе!..

Она подбегает к сети Джона и набирает на клавишах приветствие.

— Привет, Ева. Это Марина.

Джон протягивает свою руку и дописывает своё имя.

— И Джон.

Они переглядываются и улыбаются друг другу.

— Как ты себя чувствуешь? — недолго думая, пишет Марина.

До меня доходят еле уловимые звуки, даже не звуки, а посылы внутрь меня, и я различаю слова.

— Хорошо. Мне очень хорошо. Здесь невероятный мир и очень легко. Я как будто нахожусь в постоянном наркозе. Меня то засасывает в воронку, и я кручусь с немыслимой скоростью в темноте, то меня выплёвывает на свет.

— Что это?

— Я не знаю. Я не могу думать вообще. Мыслей нет и логических связей тоже. Я вам передаю свои чувства, и что со мной происходит в этой реальности.

— Понятно. А когда тебя уносит, ты можешь передавать чувства и сигналы? Потому что иногда звук становится еле слышным.

— Пока ещё не получалось. Я как будто теряюсь и забываю об эксперименте, и вспоминаю, только когда здесь, рядом, и вижу вас.

— Если не получается помнить вдалеке, может, тогда ты будешь по возвращении передавать, что с тобой происходит?

— Хорошо, попробуем и так, и так. Как получится... Кстати, — через паузу программа выплюнула раскодированные слова на экран, — мне кажется, что вам нет необходимости писать слова. Я ловлю ваши мысли.

— Да?.. — Джон замаялся. — Буду иметь в виду. И попробую настроить автоматическое считывание мыслей и чувств, как и в материальном теле, при помощи ментафона и астрафона.

— Да, только в нашем случае, если и использовать те же законы, то на микроуровне.

— А как у тебя получается читать наши мысли?

— Во-первых, я вижу будущее, теперь мне это легко удаётся. В один момент передо мной всплывает картина всего — и прошлого, и настоящего, и будущего. Во-вторых, в физике существуют законы, идентично действующие на всех уровнях мира, в том числе и на микроуровне.

— Мне хочется как-то назвать эту сферу микроуровня, где обитают души, поскольку мы наблюдаем твою на своём антропном уровне из своего трёхмерного пространства. И дешифратор выдаёт нам информацию, также адаптированную к нашему материальному миру.

— Да, вам сложно было бы наблюдать то, что я сейчас вижу и ощущаю. Однако, в каких-то примитивных значениях, вы ловите и диагностируете мою информацию из отэспаре.

— Ева, а это что-то совсем непонятное.

— Отэспаре — это иной мир, отличный от материального макромира. Здесь только обиталище душ. Они пронизаны и перемешаны друг с другом.

— О! Вот так я и назову сферу микроуровня, где находится душа, — отэспаре.

Он почесал затылок и оглянулся, чтобы увидеть Марину. Всё же было несколько жутковато общаться с духом, да и к тому же, читающим мысли. Внезапно система безопасности загудела и оповестила о посетителе. На экране камер слежения появилось лицо одной из моих дочерей, которая приехала, узнав о моей смерти. Потихоньку родственники собираются у родного очага.

— Напоминаю вам об ограниченном доступе в программу эксперимента, — снова появляются слова на экране.

— Да не волнуйся, — отзывается Джон. «Что вообще может случиться, если даже кто-то и взломает? Хакеры всегда были и есть».

— От хакерских атак мы должны быть предельно застрахованы, — отвечаю я на невысказанные мысли Джона.

Марина вопросительно смотрит на коллегу. Джон оглядывается и пожимает плечами.

— Ты, и правда, читаешь мысли...

Система безопасности снова оповещает о посетителе. Это моя дочь Руди, которая эмигрировала в Европу, как только ей исполнилось восемнадцать лет, единственная из детей, недовольная нами как родителями. Сейчас ей тридцать, но она по-прежнему ребёнок, и злится, что я не сообщила ей заранее о своей смерти. Она уверена, что я это всё специально подстроила. В чём-то она права. Я действительно спланировала свою смерть, но что специально подстроила, это перебор.

— Объясните, пожалуйста, цель своего визита, — настаивает робот, так как добиться внятного ответа от Руди он не может.

— Почему она умерла и ничего мне не сказала?! — Руди морщится и хватается руками за голову. — Я помню, она обещала мне сказать заранее, и вообще, она говорила, что не умрёт!

— Так не хочется пускать эту истеричку, — шепчет Джон Марине. — Она такая капризная и всегда всем недовольна.

Они оба замерли и смотрят на Руди, не в силах принять решение. Моя душа витает где-то здесь, и они ощущают её присутствие. И поэтому ждут решения от меня. А я молчу. Меня в это время опять тянет в водоворот вселенной, и я, сперва пытаюсь ухватиться за что-нибудь и остаться рядом со своим телом и коллегами, не выдерживаю натиска и отдаюсь потоку. Очень сильный магнетизм и тяга, нет смысла сопротивляться.

— Я к маме, пустите меня! — кричит Руди и барабанит в дверь кулаками.

— Пожалуйста, проходите, — наконец-то робот реагирует на ответ и открывает дверь.

— Ева, ты здесь? — посылает вопрос Марина.

Ответа нет. Марина ждёт пару минут.

— Видимо, она переместилась. Как раз можно отключить внутреннюю систему на время прихода Руди. Заодно проведём профилактику.

— Да Ева, наверняка, исчезла, потому что не хочет её видеть. Я помню, какие истерики она постоянно закатывала, пока не уехала, — Джон отодвигается от рабочего стола и выключает внутреннюю систему.

Общая система эксперимента состоит из внутренней системы и внешнего слежения. Даже если внутреннюю отключить на время, что допускается, внешняя всегда включена, и как только объект или сигнал попадёт в поле регистрации, внутренняя система автоматически включится и начнёт работу. Это сделано для того, чтобы в экстренных ситуациях и при завершении деятельности лаборатории можно было отключить установку без риска потери информации. Это первое отключение и профилактика с начала эксперимента. Наступает тишина, и только ритмичное тиканье инкубатора, как ритм сердца, звучит в комнате.

— Теперь можно встретить Руди, — спокойно произносит Марина.

У них всегда существовала необъяснимая ревность друг к другу, преимущественно у Руди. Она, хоть и была официально удочерённой, всегда подозревала, что Марина мне ближе, она ведь работала со мной и даже теперь постоянно находится рядом с моим телом. К тому же все наши дети знали, — мы с Патриком этого не скрывали, — если бы Маринина тётка не отказала нам в опеке, девочка вошла бы в нашу семью.

Руди быстро проходит по коридору. Она знает мою рабочую комнату, как и все дети, которые уже побывали здесь и попрощались со мной. Церемония прощания проходила очень необычно. Тело не планировалось к захоронению, и должно было оставаться в инкубаторе. Сколько именно дней, месяцев, лет, не уточнялось. Руди, облачившись в спецодежду перед входом, стрелой направляется к моему телу, которое неподвижно лежит в инкубаторе.

— О, мамочка! Как ты могла?! Как ты могла ничего мне не сказать? Оставила меня одну, бросила. Я знаю, что ты не умерла. Это только твоё тело. А душа жива. Я знаю, я чувствую это, — стонет Руди, обняв инкубатор, и сквозь стекло разговаривает с моим мёртвым телом. — Я знаю, ты что-то задумала. Я ведь не такая дурочка, как остальные, и всё понимаю. Этот твой институт и эксперимент, которым вы с папой жили...

Руди обнимает свою голову руками и продолжает стонать, и что-то бормотать себе под нос. Потом она внезапно вскакивает и обращается к Марине и Джону, стоящим в стороне в ожидании, когда Руди прекратит причитать, успокоится и уйдёт, чтобы они могли продолжить работу.

— Я тоже хочу знать об эксперименте и участвовать в нём.

Марина бросает быстрый взгляд на Джона. Доступ к программе эксперимента строго ограничен, и даже детям участвовать в нём не представляется возможным. И если им не пришлось ничего объяснять другим детям, — это сделала я в письмах, которые написала всем без исключения, — то для Руди этого было мало, и её нужно было как-то уговорить.

— Дело в том, — начал Джон, с трудом подбирая слова, немного чувствуя злость на меня, что ему приходится выполнять мою роль и объясняться с моей дочкой. — Дело в том, Руди, что программа эксперимента защищена, и мы знаем только небольшую часть, а все результаты рассчитаны на будущие поколения. Так что мы даже не сможем его завершить. Всё зашито в программу. Мы лишь запустили её и теперь отслеживаем поступающие сигналы. Через некоторое время все эти установки вместе с телом Евы будут захоронены в действующем виде.

— Не понимаю, как это? — Руди делает изумлённое лицо. — То есть всё, что сейчас здесь находится и работает, будет погребено? И всё будет идти само по себе?

— Примерно так, — Марина решает поддержать Джона. — Все мы смертны. По крайней мере тело человека. Эксперимент проводится с душой.

— И что, удалось подтвердить существование души? — Руди с недоверием поднимает глаза.

— Мы ещё в поиске, — быстро отвечает Марина, обманув Руди. Джон не смог бы соврать, поэтому она решила его опередить. Они не должны раскрывать факт существования души, пока не будет явных доказательств. Это будет известно только по окончании эксперимента, примерно через тысячу лет.

— Что?! Через тысячу лет?! — открывает рот изумлённая Руди.

— Да, именно на такой срок он задуман и запрограммирован.

— Какая чушь,.. — фыркает Руди. — Неизвестно, что произойдёт в ближайшие сто-двести лет.

Джон сосредоточенно смотрит в экран, словно пытаясь заглянуть туда, где вселенная скрывает в себе невидимые души. А меня несёт непонятная сила куда-то в темноту и неизвестность. Я не могу сопротивляться. Где-то вдалеке до меня ещё доносятся голоса Руди и Марины, а также гул голосов других родственников. Всё приходит импульсами и откликается в душе. Я уже не обращаю на это внимания. Что-то невероятно приятное меня влечёт и тянет, что-то родное и близкое. Я вглядываюсь, но кругом пустота. Вдруг я ловлю момент, что у меня уже и чувств

нет, не только мысли ушли. Чем же тогда я ощущаю тягу и влечение? И тепло, и близость? Невероятные ощущения. Они несравнимы с земными и телесными. Это внутреннее, духовное чувство, похожее на интуицию. Чувство наполненности и вместе с тем пустоты и свободы. Чувство, что впереди много-много времени, бесконечность, и нет необходимости куда-то торопиться. Блаженство. Рядом проходит луч преломления и перекачивающая волна. Вокруг меня темнота. Волна захватывает меня, и я оказываюсь на другом уровне отэспаре. Здесь светлее. Я вижу много летающих объектов, видимо, таких же, как и я. Прозрачные, как медузы. Внезапно меня что-то обволакивает сзади. Тёплое и родное. Я поворачиваюсь. Передо мной расплылись мои родственники, близкие и друзья, которые умерли раньше меня. По моей сущности прокатывает волна приветствий.

— Здравствуй дорогая! — Патрик посылает тёплый луч, — вот и встретились.

— Здравствуй! — всё проходит без слов, мыслей и чувств.

Слова текут, как свет и ветер. Не описать, как мне хорошо. Я не знаю, зачем всю жизнь так бояться смерти, когда здесь так хорошо? От этого страха смерти все беды и проблемы человеческие. Пустая трата времени, энергии и чувств. Если бы люди знали, что там, за порогом смерти, — вероятно, она бы не пугала. Страшит неопределённость.

— Я рад тебе, — слова Патрика проникают в меня. — Я пытался поговорить с тобой, когда ты была жива, но ты меня не слышала. А программа не считывала мою информацию. Молодец, что придумала музыкальный код.

— Так меня коллеги слышат только из-за музыкальной передачи? Я столько преобразований провела в попытке найти ключ к считыванию информации.

— Всё гениальное просто. Музыка души. Ведь мы эту фразу часто слышали при жизни, но воспринимали её абстрактно. А благодаря тебе эти слова получили конкретное воплощение.

— Мы знаем почти всё про смерть, но не верим в это. Должна быть сильная вера. У кого она сильная, у тех спокойно проходит

этап умирания, и сама жизнь идёт легко. Эти люди не боятся смерти и живут праведно и с верой.

— Значит, главное — вера?

— Да, главное — верить. Не нами всё придумано, и нам не всё открыто и доступно.

— Человек пока не может описать другие вселенные и осознать масштаб и величину Высшего Разума и Силы. Кому-то для веры нужны доказательства. Для них слепая вера просто не имеет смысла.

— Если бы у человека было больше веры, ему бы и жилось легче и свободнее.

— Страхи сковывают и ограничивают, и мешают жить.

Я и Патрик парим рядом друг с другом и обмениваемся импульсами, невидимыми и неслышимыми, но понятными нам обоим. Сейчас мы полностью объаты светом, настолько ярким, что кроме друг друга ничего и никого не видим. Да и в нашем облике нет ничего общего с подобием человеческого тела. Мы — два отрезка светящихся лучей, купающихся в море яркого света. Теперь мы летим вместе навстречу волнам и невероятным картинкам и видам. Линии, полосы, круги, сферы, — всё это переливается, движется и невообразимо пересекается, создавая эффект антисимметрии. Как только я вспоминаю земной образ Патрика, он тут же предстаёт передо мной, молодой, как в день нашего знакомства.

— Я вижу тебя разного, — посылаю я импульс Патрику.

— Ты учишься быть в разных отэспаре микромира одновременно. Здесь их очень много.

— Это не опасно?

— Нет. Теперь не существует никакой опасности. Где бы ты ни блуждала, в каком бы уголке мира, тебя всегда притянет к родным местам. Это происходит за счёт сильного магнетизма между родными и близкими. Иногда он возникает в силу приверженности делу, например, науке, творчеству.

— Как меня постоянно возвращает в институт, и я ничего не могу сделать, и сопротивление бесполезно.

— Ты же не просто запустила эксперимент, но и запрограммировала его на долговременную перспективу.

— Почему же тогда тебя не притянуло обратно в институт?

— Притягивало. И я возвращался, и не раз, только вы меня не могли услышать. А я никак не мог передать данные. Люди живут в трёхмерном пространстве, а душа может воспринимать и видеть другую реальность и другие миры.

— Вот бы передать эту информацию и сообщить им данные.

Как только я это осознаю и отправляю импульс Патрику, меня начинает тянуть прочь от него с невероятной силой. Я пытаюсь ухватиться, но здесь не за что, да и я в принципе не могу ни за что держаться. Патрик наблюдает.

— Не пытайся сопротивляться, это бесполезно.

— Ой, да. Ты прав! Скорее всего, меня потянуло в лабораторию.

— Меня поначалу тоже часто тянуло. Но из-за тщетности моих попыток связаться с вами и бесполезности моего присутствия там я со временем перестал возвращаться. Вернее, импульсы сами прошли. Лишь иногда поддавался желанию увидеть тебя, ловил твои мысли обо мне и чувства и притягивался к тебе. Я надеялся, что ты меня чувствуешь...

— Да, я чувствовала тебя... Всё, больше не могу держаться, увидимся позже!..

— Конечно! Мы теперь всегда будем вместе!..

Меня кружит, несёт в водовороте цвета и разной тяги. Я ощущаю то обволакивающее тепло, то твёрдый холод, то вообще упираюсь во что-то, типа непрошибаемого бетона, и приходится двигаться обратно, обходя препятствие. Видимость почти нулевая из-за сильного преломления пространства, где я нахожусь, направляясь к своему телу в институте. Через какое-то время тёмная вязкость заканчивается, и я оказываюсь в невесомости. Ещё одна волна, и вот он, институт, уже видим. Я направляюсь к своему телу. Навстречу мне попадают несколько родственников, говорящих обо мне. Я немного слушаю, пытаюсь им что-то сказать, успокоить, но, как и раньше, моих слов никто не слышит, и я продолжаю свой путь к телу и месту, где меня

понимают. Великое дело — понимание! Без него, словно попав в другую страну, не имея возможности выразить и объяснить свои желания и мысли, мучаешься в отчаянии.

— Прошли уже все сроки, сколько может тело быть незахороненным. Даже душа обычно сорок дней находится возле тела, а потом улетает, если верить церкви. И этот срок уже прошёл, — жалуется жена Амира, которой уже надоело находиться вдали от цивилизации и которую тянет в общество.

— Её вообще не планируют хоронить, — Амир в отличие от жены наслаждается покоем, тишиной природы, родного дома и грустит от отсутствия матери, всегда наполнявшей это пространство светом и теплом. — И вообще, у меня какое-то предчувствие, что нам пока не надо уезжать.

— Что ещё за предчувствие?

— Я должен остаться здесь, — немного резко отвечает Амир. — Просто так чувствую.

— А как же твой проект и работа?

— Это не так важно.

— Раз ты так уверен, я тоже останусь.

Жена Амира, хоть и хочет вернуться в мегаполис, пойти против мужа не решается.

Неужели прошло сорок дней? Я удивляюсь. Я ничего не делала и время не считала. А всё вот так сложилось. Я посылаю импульс с отчётом о своих передвижениях.

— Есть сигнал! Очень близко, — Марина радостно прерывает тишину лаборатории.

— Я уже тоже увидел, — отвечает Джон, читая свежие строки отчёта.

— Как долго её не было.

— Да. Хоть бы сейчас она откликнулась.

— Я здесь, я здесь, — пою я.

— Она здесь! Ура!!! — Марина вскакивает со стула. — Столько дней ожидания!

— Да!..

Джон вспоминает фильм своего друга о работе в обсерватории. Как они ждали, что звезда пройдёт в нужной точке, чтобы определить её направление, когда выявляли чёрную дыру. И как они радовались, когда звезда наконец-то прошла в этой точке.

— Наша звезда Ева вернулась, — говорит он умиротворённо и считывает посыл моей информации. — Она путешествует в эссенции отэспаре, проходя различные уровни, формы и структуры. Уже побывала в бесконечности и встретилась со своими давно умершими родственниками. Побывала во всех временных отрезках жизненного пути человека с начала жизни и даже с начала Большого взрыва. И видела возможные варианты развития человечества. Кажется, она пока блуждает по просторам нашей вселенной, не выходя за её пределы. Ева, ты могла бы с точки зрения физики описать свою форму и передвижения? Какие законы там действуют?

— Да, конечно! Ловите, — я отправляю пучок энергии и автоматически перескакиваю в одну из сфер отэспаре. Возвращаюсь обратно.

На компьютере Марины появляется сразу два гигабайта информации, автоматически раскодированной и адаптированной для трёхмерного пространства. Джон и Марина жадно изучают новую информацию, новое видение духовного мира с точки зрения атомной физики и квантовой механики.

Глава 6

Встреча

Я подлетаю к своему телу. Оно кажется мне очень старым и вообще каким-то нечётким, расплывчатым, как и всё окружающее. Теперь я способна видеть по-другому и больше. У меня почти нулевая масса. Сейчас мне очень легко, и я чувствую себя молодой. Да и Патрик, и другие родственники тоже выглядят молодыми.

— Как дела, Ева? — спрашивает Марина, оторвавшись от чтения. — Давно тебя не было, я уже волновалась.

— Для меня моё путешествие прошло, как один день, — посылаю я импульс, неслышимый, но улавливаемый системой.

— Читаю твои описания. Эти данные подтверждают выводы учёных о том, что для микромира, если и нет закона, определяющего угол отклонения траектории конкретного электрона, существует закон, который жёстко определяет вероятность отклонения электрона на заданный угол. И поэтому, учитывая, что душа меньше электрона, нейтрино и кванта, но описывается теми же законами, вероятность её путешествия прослеживается и доказывается твоими данными. Всё сходится. И ещё, я считаю, что душе надо дать физический термин. Например, «бьёнстри». Это самая маленькая ныне изученная частица, которую мы сейчас наблюдаем в нашем эксперименте, — выдыхает Джон.

— Это можно сразу заархивировать, правильно мыслишь, — поддерживаю я, посылая информацию в систему.

— В мгновение! Похоже на квантовый скачок, — удивляется Джон.

— Ещё круче, я же меньше кванта. Я сразу посылаю пучок импульсов с той информацией, которая необходима. Физически

это происходит так, — в моём информационном поле информация вращается вокруг бьёнстри, то есть меня, по определённой траектории, как электрон вокруг атома. В данном случае я — своеобразное ядро. При нагревании происходит выброс энергии, и информационный «электрон», перескакивает с одной орбиты на другую. Вообще, я текущая и меняюсь, как хочу.

— То есть тебе не надо думать и складывать слова, чтобы что-то передать? Визуализация у тебя более глубокая и многомерная?

— Да, у меня вообще отсутствует мыслительный процесс. Я забыла, что это такое. Есть интуиция, — она совмещает мысли и чувства. Вернее, обходит мысли совсем, оставляя только чувствование. Но и чувств у меня нет как таковых. Это странные ощущения. И я не могу сказать, что это. Это что-то новое, не чувства, не ощущения, не мысли. Это поток. И он дополняет визуальное восприятие, которое у человека всего лишь трёхмерно. Это невероятное новое видение мира и наблюдения, как действуют законы физики при перемещениях внутри пространств и между ними.

— Что же это, интересно? — Марина сжимает губы и в задумчивости мотает головой.

— Я теку, как река. Я в потоке и наслаждаюсь этим. Встречается препятствие — обхожу его и плыву дальше. У реки есть сознание? Есть чувства? У дерева это есть?

— Если говорить буквально, то нет. Сознание и разум есть только у человека, — рассуждает Джон.

— А если не буквально, то душа есть и у дерева, и у реки, — поддерживает его Марина.

— Вот в этом-то всё и дело. Мне сложно передать, что это. Потому что это на другом уровне, в отэспаре, на духовном в буквальном смысле слова.

— Что это за уровень? Мы это сможем описать будущим поколениям?

— Отэспаре — это похоже на свет, на ветер. Река — это самый примитивный пример. Что-то такое тягучее и эфемерное. Погружаешься, как во сне, и ничего невозможно сделать сознательно.

Попытки говорить вслух и кричать бесполезны, как и во сне. И так же, как и во сне, есть уверенность, что всегда вернёшься, и ничего плохого не произойдёт, даже если и страшно в текущий момент.

— Я могу представить сон, и как ухажу в это состояние. Провал и всё, — отвечает Марина на моё сообщение. — Тогда это возможно описать. Много теоретиков предполагало существование души, и строило догадки о подобных процессах после смерти. Но никто не доказал это на практике.

— А я смогу описать действие наркоза. Был опыт в прошлом, когда на операцию ложился, — поддерживает Джон. — Может, тогда мы приблизимся к практическому духовному опыту после смерти физического тела.

— Я вам даю приближённые понятия. Думаю, что само моё присутствие и эта информация, — текст и визуализация как раскодировка моих импульсов, — уже прямое доказательство жизни души после смерти тела, — отзываюсь я. — Кажется, мои родственники что-то задумали. Чувствую вибрации приближения их всех. Вы не знаете? Они что-то говорили вам? Хотя, я быстрее всё узнаю сама.

— Нет, не в курсе, кроме того, что приходила одна из твоих дочерей, Руди.

— А, да! Это и я знаю. Нет, здесь что-то другое. А, это она собирает всех. Они хотят узнать больше об эксперименте. Ну что ж. Дадим им то, что они хотят, — резюмирую я.

Я лечу сквозь шкаф, стену, дерево. Физические земные тела не являются препятствием для моего перемещения. Я проникаю в свой большой дом, где когда-то ходило моё тело. Вообще-то это не моё тело, а просто земная оболочка, данная мне на время присутствия в материальном мире. Понятно теперь, зачем оно было мне дано. Я и при жизни это понимала где-то в глубине души, на задворках своей сущности. Вот это моя миссия, и я её выполнила.

Родственники сидят в огромной библиотеке за овальным столом в мягких креслах. Их окружают стеллажи с книгами. Здесь комфортно и уютно. Я вижу, что собрались не все. Наверное,

остальные в своих делах и заботах, и ещё не приехали. Взрослые сидят и чего-то ждут, тихо переговариваясь. В игровых слышен шум и визг детворы. Я приближаюсь к каждому из своих детей и прохожу сквозь них. Я хочу, чтобы они почувствовали меня. Вот Амир вздрагивает. Я стою рядом с ним.

— Ну, мой мальчик, давай! Послушай себя, своё сердце, душу. Что ты чувствуешь? — жалобно стону я.

— Что с тобой, дорогой? — жена Амира встревоженно всматривается в лицо своего мужа.

— Да, что-то вдруг не по себе стало, холодок прошёл по коже,.. — Амир берёт журнал со столика и листает его, чтобы отвлечься.

— Ждём ещё пятнадцать минут, и начинаем, — Руди, организатор этого сбора всех родственников, одетая в бальное платье, с гладко зачёсанными волосами, стянутыми в конский хвост, чувствует себя хозяйкой дома.

Она предпоследняя из наших детей, и ей досталось больше внимания со стороны других братьев и сестёр. К её капризам все относятся снисходительно и с любовью. Ей же часто кажется, что над ней насмеваются. Я прохожу сквозь неё несколько раз, пытаюсь достучаться до сердца. Но, кажется, она его заморозила ещё в период младенчества. Почему это с ней случилось? Непонятно. Руди кладёт правую руку на живот в области солнечного сплетения и накрывает её левой рукой.

— Наконец-то ты чувствуешь эту боль, — я парю над Руди. — Ты всегда была бесчувственной, бессердечной. Только эгоизм и капризы, которым все потакали. Тем не менее, я тебя люблю такую, и все любят.

Руди встаёт и направляется к сервировочному столику. Берёт коньяк, наливает себе рюмку и выпивает залпом.

— Мне что-то нехорошо вдруг стало, — оправдывается она.

— Алкоголь не помогает. Это временная анестезия, — Илаф добродушно смотрит на Руди. — Я это уже прошла, знаю.

В молодости Илаф, когда решила жить самостоятельно и поселилась в Лондоне, много рисовала, и почти всегда её сопровождал

алкоголь. Потом она остановила это. Уехала в солнечную Испанию и теперь просто наслаждается жизнью, ничего не делая.

— Кажется, собрались все, кто подтвердил встречу. Кроме Даниеля. Он уехал в Новую Зеландию и застрял там. Ограничимся конференц-связью с ним. Ещё несколько братьев и сестёр даже не ответили на письма и вызовы. Вероятно, тоже в отъезде, — Руди настраивает связь, пальцем выводя в воздухе пароли.

Над головой всплывает сеть, проявляющаяся буквами в пространстве. Руди растягивает её до размеров стены, чтобы было видно всем присутствующим. После долгого ожидания со стороны Даниеля появляется треск, мерцание, а потом визуализируется и он сам, улыбающийся сквозь москитную сетку.

— Всем привет! Приношу свои извинения, что не смог приехать. Но, как я уже говорил, застрял здесь, и пока нет возможности выбраться.

— Да, я уже всем сообщила, — отвечает Руди.

— По какому поводу сбор? — Даниель ловит взгляд Амира и обращается к нему.

— Около двух месяцев назад наша мама покинула этот мир и нас. Её душа, — добавляет Амир, немного подумав. — Тело её лежит в инкубаторе. Она запретила себя хоронить традиционным обрядом.

— Долго это будет продолжаться? — уточняет Даниель.

— По завещанию мамы эксперимент нельзя останавливать, он должен длиться веками, если только не произойдёт какой-нибудь катаклизм или другой форс-мажор, мешающий его проведению. Это необходимо передавать, как и институт с лабораторией, из поколения в поколение.

— Всё ясно, — отзывается Даниель. — Этот эксперимент был жизнью для родителей.

— Она оставила всем нам письма, в которых всё это описано и завещано, — вставляет Илаф.

— Мне домашние сообщили об этом письме, когда я звонил. Но не распечатывали, ждут меня, поэтому о содержании не знал.

— Хорошо. Итак, предлагаю начать наше собрание, — Руди прерывает обмен любезностями. — Я предложила всем собраться, чтобы пообщаться с душой мамы.

— Ха-ха-ха! — прыскает взрослый сын Амира.

Амир строго смотрит на него.

— Просто я представил древний обычай вызывать души умерших людей, — пытается оправдаться подросток. — Как-то смотрел фильм. Рисуют круг с буквами, ставят блюда и кладут на него пальцы.

— Это до сих пор практикуется в оккультизме и магии.

— Это же полный бред! Как может душа прийти на блюдо, на алфавит в кругу и пальцы?

— Может, она приходит на энергетический поток вызывающих душу людей, — Руди заметно нервничает и теребит кончики волос в хвосте. — Всё же я предлагаю начать. Тем более, что мама жила своим экспериментом и возможно, она хочет, чтобы мы вышли с ней на связь. В институте что-то происходит, но мы не знаем, что именно.

В это время я располагаюсь в середине овального стола, среди ваз с цветами, и оглядываю всех.

— Да давайте уже, начинайте! Я с вами! — кричу я, но никто меня не слышит.

— Итак, я предлагаю всем мысленно настроиться на нашу маму. То есть каждый сейчас должен сидеть и думать о ней, вспоминать и внутренне с ней разговаривать, — продолжает Руди, раздумывая от алкоголя.

— А как мы поймём, что она с нами? — сын Амира, явно настроенный против этого действия, ехидно пожимает плечами.

— Скорее всего, мы почувствуем её сердцем, — пытается его уговорить Амир.

Все переглядываются и задумчиво опускают глаза. На пару минут наступает глубокая тишина. У кого-то катится слеза, кто-то вздыхает, с шумом выпуская воздух из лёгких.

— Ух-у-ух. Ух-у-ух. Ух-у-ух, — слышно воркование голубей на улице.

Пространство наполнено свежим воздухом и запахом лаванды. Я подлетаю к Илаф и прохожу сквозь неё, со всей силы посылая импульс ей в сердце. Илаф берёт стакан с соком и пьёт его.

— Мне как-то не по себе, — говорит Илаф, ставя пустой стакан. — Такое ощущение, что меня изнутри распирает.

— Может, это мама пришла к тебе первой? — предполагает Амир.

— Не знаю, — Илаф погружается в себя и опускает глаза в пол.

Я выхожу из Илаф, подлетаю к Амиру, также прохожу сквозь него, останавливаясь в его сердце. Потом к Милочке, к Руди и к остальным по очереди. Даниель с измученным видом периодически смотрит в экран и тоже пытается сконцентрироваться, но у него не получается. Он то и дело перескакивает мыслями на свою работу и бытовые проблемы. Я подлетаю к экрану и начинаю посылать импульсы Даниелю. Я могу переместиться за пару секунд на другой конец Земли, но не делаю этого, боясь упустить важный момент здесь и сейчас.

— Мама с нами, — уверенно объявляет Руди.

— Как ты это определила? — не унимается недоверчивый сын Амира.

— Разве ты не чувствуешь её? — удивляется Амир.

— Нет, не чувствую, — подросток обижен на то, что никто его не поддерживает и не встаёт на его сторону.

— Я тоже ничего не чувствую, — категорично заявляет жена Амира.

— Я поняла, почему вы не чувствуете, — облегчённо вздыхает Илаф. — Нас мама учила этому, а вас никто не учил. Я имею в виду, чувствовать. Амир, почему ты не научил своего сына и жену прислушиваться к себе, к своим ощущениям и чувствам?

— Да не знаю, — Амир, обеспокоенный поведением своего семейства, не может их оправдать.

Моя душа кружит вокруг стола, по очереди заходя в каждого присутствующего. Мне надо, чтобы они почувствовали моё присутствие рядом и обратились ко мне. Поверили в моё существование, так как внутренняя вера — самое важное и основное. Наконец-то опять воцаряется тишина, такая, что можно

услышать дыхание друг друга, и это продолжается десять минут. Прерывает тишину беспокойный, не верящий ни во что, и даже себе, сын Амира, переглянувшись со своей матерью, так же скептически настроенной.

— Интересно, и сколько нам так сидеть? Я бы лучше погулял или поиграл, — полущёпотом произносит он, и его все слышат.

Амир смотрит на него укоризненно и потом переводит взгляд на свою жену. Он явно недоволен их поведением, но ничего не может сделать. Это же его жена, а сын — его плоть и кровь. То есть часть его есть в сыне, а жена — отражение его скрытых черт. Он и сам сомневается в существовании души и жизни после смерти, однако маленькая часть его сущности всё же верит в высшую силу, так как он многое не может объяснить доводами науки. Почти все из присутствующих заметили эту семейную размолвку, но потом снова погружаются в себя.

— У меня необыкновенное чувство внутри. Кажется, я чувствую присутствие мамы здесь. Даже мурашки по коже, — делится Мила.

— И у меня тоже что-то неестественное внутри происходит, — Илаф поднимает глаза и обводит взглядом всех братьев и сестёр.

Все по очереди делятся своими чувствами и выражают единодушное мнение, что душа их мамы здесь.

— Кажется, вы притягиваете за уши несуществующее чувство, исходя из обстановки и цели встречи. Вы чувствуете то, что хотите, — заявляет жена Амира. Она решает подать голос и встать на сторону своего неверящего сына.

— Как ты можешь так говорить? Ведь Ева наша мама. Она нас вырастила и дала много знаний, навыков и умений, — Амир пытается уговорить жену, поглядывая на сына, давая ему понять, что это относится и к нему.

— Я не спорю, что она вас вырастила. Но то, что вы делаете, выходит за рамки разумного.

— Да, и я думаю так же, — сын Амира, получив поддержку матери, переходит в наступление и отмахивается от отца, довольный, что теперь он не один.

— Мне надоели ваши споры, — не выдерживает Руди. — Если вас что-то не устраивает, вас никто здесь не держит. Можете уходить, и не мешайте нам.

— Да, пожалуй, я пойду.

Сын Амира встаёт и смотрит на мать. Все смотрят на него, потом на его мать, а потом на отца.

— Я не могу пойти с вами, — защищается Амир. — Если хотите, уходите, но я буду на вас злиться.

— Да, мы пойдём.

Жена Амира тоже встаёт и подходит к сыну. Эту семейную сцену без слёз наблюдать невозможно. Многие, прикрыв рот рукой, посмеиваются. Всем известно, что Амир зависим от своей жены и ведётся на все её капризы.

— Если и ты уйдёшь, это будет неправильно и несправедливо по отношению к маме, — Илаф пытается надавить на Амира и взывает к его совести.

— Ничего страшного. Пусть уходит, — кричу я в надежде, что буду услышана.

Амир в сомнении крутит головой то в сторону уходящих жены и сына, то на Илаф и других братьев и сестёр, которые молча наблюдают эту сцену.

— Я всё же пойду. Извините меня. Надеюсь, и мама простит меня, — Амир ещё раз поворачивается к собравшимся и уходит вслед за своим сыном и женой.

Воцаряется тишина. Я, проводив Амира, возвращаюсь к столу.

— Как я хочу, чтобы вы меня хотя бы услышали, — я снова подлетаю к каждому из своих уже взрослых детей.

Внезапно у меня появляется идея, как быть услышанной. Я подлетаю к роялю и просачиваюсь внутрь. Я ударяю по струнам, чтобы музыкой подать знак, но безуспешно. Окружающие ничего не слышат, хотя мне кажется, что мощнейший звук возникает даже при лёгком прикосновении. Внук, с которым я встречалась возле океана в парке, всё время сидевший молча, внезапно начинает мычать мелодию, сначала тихо, но постепенно голос его становился всё громче. Его, ещё чистая, детская душа, улавливает мои посылы и импульсы.

— Что ты мычишь? Что с тобой, дружок? — спрашивает сидящая рядом Мила.

— Это не я, не знаю. Это мой голос повторяет мелодию из головы. Нет! Она звучит из рояля!.. — малыш смущается и умолкает.

— Разве там звучит мелодия? Я ничего не слышу. Кто-нибудь слышит сейчас звучание?

— Дети слышат то, чего не слышат взрослые и видят то, чего не видят взрослые. Дети — это ангелы.

Внук берёт из своего портфеля карандаш и альбом и начинает рисовать, немного смущённый вниманием к себе со стороны взрослых. Я понимаю, что наконец-то есть кто-то, кто меня слышит и чувствует. Мне удалось отправить пучок импульсов, который соединил бьёнстри моей души и души ребёнка воедино. Малыш начинает старательно выводить арабские буквы на альбомном листе. Все смотрят на мальчика с удивлением, потому что он с родителями всегда жил в Австралии и только пару месяцев назад приехал к бабушке погостить, и, естественно, не знал ни арабского языка, ни арабского алфавита. Все мои дети знают несколько языков, в том числе и арабский, но преимущественно общаются на английском. А вот внуки уже далеко не все остались жить на территории бывшей Месопотамии и использовали арабский язык.

— Я с вами и люблю вас.

Руди поднимает листок и кладёт на стол, и все читают корявые буквы ребёнка. Одно то, что мальчик не знает арабских букв, но почему-то пишет их, говорит о моём присутствии.

— О, Боже! — восклицает Илаф. — Мама здесь! Это невероятно. Что бы у неё спросить?

— Спросим, как она себя чувствует? Как вообще ей там живётся?

— А достаточно это просто произнести или надо написать, как и она?

— Сейчас проверим.

Внук продолжает тщательно выводить буквы и слова.

— Ана джамиль! — читает арабские слова Руди. — В переводе с арабского «я прекрасна». Значит, она прекрасно себя чувствует!

— Скажи о цели встречи, зачем мы её вызвали, — тихим голосом говорит Мила.

Руди, чувствуя себя главным инициатором этой затеи, гордо вскидывает голову. Пару раз кашляет и не терпящим возражений тоном произносит:

— Мама, мы здесь собрались с целью узнать побольше об эксперименте, и как мы могли бы помочь или поучаствовать в нём? Поскольку твои сотрудники участвуют в эксперименте и в курсе дел, мы считаем, что тоже имеем полное право участвовать. Всё же мы твои дети.

— Руди, что ты такое говоришь? — изумлённая Илаф встаёт из-за стола. — Просто нам интересно, и мы хотели бы быть полезными, помогать в её деле.

Я облетаю вокруг стола и снова поочередно захожу в каждого. Я хочу пробудить в них чувства и оставить след своей бьёнстри в каждом. К сожалению, некоторые пробуксовывают пока и не дают доступа к своим чувствам. Материальный мир слишком сильно влияет на духовность и чистоту души. Но я верю, что в будущем это поможет им.

— У меня внутри как будто зажёгся свет, и стало тепло, — говорит Мила.

— И я тоже почувствовала тепло и счастье.

— Мне как будто стало легче дышать, — один из сыновей, страдающий астмой, удивлённо держит руку на своей груди.

— Отлично, вы меня почувствовали. Это главное, — я вывожу слова рукой ребёнка. — Теперь я готова рассказать вам о цели эксперимента. Так как эксперимент проходит успешно, я решила ввести вас в курс дела, и вы поможете мне, и поможете будущему развитию человечества.

Наступает тишина. Каждый из присутствующих переваривает информацию. Я молчу, и мой внук принялся рисовать деревья. Опять воцаряется тишина. Лишь слышно, как с легким шорохом вращаются лопасти вентилятора, разгоняя сорокаградусную жару и охлаждая помещение. От их движения мерно, еле слышно, нежно побрякивают и звенят люстры, как будто кто-то

касается струн клавесина. Колышутся шторы. Включены и кондиционер, и вентилятор. За окном стоит невероятная жара. Всё в пространстве наполнено сильной энергетикой и покоем. Лепные узоры на стыке между стенами и потолком и зеркальные орнаменты, выложенные на потолке, украшают и придают величественный вид, как в барочном дворце. Задрав голову, можно увидеть множественное отражение себя в кусочках зеркал. Илаф разглядывает хорошо знакомую комнату и как будто по-новому видит эту красоту и колорит. Внезапно её взгляд приковывает отражение в одном из небольших зеркал. Почти прозрачная человеческая фигура. Дочь сопоставляет увиденное с отражениями в других зеркалах. В них все отражаются многократно, а эта фигура одна. Кажется, это женщина, она стоит спиной к зеркалу, лица не видно.

— Кажется, я вижу маму, или это неизвестный объект находится вместе с нами, — Илаф показывает пальцем место, где видит фигуру. — Мама, если это ты, дай нам знак.

Я поворачиваюсь к зеркалу лицом и вижу своё отражение. Впервые я вижу сама себя и не узнаю. На меня смотрит молодая женщина лет тридцати. Я вспоминаю, что и Патрик предстал передо мной молодым, и родители, и близкие, и все те, кого я знала когда-то, и кого я уже успела повстречать после смерти.

— Да, это я в молодости. Я сейчас такая, здесь все молодые, — малыш перестал рисовать и опять из-под его руки стали появляться строчки арабской вязи.

— Ты уже кого-то видела?

— Да, я виделась с вашим папой и своими родными и близкими.

— А как папа? А как там? Очень страшно?

— У папы всё хорошо, и там не страшно. Такого чувства там вообще нет, там и самих чувств нет. Это свойственно земным людям.

— Ты будешь приходить к нам ещё? Папе привет передай.

— Обязательно передам. Не уверена, что мы сможем повторить наше общение, по крайней мере, в ближайшее время. Я пока ещё всё проверяю, и помогает мне быть с вами и быть увиденной и понятой лишь тот факт, что идёт эксперимент, в

процессе которого я нашла способ передавать свои импульсы, слышимые вами. Другие так не могут. Меня притягивает обратно к вам тело в инкубаторе и адронный коллайдер, настроенный на волну моей души.

— Да, что делать с телом? Ты же не будешь всегда лежать в инкубаторе?

— Его можно похоронить под землёй, под помещением инкубатора. Главное, чтобы оно находилось рядом с коллайдером, и можно было считывать волны. В экспериментальной комнате мои помощники отслеживают мой путь. Но им удаётся обнаруживать меня и ловить мои импульсы, только когда я оказываюсь в трёхмерном пространстве и приближаюсь к Земле и к институту. Я, как только оказываюсь здесь, где наше восприятие одинаково, пытаюсь передать всё, что вижу в своём новом мире, и что со мной происходит. Не всё, что я вам отправляю из отэспаре и других миров, вы способны увидеть и воспринять, тем не менее, эта информация фиксируется и накапливается. Надеюсь, в будущем человечество научится понимать сигналы отэспаре и других миров, найдёт способ заглянуть в более чем трёхмерные вселенные.

— Мама, а как мы можем быть полезными и помогать тебе?

— Основное, что от вас желательно для пользы и помощи эксперименту, это думать обо мне хотя бы один раз в день, пока не умрёте сами. Тогда я буду ловить ваши импульсы и притягиваться сюда. Мне очень тяжело вырваться из других миров. Как я уже говорила, у меня нет ни чувств, ни мыслей, ни памяти. Как только я перехожу в отэспаре, я там теряюсь среди звёзд и других душ и даже не помню, что я когда-то жила земной жизнью. Там настолько хорошо и комфортно, что больше ничего не надо. Нет целей, стремлений, желаний, мечтаний. Там есть всё, что нужно. Я летаю в невесомости, в гравитации, и этот полёт такой захватывающий и засасывающий! Я легко перемещаюсь из одной зоны отэспаре в другую, из одной сферы в другую, из одной структуры, материи в другие, но все эти пространства далеки от земного мира. Сюда же меня притягивает только эксперимент и ваши мысли.

— Каким образом?

— Мне сложно это объяснить. Это законы физики и квантовой гравитации. Мою душу, вернее, форму и структуру моей души удалось сохранить и, если можно так выразиться, закодировать, когда я умирала, благодаря адронному коллайдеру. И теперь моя душа носит условный код Eva1.

— А какой в этом смысл?

— Смысл такой, что...

Внезапно рука ребёнка, которая только что быстро выводила буквы и слова, роняет карандаш и повисает. Мой внук, не выдержав напряжения, засыпает, оставив незаконченную фразу. Его мать берёт мальчика на руки и относит на диван.

— Бедняжка, он устал. Видели, как он писал последние слова? Это была неземная скорость, — комментирует Илаф.

— Да, пусть отдохнёт, а потом продолжим, — мать вытирает пот со лба сына и целует его.

— Боюсь, что мама не будет ждать. Смотрите, она уже исчезла из отражения в зеркале.

Я, воспользовавшись заминкой, тоже утомлённая, лечу в институт, к своему телу.

— Она так и не договорила, какой в этом смысл, — Мила, расстроенная внезапным обрывом контакта, еле сдерживает слёзы.

— Мы сами можем догадаться, какой смысл. И кажется, она говорила об этом раньше, — подаёт голос всё время молчавший на том конце сети Даниель.

— И какой же?

— Ну, во-первых, люди перестанут жить в страхе смерти. Это же экзистенциальная данность, бессознательно переживаемая человеком. Если мы будем знать, что после смерти нет ничего страшного, то жизнь наша станет более плодотворной и насыщенной, без страха.

— В смерти пугает неопределённость! Как будто теперь её нет, — Руди вступает в спор. — В существовании мамы и сейчас есть неопределённость. Она же не сказала, что у неё там есть дом, семья, работа. Ведь именно это делает нашу жизнь осмысленной.

— Нет, Руди! Я не согласна с тобой, — Илаф, которая всегда была против мнения Руди, и в этот раз не упускает возможность поспорить с ней. — Дом, семья, работа — это элементы системы, в которую нас погружают государственные законы. Так лучше контролировать человека и управлять им. Это ничто иное, как зависимость. Противоположное качество неопределённости, свойственное свободе. Свободному духу.

— Ты всегда была не от мира сего. Ты же свободный художник. Все живут в системе. Это удобно и спокойно.

— Нет, вы обманываете себя. Нет спокойствия в системе, потому что вас сопровождает страх всё потерять.

— Ладно, девочки, не надо спорить, — останавливает их Даниель, — мы пообщались с мамой, которая умерла несколько месяцев назад. Это дорогого стоит.

Родственники расходятся кто куда. Кто-то решает возвратиться домой, поэтому заходит в гостевую комнату, чтобы собрать вещи в дорогу, кто-то идёт прогуляться по парку и к реке. Руди же никак не унимается и продолжает спорить с Илаф. Они идут в парк и по пути разговаривают.

— Испокон веков были правила и законы, по которым жили люди, и это было удобно и так необходимо для выживания. Например, если бы не школа и работа, где бы находился человек, и как мог бы себя реализовать, или получить знания и навыки?

— Ну хорошо, допустим, школа необходима. Хотя ребёнка можно самостоятельно обучать дома.

— Да никто не будет самостоятельно дома учиться и работать.

— Для этого необходимы нужный уровень самодисциплины и ответственности. Многие уже осознали прелесть этих качеств и самостоятельно строят свою жизнь.

— Но большинство всё же зависит от внешнего контроля и дисциплины.

— Причина в недостаточном уровне самосознания. Вот у родителей был высокий уровень ответственности. Они самостоятельно вели научную работу.

— Но перед этим они долгое время были зависимы от системы.

— Да, но всё же потом ушли от неё. И своим примером показали, что лучше жить самостоятельно, неся ответственность за свою жизнь, наполненно и с фантазией. У большинства людей отсутствует фантазия, и даже если она есть, отсутствует смелость воплотить в жизнь свои желания, непохожие на другие, общепринятые. Создать что-то новое, вынашивать эту идею, а потом воплотить её, это очень трудно.

— А зачем что-то придумывать, когда уже давно всё придумано и сделано? Можно просто жить и радоваться жизни.

— Безусловно, пользоваться идеями других людей очень удобно. Но эти идеи не всегда верны и правильны. Можно сильно ошибиться. Даже не в этом дело. Если тупо следовать законам и предписаниям, спущенным свыше, не осознавая их, рано или поздно бессознательное вынесет в другом направлении, совершенно неожиданном и ошибочном. Потому что эти правила и законы не осознанны, а навязаны обществом. Когда человек сам приходит к выводу, что следовать законам лучше и правильнее, тогда это уже осознанное решение. Вот, например, существуют духовные лидеры, как в христианстве, так и в других религиях, исламе, буддизме, даосизме. В них правила и законы примерно одинаковы, правда, с учётом менталитета страны. Но ведь не все люди соблюдают эти правила. Они могут делать вид, что соблюдают законы, обманывая себя, Бога и окружающих, и не осознавать это.

— А причём здесь духовность? Мы говорим про государственную систему и правила. Работа, школа, банки и так далее.

— Всё взаимосвязано. Если эти правила воспринимаются через душу и сердце, тогда они будут осознанны. Поэтому и нужна религия, преклонение перед высшими силами. А чиновники, представляющие государство, — те же самые люди. И они могут ошибаться.

— Я не разделяю сознание и бессознательное. По мне, вообще всё, что неосознанно, не существует. Главное — сознание.

— К сожалению, это не так. Бессознательное скрыто от человека и управляет им тайно. Часто человек не может понять, почему поступил так или иначе. Часто ошибается, так как не может

определить, что важнее, ум или сердце. Он в сомнениях. Ум, логика говорят одно, а сердце — другое. И это разделить очень сложно.

— Ой, я побегу искупаюсь. Я что-то утомилась от твоих нравоучений. Всё равно мне это непонятно, и я с тобой не согласна, — говорит Руди.

— Хорошо, а я прогуляюсь по парку, — улыбается Илаф.

Руди и Илаф расходятся в разные стороны. Илаф наслаждается свежестью травы и другой зелени, вдыхает ароматы леса и цветов.

Я навещаю лабораторию, распоряжаюсь о захоронении своего тела с тем условием, что если я не появлюсь в ближайшие полгода, тело необходимо будет вновь поднять, чтобы оно было магнитом для души. Открываю доступ для посещения лаборатории своим родственникам, всё же ограничив их в некоторых вопросах.

Глава 7

Вязкость

Я лечу сквозь просторы вселенной. Попадаю в очень вязкую среду отэспаре и медленно в ней перемещаюсь. Сколько времени уже прошло, я не знаю. Я просто плыву, то медленно, отдавшись потоку, то мгновенно оказываюсь на новой глубине. Меня обволакивает мягкая и тёплая жижа. Она просачивается сквозь меня, или я сквозь неё. Рядом со мной проплывают другие души. Много душ. Раньше я их не замечала. Сейчас, более пристально вглядываясь в окружающую среду, я различаю очертания и даже слышу их. Они не произносят слова голосом, просто информация, вопросы и ответы внедряются в мою сущность.

— Ты откуда? Куда тебя направили? Давно ты умерла? Как тебя звали при жизни? Кто у тебя здесь? Ты их уже видела?

Целый рой разных тональностей проносится в моей сущности. Я оглядываюсь в растерянности и отправляю обратно импульс ответов.

— Меня звали Евой в моей последней жизни. Куда направили, не знаю. Я просто плыву по течению, куда меня тянет. Сейчас я навещала своих близких на Земле и свою работу...

Однородная масса защитного цвета повсюду, и нет ей конца и края. Вязкая субстанция.

— Где я сейчас нахожусь? — спрашиваю я. — Я помню, что уже была здесь, только в первый раз не замечала ничего вокруг. Это было, как только я умерла.

Повисает тишина. Голоса умолкают. Я тщательно прислушиваюсь, но бесполезно. Очертания безмолвно перемещаются в вязком поле. Наконец я слышу более отчётливый и однородный голос, без примесей разных тональностей.

— Сейчас ты в элементарной эссенции, в вязкости. В этой области отэспаре ты можешь увидеть всю свою последнюю жизнь от начала до конца, отсюда ты можешь вернуться к живым в духовном облике и наблюдать за ними, ничего не меняя в ходе земных событий. Ты можешь вернуться в прошлое, к началу своего жизненного пути, ты можешь вернуться в самое начало зарождения жизни на Земле и во времена присутствия твоей души в других телесных оболочках, ты можешь увидеть Большой взрыв, когда образовалась эта видимая вселенная. И помимо этого, здесь ты можешь увидеть свои будущие жизни. Дальше ты сможешь наблюдать много вероятных концов развития своей жизни и вселенной. Так до бесконечности. Отсюда тебя могут пустить в Рай или отправить в Ад.

— Значит, я могу увидеть свои ошибки со стороны, вернувшись в прошлые жизни. И любопытно узнать будущее.

— Да, для этого и создана эта область отэспаре. Чтобы была возможность исправиться.

— Но ведь стоит оказаться в новом земном теле, всё забывается.

— Если не развиваться духовно, да, забывается. А если постоянно искать, находиться в духовном поиске, осознавать себя, кто и зачем пришёл в этот мир, то большая вероятность, что душа будет всё помнить.

— Ад и рай действительно существуют?

— Не так, как вы это понимаете. Рай. Сады Эдема, прекрасные юноши и девушки. Это всё из вашего воображения, вы приносите эти образы с собой, не в силах оторваться от земной жизни, и сами воссоздаёте их здесь, в отэспаре. Ад тоже есть, и это самый адский ад, но и он лишь плод вашего воображения, результат вашего восприятия в вашей системе ценностей. Но это не материальный мир, поэтому здесь всё воображаемое более чем реально. И эта система настолько сильна в отэспаре, настолько всё тонко, глубоко и пристально, что предстаёт перед каждым в самых гротескных формах.

— Разве кто-нибудь идёт в ад по своему желанию?

— Да. У кого там больше близких связей, и кого туда тянет, несмотря на то, что распределили в рай.

— Тогда я пока в рай слетаю.

— Если у тебя есть возможность выбирать.

— А откуда вы всё это знаете? Вы же такие же, как и я.

— Большинство да, такие же. Это те, кто задавал тебе вопросы в самом начале. Но мы другие. Мы к тебе прикреплены и сопровождаем. Мы ангелы твои на Земле и на небе.

— Ангелы? Надо же... Вот мы и встретились. Я всегда чувствовала ваше присутствие на Земле. Спасибо вам. Мне и показалось, что у вас другие голоса и тембр, и звучите вы по-другому, не как остальные.

— Мы получили информацию, что у тебя есть возможность выбирать, — слышу я после паузы. — Тебя ждут в раю, но, по желанию, ты можешь спуститься в ад. Ты же экспериментатор...

— Да, мне это тоже нужно знать, но попозже.

— Как же ты придумала сохранить и закодировать душу и постоянно возвращаться? Это хлопотно и затратно, и долго, — вряд ли ты выдержишь это.

— Со временем я определюсь, как лучше сделать. Для меня по-прежнему важен эксперимент и будущее человечества.

— Это для многих важно, но никто не додумался сохранить, скопировать мельчайшие частички бьёнстри души и прикрепиться к ней с помощью адронного коллайдера.

— Это мы с Патриком придумали. Он же умный и сообразительный. А у меня богатая фантазия.

Впереди появляется яркий свет, и кажется, что наконец-то закончится вязкость и тягучесть. Я устремляюсь вперёд, но не могу ускорить передвижение. Я то теку вперёд вместе с субстанцией, то меня относит назад или уводит в сторону. Пока не было ориентира впереди в виде яркого света, эта хаотичность направлений не замечалась, а теперь кажется, что я не сдвигаюсь с одной точки. И свет всё так же далёк и недоступен. Вместе со мной безмолвно передвигаются другие размазанные бьёнстри, очертания-тени. Как я уже поняла, это души. Я не решаюсь заговорить, и ангелы куда-то исчезают или просто становятся невидимыми. Наконец мне надоедает всматриваться вдаль в

ожидании приближения света, я отпускаю всё и расслабляюсь в потоке. Я закрываю глаза и отключаюсь полностью. Передо мной плывут воспоминания моей земной жизни. Я раньше думала, что в невесомости души нет ни памяти, ни мыслей, ни чувств. Но постепенно я научилась отличать мысли, чувства и воспоминания. Они текут по-другому, не как при жизни на Земле. Я могу их воссоздать духовными усилиями. Но всё равно мне пока не подвластен этот новый мир, в котором я оказалась. Главное, я совершенно спокойна. Удивительный парадокс. Чем больше человек боится смерти при жизни, тем больше грехов он совершает, и тем хуже его положение после смерти. А когда человек не боится смерти, осознаёт её как нечто естественное, он более спокоен при жизни, меньше импульсивных поступков и грехов от них. Этот бессознательный страх смерти рождает все остальные эмоции и действия.

— Ты только посмотри на это! — изумляется Марина, следящая за передвижением души Евы. — Она вступает в контакт с ангелами и отправляет нам импульсы. Поразительно. Превосходно.

Мила недавно покинула лабораторию, и Джон с Мариной могут приступить к работе без посторонних глаз. Мила не совсем посторонняя, но далека от науки. А объяснять всё нет ни времени, ни желания, да и бесполезно. Человеку незнающему не понять. Импульсы отлично считываются, — Джону наконец-то удалось создать дешифратор, который преобразует информацию вне зависимости от источника и силы сигнала. Весь поток движения Евы фиксируется программой, и Марина с Джоном наблюдают доселе неизведанное и непознанное человечеством. Жизнь души после смерти! Это грандиозный прорыв в науке, и есть доказательства! По условиям договора с Евой и Патриком данная информация не должна оглашаться до 3000 года. Когда исследователи умрут или при жизни не смогут продолжать наблюдать за душой, система слежения автоматически будет собирать и архивировать информацию.

— Значит, рай и ад существуют! — продолжает изумляться Марина. — И это не сказки и религиозные предания. Это всё существует на самом деле. Кто бы мог подумать!

— Это ты неверующая, и это тебе сложно принять такое. Для людей, верующих в Высшую силу, всё это естественно.

— Ты сам-то веришь? Раньше верил? В существование Бога, души, жизни после смерти?

— Не то, чтобы верил. Мне сложно ответить на этот вопрос. Каким-то краем сознания я всегда верил в высшую силу, но это не было доказано. И думаю, много людей, даже верующих, до конца не осознают, что после смерти будет дальнейшая жизнь.

— Сейчас она замолчала. Нет импульсов. Что бы это значило?

— Сложно сказать.

— Так-так, постой. Всё же есть слабый импульс. Она передвигается, но очень медленно. И в контакт уже ни с кем не вступает.

— В итоге мы можем сказать, что реальность происшедшего защищена именно его неизменностью. Прошедшее — самый надёжный вид бытия. Становясь прошедшим, наши возможности уже никогда не исчезнут бесследно, только нереализованные возможности уходят навсегда.

— Упущенная возможность всегда может снова вернуться, а вот опрометчивый шаг не исправить. Немного не в тему, но так пришло на ум.

Марина вглядывается в экран. Джон ищет сигналы импульсов от вселенной. На экране темно, раньше на нём мерцали красные точки и плясали на экране, потом перешли в жёлтую звезду во вселенной, перемещающуюся то медленно, то резко и быстро, сейчас же всё потухло, и дешифратор молчит.

— Кажется, она экспериментирует с возможными вероятностями развития. В определённых условиях именно в отэспаре разлетающиеся частицы бьёнстри микромира как бы чувствуют траекторию движения друг друга, а это, при условии ограниченности скорости взаимодействия частиц бьёнстри, можно трактовать как влияние будущего положения одной частицы на нынешнее состояние другой бьёнстри, что равно влиянию на прошлое.

— Настоящее по отношению к будущему является прошлым... Нет, всё, тишина. Пожалуй, я пойду домой, — говорит Марина. — Устала, и на сегодня хватит. И так уже десять часов вечера. Завтра предстоит тяжёлый день. Пока.

Марина покидает институт. Инкубатор с телом Евы будут опускать завтра. Утром рабочие выроют яму под институтом и захоронят. Придут попрощаться близкие.

Неизвестно, сколько времени проходит. Я всё плыву в неведомом вязком потоке. Свет то приближается, то отдаляется. Хорошо, что он хотя бы стал виден. Я отрываюсь от потока воспоминаний своих прожитых жизней и вглядываюсь в свет. Может, если я буду пристально смотреть в него, он быстрее приблизится? Хотя куда я тороплюсь? Теперь торопиться некуда. Патрика увидеть? Он никуда не денется. Это желание из земной жизни. Мы всегда стремимся быть рядом со своими близкими, как будто это даёт чувство безопасности. Но мне уже нечего бояться. Близкие по ту и другую стороны — лишь некое подобие определённости. Я одна во вселенной, как одинокая звезда. И с высоты смотрю на всё происходящее. Всё же что-то тянет. Может, это жидкость, тягучая и вязкая? У меня нет потребности в еде, во сне. Время протекает сквозь меня огромным хаосом жизней, обликов, слов, чувств, слёз, смеха. Всё мелькает настолько быстро, что в итоге превращается в точку и пустоту. Это ничто, которое всегда пугает. Но здесь оно не пугает вовсе. Рядом плывут такие же бьёнстри, формы и структуры, тени и очертания. Я пытаюсь заговорить и отправляю сигнал. Мне никто не отвечает, то есть обратного импульса я не получаю. Внезапно я слышу что-то наподобие рыданий и плача. Я оглядываюсь и ничего не вижу, кроме монотонно плывущих теней. Я посылаю импульс.

— Кто плачет? Я хочу помочь.

Какое-то время тишина. Но сразу мне никто не отвечает. Время относительно и нелинейно. В разных пространствах, вселенных, субстанциях, материях время неодинаково. Я привыкаю, забываю и наконец слышу.

— Это я плачу о своих детях, которых оставила на Земле, о своём муже. Я скучаю по ним, — слышно слабое эхо.

— Где ты? Я хочу быть рядом с тобой.

— Я не знаю, где я. Где-то в вязкой массе. Кругом много таких же, как и я, и они тоже плачут, стонут.

— Я поймала только твой импульс.

Я вслушиваюсь в пространство. Долго плывёт тишина, и кроме всхлипываний больше ничего нет. Всхлипывания образуют волны, как рябь на реке, и немного укачивает. Как я не помню, что уже проходила этот путь, в первый раз, когда двигалась к Патрику, так и другие не осознают и не понимают пока, что с ними происходит. Они умерли, и неважно, как проходил процесс умирания, они всё равно не понимают. Только единственный импульс доходит до меня. Внезапно я соображаю, что и эти плачущие, разбросанные по всей вселенной в вязком отэспаре, уже несколько раз проходят этот путь и никак не могут уйти от земного тела и материального мира. Они не по своей воле неоднократно возвращаются и поэтому стонут после каждого посещения.

— Скажи, ты ведь не в первый раз проделываешь этот путь? Ты возвращалась на Землю?

— Да, кажется, не в первый. По-моему, я уже была здесь, сколько раз, не знаю. Мне сказали, что моё тело не похоронили. Я утонула и пропала без вести, и никто не знает, где моё тело.

— Да, это плохо. Всё же, скорее всего, найдут, и ты успокоишься с миром.

— Дай Бог!

— А действительно, если тело неправильно захоронено или его не похоронили, то душа возвращается снова и снова?

— Да, кажется, это так.

— Хорошо, что я сказала похоронить меня в земле.

— Да, тело должно быть похоронено в земле.

— Удивительно, что если утонула, то это неправильно. Ведь даже существует обычай хоронить прах в море или развеять по воздуху.

— Нет, сжигать ни в коем случае нельзя! Тогда душа вообще рискует никогда больше не попасть на землю в другом теле, и будет блуждать по вселенной в отэспаре.

— Значит, есть разница, в море похоронить или в земле? Как интересно! Я обязательно передам эту информацию.

— Как это, — передашь? Не поняла.

— Передам, — я понимаю, что проговорила, я не должна была разглашать информацию о своём эксперименте. Я могу внести хаос в естественный порядок вещей, попади она к непорядочным людям и душам. — Это я так сказала. Может, получится, а может, и нет.

Я замолкаю. Может, стоит помочь этой женщине и передать, где находится её тело, чтобы избавить её от мучений?

— Да, было бы хорошо, если ты сможешь мне помочь.

— Я ведь ничего не говорила.

— Ты подумала, а я поймала твой импульс в своей душе. Помоги мне, пожалуйста.

— И мне помоги!

— И мне помоги!

Рой голосов и импульсов просто атакует меня. Я не знаю, куда теперь деваться. Где же мои ангелы-хранители?

— Мы здесь, — слышу я знакомый импульс. Сейчас мы освободим тебя от навязчивых просителей. Они сами виноваты в своих грехах, а теперь уже поздно плакать и стенать. Их предупреждали при жизни, что нельзя грешить, а они не слушались. Скоро ты перейдёшь из этой вязкой среды и попадёшь в свет отэспаре.

— Ой, как я рада, что вы пришли! А они не слышат наш разговор?

— Нет, мы нейтрализуем пространство отэспаре, когда вступаем в контакт с душой человека по его просьбе и желанию.

— А я могу помочь хотя бы этой женщине, которая утонула?

— Нет, ты не можешь помочь. Это можем сделать мы: шепнуть на ушко тем, кто ищет её тело, где оно находится. Но ты рискуешь на это время остаться без нашей поддержки. Ты согласна?

— А что может произойти?

— Ну, мало ли с кем ты ещё вступишь в контакт, с какой душой. Есть много подлых душонок, совершавших при жизни гадости и не оставивших эту практику и после смерти, пока плывут в ад.

— А если я ни с кем не буду вступать в контакт?

— С тобой могут заговорить и закидать тебя импульсами. Те, кто тебя слышал, уже забыли о твоём существовании, и эта женщина тоже уже забыла. Ты гарантируешь, что не будешь испускать импульсы и открывать себя другим душам?

— Да, я постараюсь.

— Можешь отдаться воспоминаниям. Здесь так многие делают. Тогда никто к ним не лезет. Просто плыть в своей жизни и не обращать внимания ни на что и ни на кого?

— Я уже так делала.

— Да, это у тебя хорошо получилось. Тогда договорились. Мы пока отлучимся.

Ангелы замолкают и исчезают. Я опять погружаюсь в поток своих воспоминаний и мыслей и не замечаю окружающего мира. Свет по-прежнему то ближе, то дальше, но не исчезает совсем. Остальные души также плывут безмолвно, как во сне, размазанные, размытые по пространству. Может, они и есть во сне. Ведь говорят, что сон и смерть — схожие понятия, и что сон — это маленькая смерть. Разница лишь в том, что во сне организм функционирует, а после смерти нет. Но душа, какой была во сне, такой осталась и после смерти и не изменилась. Что же такое душа? Определённая форма и структура скопления микрочастиц бьёнстри. Причём форма и структура рассматриваются как характеристики сугубо нематериальные. Речь идёт о характеристике, включающей в себя соотношение частей и целого, соотношение частей целого друг с другом и другие взаимосвязи внутри системы. Сейчас, освободившись от земного тела, мне сложно определить и объяснить понятно. Я просто транслирую свои передвижения в программу, а будущие поколения разберутся сами. Уж я-то уверена в этом. Если в моё время наука достигла таких высот, то что можно ожидать через двести, пятьсот,

тысячу лет! Ах да, опять забыла. Здесь нет времени, вернее, здесь всё и есть время — протяжённость, которую я вижу со стороны. И вот, перед моим взором тысячелетие. И я вижу конец вселенной, но как это передать? Если человечество узнает о своём конце, ему от этого не станет лучше или хуже. Я просмотрела все варианты развития, — конец один. Главное, я поняла и осознала принцип неопределённости, вероятностный характер и ничто, что присуще смерти.

— Смотри, Джон. Ева вступила в контакт с другой душой и пытается ей помочь.

Марина сидит у монитора и ловит импульсы. Они поступают очень редко и растянуты. Приходится часами ждать, когда сложится слово и сутками, когда сформируется предложение. Инкубатор с телом Евы захоронили, как и планировали.

— Мы боялись, что после захоронения тела импульсы станут слабее. Они стали более тягучие и длинные, — констатирует Джон.

— Вероятно, так и надо. Эксперимент продолжается. Пусть медленно, но он идёт, и мы фиксируем импульсы бьенстри души Евы.

— Я сейчас работаю над программой, чтобы заложить её для будущего в капсуле времени под железобетон с надписью «Открыть не раньше 3000 года».

— Всё же мне кажется, что не надо так долго.

— Так сказала Ева. Это её пожелание. И Патрик придерживался этого же срока. Учитывая гравитацию и преломление времени, это нормальный срок для эксперимента.

— Насколько мне известно, программа уже создана.

— Я вношу коррективы. Она должна быть в безопасном месте и ничто: ни землетрясение, ни потоп, — ничто не должно повлиять на её работу. Через спутники, которые установлены на Луне и Марсе, программа ловит импульсы души Евы. Прикрепить навигацию к адронному коллайдеру была идея Патрика. Но он не предусмотрел время, и поэтому его душу не удалось сохранить, скопировать форму и структуру и закодировать.

— Да, с Евой всё прошло гладко. Я опасалась, что захоронение тела сможет повлиять на передачу импульсов, но они ловятся. Медленно, но приходят.

— Возможно, она до сих пор пребывает в эфемерном, тягучем, вязком состоянии отэспаре. Или во сне. Как, помнишь, на днях ангелы вызвались ей помочь и запретили посылать импульсы, притягивающие другие души, чтобы не повлиять на ход событий.

— Я считаю, какая разница? Всё равно, даже через тысячу лет, когда люди научатся обращаться с душой, всё встанет под контроль.

— Через тысячу лет будет другой разговор. Тогда и люди станут другие. Либо более развитые, либо деградируют.

— О, нет. Только не деградация. Я верю в успех человечества. Какой смысл тогда в этом эксперименте, если люди деградируют?

— Непременно какой-то смысл есть. Ева не просто так занялась этим. И ангелы её охраняли и наблюдали за ней. Если бы это было неудобно высшим силам, они бы никогда не допустили этот эксперимент.

— Если верить в существование высших сил и ангелов, тогда да.

— Удивительно, что ты ещё не веришь в это. После всего, что ты узнала. Или ты не веришь своим глазам, ушам, себе?

— Верю, но пока не могу осмыслить всё это. Больше верю, чем нет.

— Когда вера станет устойчивой и крепкой, тогда не будет места сомнениям и тревогам. Оставь что-то для работы ангелам. Ты же своим контролем над всем лишаешь их работы и творчества.

— Ладно, ладно, я стараюсь. Но мне нужны доказательства, измеримые... О, пошёл сигнал от Евы, — Марина прибодрилась и сконцентрировалась. — Трансляция её действий.

Я плыву в мягкой тёплой глине отэспаре. Свет уже близко. Это перемещение, или скачок, произошло совершенно не заметно. Пока я задумалась и углубилась в воспоминания. Свет настолько близко, что, кажется, протяну руку и достану до него. Очень удивительное зрелище. Как будто краской нарисовано. Присмотревшись, я вижу, что свет не однородный, в нём есть разноцветные

блики. Размытые полосы акварели, когда капашешь белой краской в красную, она расходится кругами, и цвет становится неодинаковым, в зависимости от концентрации красного и белого в конкретном месте. Я люблю естественной красотой природы. Божественно. В какой-то момент вернулись звуки, и я снова слышу плач и стоны. До этого было тихо.

— Твоё задание выполнено, — слышу я сквозь пелену других голосов необыкновенный низкий чёткий голос. — Тело найдено, и скоро душа успокоится.

— О, спасибо! Вы вернулись, — я обрадовалась ангелам. — Была глухая тишина, а недавно возникли звуки, и я услышала ваш голос.

— Это всё в твоей душе. В твоём восприятии.

— В смысле?

— Ты можешь сама себя настроить на тишину и на звуки. Ты нас услышала, потому что была готова к этому и открылась. Всё так же, как и на Земле, только более тонко и чувственно. Здесь ты не отвлекаешься на мирское, на логику и здравый смысл, как вы, люди, любите выражаться.

— На Земле многие вещи невозможны. Сложно уйти от материального мира и социума, когда сам являешься частью всего этого. Кажется, мы с Патриком по максимуму, насколько могли, ушли и отделились.

— Да, вы старались, мы это видели, поэтому помогали вам. Большинство не старается уйти от материального, и даже наоборот, погружается в него, как будто вещи могут дать определённую и устойчивость в будущем. Это временная иллюзия и самообман. Ничто не будет якорить человека в земном мире. Он в любом случае умрёт, а материальное останется. Какое-то время о человеке, оставившем что-то материальное, вспоминают, но всё материальное не вечно, оно разрушается со временем. Любой материал разрушается. А вот духовное наследие, творчество и наука переходят в века и тысячелетия.

— Какой у тебя красивый голос! Кажется, я могу часами слушать тебя. И ты говоришь правильные вещи, что соответствует моему мировоззрению и чувствам.

— Спасибо. Мне приятно иметь с тобой дело, и я рад, что сопровождаю тебя.

— Когда же я достигну света? Кажется, я уже вечность нахожусь в плавающем амёбном состоянии. То вязкость, то цветовая радуга.

— А ты уже готова?

— Не понимаю, как я должна быть готова? И почему со мной не происходило этого в первый раз?

— У нас все в курсе, что вы проводите эксперимент. До тебя были деятели, которые пытались провести подобное и научно доказать существование души, но Всевышний не разрешал. И у них срывался опыт. Даже Патрик не удостоился этой чести. А вот ты достойна и соответствуешь всем требованиям. В первый раз твоё тело не было захоронено, и если бы ты его не захоронила, то возвращалась бы постоянно. Поэтому ты увиделась с умершими родственниками, получила советы и вернулась, чтобы передать эту информацию. Когда ты вступишь в свет, ты больше не сможешь вернуться в этом виде на Землю. Потому что ты перейдёшь в отэспаре в ближайшей вселенной. Поэтому должна быть готова.

— Раз программа работает, и информация поступает и считывается дешифратором, тогда я могу больше не возвращаться, я ведь проверяла, как идёт эксперимент. Там всё в порядке. Всё идёт по плану.

— Да, эксперимент, запущенный тобой идёт отлично, можешь не переживать.

— Тогда я готова к переходу в отэспаре в другой вселенной. И ещё я слышала, что вы сказали, якобы я не смогу вернуться на Землю в прежнем виде. А в каком смогу?

— В другом теле сможешь. Только память обо всём сотрётся, чтобы ты могла прожить всё заново.

— А это и на самом деле существует, — переселение душ?

— Ну, не для всех, но существует.

Я погружаюсь в тишину на некоторое время. Свет пока недосягаем.

— Если моя душа переселится в другое тело на Земле, код моей души останется и будет считываться? Форма и структура останется неизменной?

— Этого мы не знаем. Это твой эксперимент.

— Мне кажется, что да.

Внезапный толчок, прохлада и ощущение, что меня растягивает и плющит, отвлекает меня уже окончательно от всего вязкого и тягучего. Я оказываюсь в новом отэспаре, в лёгком, почти невесомом состоянии и ощущаю свободу после вязкой среды. Отовсюду льётся яркий свет, как засвеченная плёнка, и тени-души уже слились в свете, и совершенно незаметны. Лишь слабые признаки выдают присутствие других бьёнстри, это небольшая рябь, вроде миража. Если не вглядываться, то и не видно поначалу. Как дождь, только ещё слабее. Неподготовленному человеку дождь тоже сперва сложно разглядеть, а когда его постоянно наблюдаешь, потом уже легко. Я оглядываюсь назад и не вижу тёмного места, где находилась до этого. Оно исчезло, осталось за пределами ещё одного нового мира, отэспаре, в котором я оказалась.

— Джон, это потрясающе! — Марина заканчивает читать отчёт дешифратора. — Она переместилась в новое отэспаре. Теперь она ступила в свет.

— Ой, да! Это божественно. Если так суждено путешествовать каждому,.. — Джон почёсывает затылок и разминает кости от долгого сидения в одной напряжённой позе. — Это было бы прекрасно.

— Вот и ты сомневаешься! Я не слышу уверенности в твоём голосе. И тебя пугает неопределённость. Хотя всё уже почти явно доказано. Ты же не будешь не верить своим глазам и ушам?

— Да уж! То я тебя уговариваю, то ты меня. Иногда приходят сомнения. Видимо, я не выспался сегодня. Хотя, ты права. Что как будто не верю себе. Это же моя программа. Сам делал. Да, я устал.

— Пора бы отдохнуть. Я, пожалуй, пойду и хорошенько высплусь. И тебе тоже советую.

— Ты права. Давай отдохнём. А летаю-ка я с семьёй на Гавайи.

— О, отлично. Желаю хорошего отдыха!

— Счастливо! До встречи!

Глава 8

Свет

Свет нескончаемым потоком льётся и наполняет всё вокруг. После вязкости и теплой радуги это отэспаре просачивается и освежает, как прохладный сок в жару. Я плыву и кувыркаюсь с невероятной лёгкостью и свободой. Я пушинка. Я ветер. Я дождь. Я воздух. Я свет. О, да. Я свет! Луч! Нур! Ана нур! Ана нур! Ана нур! Ана нур! Ана нур! Ана нур! Пятна света зелёного, голубого, оранжевого, красного, жёлтого цветов вперемешку разбросаны в пространстве замысловатыми фигурами и неровными линиями, прерываясь в некоторых местах, где господствует яркий белый. Как будто выстрелили красками, и они расплескались, но не монохромными пятнами, а перемешались брызгами, как бессистемная мозаика, в запрещённом порядке, пронизав разноцветными лучами всё пространство вокруг. Кажется, здесь нет порядка и нет системы в человеческом, антропном понимании, но это и есть суперсимметрия на самом деле. Кажется, что хаос, но это только видимость. У этого хаоса есть свой порядок, неподвластный человеческому разуму. Люди только догадываются о существовании запрещённого порядка, но доказать это до сих пор не могут. В трёхмерном мире его нельзя увидеть. А я, на духовном уровне в отэспаре, вижу эту красоту, я нахожусь в ней, она обволакивает, растягивает в разные стороны, в зависимости от цвета. Я перекачиваюсь в этом порядке, как на волнах спокойного океана. Перед входом в каждый цвет некоторое время дрейфую, потом просачиваюсь. И так постепенно передвигаюсь. Парю безмятежно и умиротворённо лишь в белом свете. Это меня чрезвычайно забавляет и радует. Я балуюсь, как ребёнок. Уже не замечаю другие души, и только редкие толчки других

бьёнстри напоминают, что я не одна. Иногда мы сталкиваемся. От этих толчков и образуется многоцветие, это выбросы энергии от столкновений преломляют белый свет.

— Эй, ангелы!!! — зову я. — Эй-е-ей!

В ответ тишина. И я снова кричу, что есть мочи. Естественно, никаких звуков я не издаю, как во сне, когда пытаешься кричать или бежать и ничего не можешь сделать.

— Не напрягайся так. Мы всегда рядом с тобой.

— Что же вы молчите? Вдруг я в опасности и поэтому зову вас.

— Мы видим, что ты в безопасности и не вмешиваемся. Мы понимаем, что ты просто так кричишь, проверяя, рядом мы или нет. С нами эти трюки не проходят.

— У меня есть вопрос.

— Спрашивай.

— Что будет дальше? Я вышла из вязкой сферы и сейчас как будто в эйфории нахожусь. А что потом?

— Не волнуйся, всему своё время.

— А какое время? Здесь же оно другое.

— Правильно. Это мы так, абстрактно выражаемся, не буквально. Терпение...

Я перекаत्याюсь с очередного цвета в новый, подсказываю и лечу, плыву, парю.

— Как здесь хорошо, и даже не хочется пока никаких перемен.

— Ну вот, ты сама ответила на свой вопрос. Когда ты будешь готова перейти на следующий уровень своего духовного развития, тогда и переместишься в новое отэспаре. Может быть, ты захочешь вернуться в вязкость. У тебя есть такая возможность и право выбора.

— Типа, хорошие девочки попадают в рай, а плохие, куда захотят?

— Примерно так.

Опять наступает тишина. Меня заносит в сиреневый цвет, который граничит с розовым, и моя душа плывёт. Я в какой-то мягкой, то тёплой, то прохладной среде. Кажется, я даже чувствую запах карамели и ванили, но это невозможно, это самообман,

иллюзия. Удивительно необычно не чувствовать голод и не испытывать потребности ходить по нужде, спать, разговаривать. Свободы ещё больше. Вот я перемещаюсь в синий цвет, потом опять возвращаюсь в красный, оранжевый и снова в белый. Как я люблю белый цвет!

Здесь больше места, чем в вязкости. Многие души, даже не увидев этот свет, понеслись в ад. Уже произошёл отсев и разделение, кто в ад, а кто в рай. Вязкость была как станция ожидания, переполненная душами, оттого и тягучая, тёплая, в отличие от прохладного света, где я сейчас нахожусь. Вязкость — своего рода экзамен для тех, кто вроде бы и не грешил, но жил, как амёба. Когда человек не делал никому плохого и зла, но жил равнодушно, без любви и фантазии. И вроде бы правильно, внешне почти идеально, но этой своей правильностью и идеальностью испортил жизнь многим близким людям. Потому что это внешнее, показное, а внутри шла постоянная борьба. Вот и дана эта вязкость таким амёбам, помимо грешников. В ней комфортно и тепло, и много других душ. Амёбе здесь хорошо, не надо проявлять инициативу и фантазию. Здесь душа видит свои прожитые жизни от начала до конца, и к кому-то может прийти осознание никчемности, самообмана и потерянного времени, неправильно прожитой жизни. Здесь же душа видит возможные вероятности развития и учится. А рай открыт исключительно для душ, чистых внешне и внутренне. Ясно, что я лечу в рай. А как там в аду? Интересно мне. Если там что-то похожее на вязкость, то это однозначно противно.

— Ну, наконец-то она перешла на другой уровень развития, в новое отэспаре, и вообще вышла за пределы нашей вселенной. Хорошо, что импульс от неё до нас доходит. Эта вязкость и меня измотала, и если бы не отпуск на Гавайях, я бы не выдержал, — отдохнувший Джон выглядит счастливым и довольным.

— Да, согласна, довольно противное местечко. Но почему она так долго в нём находилась?

— Здесь мы время считаем по-своему, там же оно течёт по-другому.

— Кстати, как твой отдых на Гавайях?

— О, отлично! Всю жизнь бы так жил. Хотя без эксперимента и науки я себя не мыслю. Идеально работать и отдыхать в одном месте. В следующий раз надо будет создать институт на Гавайях.

— На Канарах, кстати, есть обсерватория, где наблюдают Вселенную.

— Почему-то Ева выбрала именно эту территорию. А, понял, здесь больше всего молящихся и, соответственно, энергетически заряженного пространства.

Краски нового отэспаре не передаются, но передаются сигналы о красоте, которые я посылаю импульсами:

— Здесь невероятно красиво, мне кажется, я вижу что-то бесподобное и божественное.

— Да, даже захотелось туда, так это соблазнительно.

— Мы успеем туда. Всему своё время. Главное, что нет страха, что там плохо и неопределённо. Нет ужасного Ничто.

— Ева, ты слышишь меня?

Джон уже больше месяца пытается отправить мне импульс и получить от меня ответ. Но безуспешно. Из-за глубокой разницы в сущности сфер и самих систем в отэспаре, в разных мирах и вселенных, его сигналы не доходят. Даже через месяц.

— Опять тишина. Вероятно, это связано с тем, что у нас другое поле гравитации и пространство-время. Вероятно, там, в её вселенной, есть что-то принципиально новое, другое, не доступное описанию в наших терминах и известных сравнениях.

— Так и задумывалось изначально.

— Что ты имеешь в виду?

— Одностороннюю связь. Представь, что через сто, двести, триста лет, когда нас уже не будет в живых, будет работать только программа, и вдруг какой-нибудь нечистоплотный человек отправит негативный импульс во вселенную.

— И он дойдёт до Евы, и она бросится на помощь.

— Например, да.

— Да, это может навредить эксперименту.

— А так, оборудование с программой будет помещено в капсулу времени, и в 3000 году люди откроют её и узнают правду.

— Может быть, это уже не будет новостью, может, к тому времени кто-нибудь другой придумает то же самое и обнарудует.

— Вряд ли.

— Сейчас середина двадцать второго века. По завещанию Евы к концу века будем закладывать капсулу времени. Мы не имеем права разглашать информацию. И эксперимент по-прежнему останется в тайне.

— Думаешь, родственники будут молчать? Ведь кто-нибудь вроде Руди запросто может разболтать.

— Да ей никто не поверит без доказательств. Институт и адронный коллайдер ничего не значат и не являются доказательством.

Марина смотрит на часы и начинает быстро собираться.

— Я сегодня иду на приём к врачу, так что пока, до завтра.

— Ты что, заболела? Ничего не говорила, — изумляется Джон.

— Да нет, не заболела. Обычная проверка.

Джон остаётся один в экспериментаторской. Мерно шелестит вентилятор, разгоняя жаркий воздух. На экране наша видимая обозримая вселенная. Душа Евы потерялась из виду. Тем не менее компьютер периодически слабым щелчком извещает о поступлении новой порции информации от души Ева1.

Я плыву. Некуда торопиться. Вдруг я чувствую импульс, очень близкий и родной. Это Патрик. Он ждёт меня. Это очень приятно. Я устремляюсь в многоцветном потоке к однородному белому сверкающему свету. Но он не стоит на месте, а постоянно перемещается. Можно надеяться, что я случайно попаду в него, как уже было много раз.

— Ты знаешь, куда мы направляемся?

Я слышу голос внутри себя, всматриваюсь и едва различаю очертание души. Непонятно, женщина это или мужчина.

— Да, мы все здесь идём в рай.

— Ты уверена? Я столько грешила в жизни.

Значит, это женщина, проносится внутри меня понимание.

— Да, я была женщиной на Земле. Я умерла молодой, меня сбила электричка, когда я переходила железнодорожные пути.

— Сочувствую. Да, это отэспаре для тех, кто направляется в рай.

— Все в рай? А до этого было что-то вязкое и тёплое. Я спрашивала, и мне отвечали, что кто в рай, кто в ад. Я не хотела в ад.

— Да, здесь все в рай. У некоторых есть выбор, и кто-то предпочтёт ад. Например, я бы побывала там, чтобы знать, что это такое.

Какое-то время я не слышу импульсов и думаю, что моя собеседница исчезла, как и многое здесь. Случайно попадаешь в белый свет, и душа исчезает.

— А куда исчезают души? — спрашиваю я у ангелов.

— Здесь каждый цвет распределяет душу в зависимости от её дел на Земле. Первый этап — это вязкость. Туда попадают все души подряд. К каждой душе прикреплен ангел, и ведёт с ней беседу. Много бывает споров и разногласий, когда душа не заслужила рай, но начинает доказывать, что ни в чём не виновата. Мы-то знаем всё и показываем её оплошности и грехи. А сюда прибывают в основном безгрешные, но так как и у безгрешия есть свои нюансы и тонкости, то и здесь в истинно белый цвет, в сферу совершенства, попадают самые чистые и праведные.

— Думаю, каждый человек хоть раз в жизни совершил грех, нехороший поступок.

— Да, каждый. Но некоторые раскаялись и своими делами очистились и отработали, отстрадали сполна, а некоторые даже не видят своих грехов. Вот ангелы им и показывают. Кто-то даже здесь пытается обмануть себя, нас и Высший Разум, якобы они невинные. И даже когда им показываем, они всё равно продолжают упираться и оправдываться. Поэтому они сперва летят на исправительные работы, пока не осознают свои ошибки и не исправятся. Это не совсем ад, но и не рай.

— Интересно, где моя мама? Когда я первый раз видела Патрика и других родственников, я её там не встретила.

— Она застряла в отэспаре одной из вероятностей и никак не может признать свои грехи. Упёрлась и всё тут. Вот и скитается по времени и вероятностям развития событий.

— Могу я её увидеть? Может, у меня получится повлиять на неё?

— Если хочешь. Тебе открыт зелёный свет везде.

— А когда? И что мне нужно сделать для этого?

— Терпение. Мы поняли твоё желание. Исполним.

— А, ой, а вдруг она не хочет меня видеть?

В ответ я уже не слышу ничего, и лишь перекаты волн света качают меня из стороны в сторону. Внезапно одна из волн подхватывает меня, и тащит куда-то с большой скоростью. Я опять отдаюсь потоку, потому что контролировать и что-то делать самой невозможно. Меня выносит красной волной на берег с бирюзовым песком. Кругом пустота и тишина. Невероятная чистота, и кругом только бирюзовый цвет. Красный цвет исчез, и, куда ни глянь, кругом всё в бирюзе.

— Здравствуй, доченька. Наконец-то я дождалась тебя, — слышу я в пространстве голос мамы.

Я волнуюсь, потому что не вижу её.

— Ты не увидишь меня, пока я здесь, мне уже сказали об этом. Мы здесь невидимые, потому что в неопределённости, куда идём и когда попадём в рай, вот и размыты по всему пространству. Нас заставляют признать свои ошибки и вину. Но я считаю, что на мне нет никакой вины. Я идеальная.

— Жаль, что я не могу тебя увидеть. Я бы очень хотела. Ангелы сказали мне, что ты здесь, и отправили к тебе. Я направлялась в рай.

— Ангелы? Я не верю в эту чушь.

— Как это, не веришь? Даже здесь и сейчас ты отрицаешь существование их и божественного?

— Конечно, это же абсурд.

— А тогда как вообще ты оказалась здесь? Если по твоим убеждениям человек умирает, и всё.

— Загробный мир.

— Ты же не веришь в это.

- Почему, в загробный мир верю.
- А в существование души веришь?
- Нет, душа не существует.
- А что это тогда? Как ты со мной общаешься, и я с тобой?
- Через могилы переговариваемся.

— Ха-ха-ха. Рассмешила. Мало того, что ты похоронена в России, а я в Месопотамии, так по времени я жила после твоей смерти ещё примерно пятьдесят лет. Если ты поверишь в существование души и ангелов и доверишься им, тебе станет легче и проще. Ты в своей жизни никогда не верила в высшую силу и подвергла всё контролю, и после смерти никак не можешь без него. Вот и застряла здесь. А если поверишь, признаешь свои ошибки и вину, тебя направят в рай.

- Не знаю... А если это обман?
- Ну и что ты потеряешь? Ты же уже умерла.
- А вдруг будет хуже?
- Нет, не будет. Ты уже прошла вязкость. Те, кого направляют в ад, в световые волны не попадают.

— Правда?

— Просто поверь. Я специально попросила ангелов о нашей встрече, чтобы помочь тебе выбраться из этого неопределённого состояния.

— Они говорят, я виновата в том, что не любила себя и вообще никого не любила, что у меня не было друзей.

— Да, признай это, и тебе станет легче, вот увидишь.

— Хорошо, я признаю, что не любила себя и окружающих. Завидовала, что они живут лучше, чем я. Была гордая и не хотела прощать ошибки других людей. Я вообще не признавала слабый характер. А сама была слабая, хоть никому и не показывала это.

— Молодец, мама. Сейчас тебе станет легче, вот увидишь.

Я вглядываюсь в бирюзовые просторы, и волна лёгкости окутывает меня. Я чувствую блаженство, хотя какие здесь могут быть чувства? Мне просто хорошо. Я разговаривала с мамой и могла ей. Надеюсь, что встречу с ней в раю.

— Ева побывала в ещё одном отэспаре, снова вернулась в нашу вселенную, оказавшись на духовном пути своей матери, в области бирюзового цвета, — Джон проводит расчёты и радостно приветствует только что вошедшую Марину.

— Да, очень интересно, — Марина, ещё не пришла в себя после тридцатипятиградусной жары, освежается под вентилятором.

— Всё соответствует прежним нашим расчётам и предположениям учёных о суперструнах, о более чем десятимерном мире, невидимом человеку. Там множество различных отэспаре и, судя по всему, существует какая-то цветовая классификация.

— Соответственно белый — это рай, чёрный — ад и ещё отэспаре промежуточных цветов. Среди световых отэспаре есть определённый порядок, и в каждом душам указывают на ряд возможных грехов и человеческих ошибок. Эти микромиры путём демонстрации возможных вероятностей развития жизненных событий дают возможность человеческой душе увидеть свою жизнь, ошибки и исправить их, или хотя бы признать. Каждой душе даётся шанс в следующей жизни подняться на новый уровень, что-то осознать и в конце концов прийти в божественный рай. Значит, человек, вернее, его душа, может ещё очень долго блуждать во вселенных и отэспаре, пока не станет совершенной.

— Да, вероятно, это так, хотя поверить сложно.

— А зачем Ева, или почему, оказалась в бирюзовом пространстве?

— Она вступила в контакт с ангелами и узнала, что её мать всё ещё на исправительных работах и застряла там, в бирюзовом цвете.

— Невероятно. И как?

— Возьми сама и прочитай в отчёте, — Джон отвечает медленно, углублённый в информацию на экране, а Марина отвлекает его.

— Да, точно. Я не могу прийти в себя после жары. Расплавилась, и мозг в отключке. Да, всё больше и больше информации и новых знаний. Главное, чтобы в это поверили другие люди.

— Может быть, сейчас не поверят, но в четвёртом тысячелетии человек достигнет такого уровня развития, что эта информация будет ему лишь подтверждением его знаний, мыслей и чувств.

— А в каком отэспаре находятся рай и ад?

— Это пока неизвестно.

— Как бы хотелось сейчас, на человеческом, антропном уровне, в земном теле, изменить своё восприятие и увидеть больше, чем этот трёхмерный мир. А может, во сне мы переходим в немного другой мир?

— Мы можем предполагать всё что захотим, в силу своих умственных способностей, но факт остаётся фактом. Поэтому узнаем из импульсов Евы, когда её душа пройдёт этот этап.

— Пока что нам стали известны вязкое, радужное, световое и бирюзовое отэспаре. Вязкое — это отэспаре пространства-времени. Радужное, бирюзовое и все другие цвета — это отэспаре возможных вероятностей развития нашей вселенной и жизни, до бесконечности. Световое — это, кажется, вообще отэспаре другой вселенной.

— Это положительно заряженные сферы. Может, есть ещё и отрицательные?

— Мммм. Не знаю, не знаю. Если только в недрах Земли, как противоположность и симметрия.

— Так, есть импульс от Евы. Она перемещается. Уходит из бирюзового. Её болтает в разные стороны. Надеюсь, это не больно.

— Не знаю, даже сложно представить...

— Если земная жизнь — это жизнь в определённом отэспаре на пути в рай и к совершенству, тогда всё не так уж и плохо.

— Кажется, она возвращается в радужное и световое отэспаре. Интересно, долго она там пробудет?

Меня толчком выносит обратно в радугу цвета и качание на волнах. Я никак не могу попасть в белый свет. Либо он слабой полосой проходит, и меня проносит мимо, либо он удаляется. Вероятно, я ещё не достигла совершенства. Иногда слышу импульсный сигнал Патрика, когда приближаюсь к белому или прохожу сквозь него. Наконец тяготение усиливается, и я, прикоснувшись к белому свету, внедряюсь в него. Сперва меня болтает от одной невидимой стенки к другой, потом всё успокаивается. Белый свет

настолько яркий, что я могла бы ослепнуть, если бы имела органы чувств. С непривычки в нём очень тяжело что-либо рассмотреть. Со временем привыкаю и даже могу различить дорожку. Я ступаю на неё и медленно иду. Кругом всё белым-бело, и лишь еле видимый путь. Я уже не вижу других красок и совершенно не вижу и не чувствую другие души. Где-то далеко внутри меня проносится голос Патрика и его зов. Я убеждаюсь, что на верном Пути, и следую вперёд более уверенно. Я надеюсь, что иду вперёд, а не назад. Нет никаких ориентиров в сплошном белом.

— Вперёд, смелее вперёд,.. — слышу я голос ангелов и приободряюсь.

Иногда меня приподнимает, и я легко парю в невесомости. Я напеваю мелодию и, сама не осознавая, уже просто изнутри отправляю импульсы на Землю.

— Она вышла на белую дорожку, направляющую в рай, — считывает информацию с экрана Марина.

— Отлично, — Джон проводит расчёты, начатые с той поры, как Ева оказалась в цветовом отэспаре. — Наконец-то у меня всё сошлось.

— Ты всё пытаешься найти истину? — улыбается Марина.

— Да. Исходя из того, что Бог создал семь небес, — об этом написано в священных книгах, — и того, что есть семь основных цветов, а также, что всего двадцать восемь цветовых отэспаре, получается, что каждый цвет имеет четыре оттенка. Соответственно, для каждого перехода на новый уровень есть, образно говоря, свой цветовой отсек и свои подотсеки. Значит, в хаосе всё же существует некая системность или порядок.

— Каждый охотник желает знать, где сидит фазан. Цвета радуги, — Марина вспоминает детскую считалочку, чтобы запомнить цвета. — Красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый.

— Всё верно. Я тоже исходил из этого.

— Ты хочешь сказать, что каждая душа на пути следования в рай проходит свои этапы и попадает только в определённые цветные зоны, характеризующие отэспаре?

— Да. Ева оказалась сперва в вязком отэспаре, где души предварительно сортируются по цветам или небесам. Потом, если нужно, они остаются на коррекцию и совершенствование в определённой среде отэспаре. Например, как её мать.

— Ещё, эти цвета и небеса означают новое отэспаре, новый мир. Они все разные и отличаются не только цветом. Чем светлее, тем меньше плотность, легче, свободнее, и ближе рай.

— Эти цветковые полосы распределены неровными волнами, постоянно пересекаются, размываются друг в друге, хаотичны и беспорядочны.

— Они все в запрещённом порядке, который на Земле пока не изучен, в отличие от порядка воды, металлов, где всё понятно.

— Жаль, что мы не сможем пока определить, какому цвету что соответствует. А то можно было бы уже заранее знать, куда пойдёт душа после смерти.

— Думаю, это вообще сложно определить на человеческом уровне. Многое нам неподвластно. Хотя согласен, неприятно чувствовать себя безвольным мотыльком, которого несёт, куда хочет ветер, а не он сам.

— Если жить по божьим законам или по совести, тогда есть некоторая уверенность, что не занесёт в темноту, — Джон встаёт и разминает застывшие суставы. — Пойду поиграю в большой теннис.

Во дворе института теннисная площадка, бассейн и тренажёры, где всегда можно заняться спортом или просто размяться.

— Хорошо, а я пока понаблюдаю за Евой. Мне, если честно, волнительно за её душу, пока она не в раю. Сейчас уже спокойнее стало. Надеюсь, её больше никуда не занесёт.

— Надейся, надейся. Я знаю нашу Еву, мало уверен, что её никуда не занесёт, — Джон, смеясь, выходит из комнаты.

Я плыву в белой перине, как в облаках. Вокруг ни души. Мягко перескакиваю с одной подушки на другую и растворяюсь в пухе. Неожиданно я приземляюсь на что-то более твёрдое, не такое, как пух, а что-то весомое и значительное.

— Эй, поосторожнее! — проносится у меня внутри голос.

Я отскакиваю и вижу силуэт ребёнка.

— Ты ангел?

— Нет пока ещё, — смеётся малыш. — Меня смертельно укусила змея.

— Как печально, — я приближаюсь к нему и хочу погладить по голове, угадывая её очертания.

— Не надо печалиться!

Мальчик отплывает в сторону, а моя видимая рука повисает в воздухе и вскоре растворяется в свете.

— Зато теперь я могу летать и парить, чего не мог раньше, а так мечтал быть птицей, — малыш проделывает пируэты, кувыркается и веселится.

— Как же твои родственники? Мама, папа?

— Ой, у них полно детей, они даже особо не плакали. Они знают, что смерть — это лучшая жизнь. А жизнь на Земле — это экзамен, чтобы попасть в рай. И они рады за меня, что я не успел нагрешить, и значит, буду в раю.

— Интересно как. А где вы жили? В какой стране?

— В Африке, в Нигерии.

— Понятно. Значит, тебя никто здесь не ждёт?

— Хм, да. Я как-то не думал и не беспокоюсь об этом. Может, всё же есть какие-то родственники, о которых я не знаю. Хотя, мама говорила, что мы люди лишь временно, так же, как я. Основная моя семья — божественная. Там много родных.

— Как много ты знаешь, молодец! А такой маленький.

— Я умер в семь лет. Уже пошёл в первый класс. А с папой много раз ходил охотиться на крокодила. Так что я много знаю и смелый.

Внезапно ветром и тёплым потоком пронеслись бёбёнстры, чья-то душа, сбоку. Кто-то очень торопится попасть в рай.

— Ева, Ева, — я снова слышу голос Патрика и устремляюсь вперёд, попрощавшись с малышом.

— Счастливо! — эхом доносится его голосок.

Я продолжаю двигаться в слепящем белом свете. Меня окутывает пушистая пена. Я вспоминаю, как любила принимать ванну и нежиться в пене, и опять начинаю напевать песенку.

— Любимая, я жду тебя и уже слышу твои песни. Иду на встречу, — проносится родной и близкий импульс. — Наконец-то мы будем вместе.

— Плыву, плыву к тебе, мой любимый! — пою я в ответ.

Неожиданно хор разных голосов, знакомых из прошлой жизни, проносится у меня внутри. Это уже целый оркестр, где звучат скрипка, виолончель, труба, контрабас, саксофон, аккордеон, фортепиано, домбра, клавесин, гитара и много других звуков. Всё пространство наполняется музыкой, теплом и ароматами. Белый свет из ослепляющего холодного становится мягким и нежным молочным. Он разливается в моей душе и заполняет каждый уголок, клеточку, частичку, бьёнстри, своим умиротворением и безмятежностью, и светом. Я обретаю чёткие и совершенные очертания. Невероятное ощущение полноты, которое я всегда стремилась получить, — и поэтому заполняла свою жизнь различной деятельностью, наукой, общением, творчеством, — распространяется повсюду и дарит душевный покой и счастье. Я дома. Наконец-то я дома, я вернулась. Как долго я странствовала и скиталась. И какой сложный экзамен — эта жизнь.

Глава 9

Рай

Неожиданно я наталкиваюсь на что-то очень твёрдое, и различаю дверь, тоже белого цвета. Я толкаю её и прохожу. Ангелы подносят мне шёлковое платье, и я надеваю его. Передо мной прекрасный, чудесный, божественный край. Большая зелёная долина, на которой растут деревья и кусты с бесподобными цветами и фруктами. Живые краски, не те, что были в цветовых волнах. Я различаю свои руки, ноги. Я молодая тридцатилетняя красавица. Ко мне со всех сторон подходят такие же красивые люди, и впереди всех идёт мой супруг Патрик. Души теперь принимают очертания и структуру человеческого тела, только это тело совершенной формы и молодое. Все улыбаются и радостно простирают ко мне руки, раскрытые для объятий. Я бегу к Патрику, он бежит ко мне. Мы сталкиваемся и заключаем друг друга в крепкие объятия. Он кружит меня, а я радостно повисаю у него на руках. Я ловлю воздух ртом и не могу поверить. В первый раз, когда я встретила с супругом после смерти, я не успела всё разглядеть или была не в том душевном состоянии, чтобы осознать всю красоту и радость. Столько любви и счастья! Воздух ни жаркий, ни холодный. Здесь умеренная температура, и освежающий ветерок обдувает моё лицо и раздувает платье. Со мной здороваются люди, родственники. Мы идём к поляне, где накрыт стол. Множество фруктов, сладостей и пудингов. Необыкновенные яства, о которых я знала только из сказок и даже не представляла, что они существуют на самом деле. Патрик подносит мне незнакомый фрукт, и я с любопытством пробую его. Невероятный, божественный вкус! Сок стекает у меня сквозь пальцы, капает на поляну. Как только капля касается земли, от

неё поднимается легкая струйка ароматного дыма, и мгновенно появляется росток.

— Скоро вырастет новое дерево с такими же плодами. Это твой первый саженец. Поздравляю. Частичка бьёнстри твоей души дала ростки, — Патрик подносит мне новый фрукт.

— Невероятно! Где-то далеко, в глубине души, я верила в этот рай, но даже не представляла, что он именно такой.

— Ты обманываешь себя, что верила только в глубине души. Вся твоя душа была наполнена верой, ты просто так говоришь. Скромничаешь, как всегда, — Патрик поправляет мой локон, который выбился из причёски. — Какая ты красивая! Такая же, как в день нашей первой встречи.

— Ты тоже такой же молодой, как тогда, — я люблюсь своим супругом, как будто впервые встретила его. — Я нигде не вижу солнца, но тем не менее здесь светло и тепло. И луны нет.

— Это же не Земля. Ты в раю.

— А где он? В каком мире вселенной? Я побывала в разных отэспаре.

— Рай не находится где-то. Это твоя душа, всякий раз поднимаясь на новый уровень развития в отэспаре, обретает способность видеть окружающий мир в новом восприятии. Проходя разные миры и сферы отэспаре и учась жить в этом, душа совершенствуется. Каждое отэспаре — это очередной экзамен после жизни на Земле. Просмотр своих жизней, ошибок... Для большинства людей после жизни предстоит ещё долгое путешествие сквозь эти микромиры. В Рай попасть очень сложно. В Ад прямая дорога сразу после смерти. Там не надо учиться и совершенствоваться. Душа после быстрого путешествия в отэспаре вязкости, видя свои ошибки, возвращается обратно в трёхмерное пространство. Имея больше духовных возможностей, но не имея тела, она ограничена и сжата, и оттого мучается.

— Получается, что жизнь на Земле, это и есть ад.

— Да. Мы там находились, так как нагрешили в предыдущей жизни и исправлялись. Большинство людей после экзамена на Земле либо возвращается туда снова и снова, либо блуждает по

отэспаре. И так до бесконечности, пока не дойдут до рая. Лишь единицы, живущие на Земле, сразу попадают в рай. Это практически невозможно. Мы с тобой заслужили, потому что занимались наукой и верили. Потому что усыновили двенадцать детей, дали любовь обездоленным, несчастным, лишённым материнской и отцовской любви.

— Значит, обычные люди проходят все отэспаре, и только тогда попадают в рай?

— Обычно да, но бывают исключения. Некоторые души минуют одно или даже несколько отэспаре, если прожили жизнь правильно, без ошибок и грехов. Ещё здесь существует классификация ошибок, в зависимости от тяжести и осознания вины.

— Как я заметила, в других мирах отэспаре нет таких чётких телесных очертаний. Души еле различимы.

— Да, это возможно только в раю.

— А в аду? Если жизнь на Земле — это ад, тогда и в аду возможны очертания тела и физическая оболочка.

— Про ад ничего не могу сказать точно. Это моё предположение, что жизнь на Земле — тоже ад. Но, судя по всему, ад и рай — единственные весомые и устойчивые миры. Остальные летучие и непостоянные. Ты же помнишь цветочные волны?

— Да, помню.

— Эти отэспаре волнообразны и сливаются друг с другом, образуя необыкновенные цвета и плотности в зависимости от количества и качества душ, находящихся там в конкретный момент времени, и от их взаимодействия.

— Хорошо, что мы сделали эксперимент тайным до его окончания и ограничили доступ к программе. Если станет известно, какие этапы проходит душа после смерти, люди начнут придумывать подлоги, и это нарушит естественный порядок вещей и природу бытия. Так что мы всё сделали правильно!

— Высшие силы решили, что в будущем это поможет человечеству. И потом, мы были бескорыстны в своих делах, это тоже не надо сбрасывать со счетов, — Патрик ласкает меня влюблённым взглядом. — Что мы всё про дела да про дела? Пойдём.

Он легко встаёт, увлекая меня за собой. Мы идём по мягкой поляне зелени и пуха. Повсюду павлины распустили свои хвосты и машут ими, давая полюбоваться переливчатой красотой оперения. Лица окружающих светятся счастьем, любовью и добротой.

— Вот ради чего мы проходили все испытания и страдали на Земле! Вот зачем мучились и отдавали последнее. Жили в нужде, и бывало, что нечего было есть. Не спали, в научных изысканиях, и грызли гранит науки.

— Да, милая, ради этого. Если бы мы на Земле знали, к чему мы идём, жить было бы легче.

— Теперь, когда люди узнают, что загробная жизнь существует, и что она может быть прекрасной, если жить по совести и с верой в это, тогда, представь, насколько совершенным станет человечество!

Я не перестаю восхищаться и изумляться окружающему миру.

— Тогда уж точно не будет страхов и желания достичь превосходства любой ценой. Не будет стремления к власти, славе, богатству. Не станет тщеславия и обмана.

— Главное, — вера в это и вера вообще.

Мы идём сквозь густые деревья с диковинными плодами. Патрик срывает фрукт жёлтого цвета, похожий на абрикос, и протягивает мне. Я откусываю. Не сок, — нектар, — льётся по моему подбородку. Внутри плода косточки, похожие на маленькие каштаны. Вкус у фрукта очень сладкий, но не приторный, а с кислинкой. У другого дерева ветки опустились чуть не до земли под тяжестью ягод.

— Это шелковица! — восклицаю я. — Я ела в детстве у бабушки, в последней жизни. Мы с другими детьми забирались на дерево, срывали ягоды и сразу клали в рот. После этого у меня руки были красные. От красной шелковицы. Есть ещё и белая. Да вот же она!

Я срываю ягоды одну за другой и с наслаждением ем. Патрик с умилением смотрит на меня.

— Сначала я тоже ел много ягод и фруктов. Теперь уже более или менее спокойно отношусь к дарам природы.

— А вот билимбо!

Я бегу к дереву с плодами, похожими на огурцы. Они несъедобны в сыром виде. Но сок билимбо можно добавлять как приправу, или варить желе. И ещё очень вкусный получается кисель.

— Я ждал тебя, потому что мне предстоит, если так можно выразиться, командировка, — обращается Патрик ко мне, взяв меня за руки и пристально глядя в глаза.

— Какая ещё командировка?

— Здесь мы имеем право выбора, и кто хочет, может прожить ещё одну жизнь на Земле, в отличие от тех, кто застрял в цветочных отэспаре. Они принудительно отправляются на исправительные работы, чтобы снова пройти экзамен.

— И я тоже хотела бы.

— Я и не сомневался, что ты захочешь это пройти ради нашего эксперимента.

— Да, это даже необходимо.

— Уверяю тебя, что здесь никто не проявляет желания снова оказаться там и мучиться. И ещё неизвестно, вернёмся ли мы с тобой сюда.

— Мы-то наверняка вернёмся, благодаря эксперименту.

— Ты вернёшься. Вероятнее всего. У тебя душа сохранена и привязана. И если ты снова захочешь прожить жизнь в другом теле, из-за контроля над твоей душой тебя всё равно, скажем так, засосёт сюда обратно.

— А ты можешь потеряться,.. — догадываюсь я. — Может, тогда ты всё же откажешь себе в своём желании? Подождёшь меня здесь?

— Мне тебя так тяжело здесь ждать в бездействии, — Патрик размышляет. — Есть вероятность, что мы снова встретимся там. Но она маленькая. Ты должна будешь меня найти, так как будешь больше информирована в какой-то момент времени о своей миссии на Земле. А я даже знать ничего не буду. И могу встретить кого-нибудь, и тогда здесь буду уже не с тобой. И ты на Земле можешь быть не одна.

— Да, нам надо как-то договориться встретиться там. Интересно, наша программа предусматривает такой поворот?

— Она ловит импульсы твоих бьёнстри. Какой-то период времени ты будешь неуловима в земной жизни, но вскоре бьёнстри обретут массу, проявятся и будут зафиксированы программой.

— Если у нас сильная духовная связь, то мы найдём друг друга в любом случае.

— Несколько легкомысленно просто так верить в это. Тебе надо сейчас отправить импульсы на Землю и предупредить их о возвращении в другом теле.

— Это ведь отличное продолжение нашего опыта. Когда человек сможет зафиксировать свою душу и наблюдать за её перемещением, он сможет узнать, кем был в прошлых жизнях.

— Да, поэтому я решился на такой риск.

— Когда ты собираешься уйти?

— Как только ты отдохнёшь, насладишься всеми благами рая, тогда можно в Путь.

— Неугомонная твоя душа, — смеюсь я.

— И твоя тоже.

— Мы успокоимся когда-нибудь, как ты думаешь?

— Как только откроем для человечества новую жизнь и подарим людям счастье и любовь. Когда они станут более совершенными и развитыми.

Мы заходим в белый шатёр, где разложены перины и стоят вазы со всевозможными фруктами и ягодами.

— Теперь отдыхай, любимая, — говорит Патрик.

— Да я не устала, но понежиться в перинах не откажусь.

Я падаю на одну из перин и проваливаюсь в невесомости, как в желе. По бокам и сверху меня накрывает другая перина. Патрик раздвигает края и заглядывает сверху. Он улыбается и неожиданно бросает на меня лепестки роз, собранные с пола. Чудесно пахнет розами и ванилью. Непонятно откуда слышен плеск воды, словно разбиваются о берег волны океана.

— А я не видела здесь водоёма, — удивлённо говорю я. — Где здесь океан или море, что так отчётливо слышен шум волн?

— Это в твоём воображении. В этом мире всё воссоздается, стоит тебе только подумать о чём-либо. Поэтому здесь могут

быть только чистые и просветлённые души. Подлецам, лжецам, и другим порочным и испорченным душонкам здесь не место.

Меня накрывает пеленой сна. Я удивляюсь, что мне вообще захотелось спать. С того момента, как я умерла, я никогда и не думала об этом. Может, спала и не понимала этого? А может, я вообще всегда во сне находилась. Мысли проносятся у меня в голове. А в переходном периоде не было и мыслей, тут же соображаю я. Получается, что рай, это почти та же жизнь, только более усовершенствованная, даже не то чтобы более, а максимум совершенства. Вот где неуместно было бы сказать, что нет предела совершенству... Я засыпаю безмятежно и умиротворённо. Патрик засыпает рядом.

— Ну, наконец-то она в раю, — выдыхает Марина, как только открывает программу.

Она только что пришла в институт. До этого неделю отдыхала.

— Да, она в раю, — Джон, уже несколько дней наблюдавший сон Евы, скучает. — Как отдохнула?

— Отлично. Только мало, ещё бы подольше отдохнуть.

— Когда очень хорошо, всегда кажется мало.

— Ну, не то чтобы очень хорошо. Домашние дела — это не особенный-то отдых. Просто отвлеклась от работы и этого однообразия. Скучно здесь стало.

— Да, наша работа не из весёлых. Зато полезная.

— Кому полезная-то? Неизвестным людям и будущему поколению? Мне-то что от этого? Уже прошло много лет со дня смерти Евы, и эксперимент тянется очень вяло из-за разницы во времени. Когда Ева была жива, было много работы, здесь жизнь бурлила. А сейчас всё почти замерло.

— В этом ты права. Может, позже будет поинтереснее. Ты же не знаешь, куда дальше отправится душа Евы.

— Да что тут думать? Она попала в рай и уже никуда оттуда не пойдёт. Надо быть совсем сумасшедшей, чтобы из рая устремиться на новые подвиги.

— Ева у нас такая, как будто ты забыла.

— Может быть, всё-таки её душа успокоится в раю?

— Посмотрим. Поживём — увидим.

— Да уж, вот это да! И ведь действительно рай существует.

— Только не всем дано попасть туда.

— Что же, основное в жизни — быть чистым и попасть в рай? Кажется, и так многие люди безгрешны. Вон, ходят улыбаются. На позитиве.

— Дело не в улыбках и не в позитиве. Это может быть защитная маска. Главное, что внутри. И главное — быть честным с самим собой. Это очень сложно. Ведь большинство людей живёт в иллюзиях, обманывая самих себя и окружающих. А вот обмануть Бога невозможно.

— А что это? Ты прочитал? — Марина листает отчёт назад и читает информацию, которую пропустила.

— Что ты имеешь в виду?

— Вот ведь, точно, её душа никак не успокоится! Она хочет снова прийти на Землю в другом теле.

— Это же ради эксперимента. Она так и говорит. И Патрик тоже, кстати, будет приземляться. Это понятно из её послания.

— Это же небезопасно. Она может потеряться, и тогда эксперимент провалится.

— Мы должны быть готовы к этому. Будем тщательно наблюдать и контролировать передвижения души Евы.

— Да уж!.. А я уже скучать начала в затянувшемся эксперименте.

— Как ты можешь так говорить?

Марина молчит. На душе у неё противно, даже гнусно. Дело в том, что она не так давно начала искать новую работу. Более интересную и высокооплачиваемую, и где в коллективе есть мужчины. Марина никогда не любила шумных мест и компаний, она была убеждённой домоседкой и свободное время предпочитала проводить дома. Поэтому для неё было затруднительно встретить спутника жизни, разве что на работе. Но и здесь не сложилось. Джон был женат, и с кучей детей, да и староват уже, так что этот вариант отпадал точно. А поскольку она была полностью занята в эксперименте, с другими коллегами по институту практически не

виделась. Она долго терпела, чего-то ждала, надеялась, что всё объясняется как-нибудь само, и вот решилась на перемены. Уже побывала на нескольких собеседованиях, говоря в институте, что идёт на приём к врачу. Раньше она встречалась с парнем, но они расстались, не устроив друг друга в интеллектуальном и эмоциональном плане. И что теперь делать, она не представляла. Даже домашний недельный отпуск не поставил её мозги на место и ничего не изменил в её сознании. Она страдает. А Джон, погружённый в программу, ничего не замечает. Так, в молчании, проходит рабочий день, потом другой, и ещё много других дней. Их разговоры становятся всё реже и всё лаконичнее. Минус пять лет, а потом ещё десять. Марина по-прежнему одинока, Джон кричит над программой, а Ева отдыхает в раю. От неё не поступает никаких сигналов, и все уже думают, что её душа оторвалась от программы.

В один прекрасный обычный райский день я открываю глаза, рядом со мной сидит Патрик и смотрит на меня.

— Проснулась, принцесса, — говорит он и проводит рукой по моей щеке.

Я потягиваюсь и наслаждаюсь мягкими пуховыми перинами, сладким ароматом, присутствием рядом Патрика и в целом безмятежностью и спокойствием на душе.

— Я долго спала?

— Не знаю, — Патрик улыбается. — Я жду, когда ты отдохнёшь, и отправляюсь на Землю с нашей миссией. И буду ждать тебя там.

— Ну и я вскоре отправлюсь, — спохватываюсь я, вспоминая наше обсуждение перед сном.

— Ты не торопись. Может, я вернусь, и тебе не надо будет отправляться на Землю.

— Как это, не надо? Душа-то моя закодирована, а не твоя. И только с моей помощью можно завершить эксперимент.

— Кто знает... Возможно, ещё кто-то проводит подобный опыт. Патрик целует Еву на прощание.

— До встречи. Теперь я уверен, что мы всегда найдём друг друга по духовному влечению.

— Ты уже уходишь? — я грустно опускаю голову. — Чем бы мне здесь заняться пока?

— Вот! А займись-ка вот чем. Я хотел тебе сказать, что здесь существует духовная хроника, кем мы были в прошлых жизнях, в каких телах, и какие миссии выполняли.

— Надо же! Это почти то же самое, что мы реализуем в эксперименте.

— Разве?

— Ну да, если быть дальновидным, то к этому всё и идёт.

— Пожалуй, ты права. Вероятно, эта информация осталась у нас с тобой на очень глубоком духовном уровне, и мы транслировали её в нашей земной жизни. Всё, дорогая, я пошёл. Духовно я всегда с тобой, ты это знай.

— Хорошо. До встречи!

Я остаюсь нежиться в пухе и перинах. Вставать не хочется совершенно. Как будто я отсыпаюсь за долгие годы тяжёлого труда. На самом деле так и было. Прожить жизнь на Земле — это трудный экзамен и тяжёлое испытание, которое не все могут пройти достойно.

— Есть короткие импульсы! — радостно почти подпрыгивает Джон.

За двадцать земных лет тишины он потолстел, отпустил густую бороду, а вот на голове волосы поредели. Марина несколько раз увольнялась, находя новую работу, потом снова возвращалась. Она встретила мужчину, забеременела, родила и снова рассталась. И осталась одна с ребёнком. От спокойной жизни она тоже раздалась вширь.

— Неужели? Не может быть, — иронично отвечает Марина, не отрываясь от сети. Она смотрит все передачи и шоу-программы подряд, лишь бы утолить эмоциональный голод.

— Да, вот, посмотри внимательно. Слабые, но есть! Я каждый раз проверяю установку и убеждаюсь в её исправности. Всё работает, как и раньше, просто от Евы не было сигналов. Может, она была вне зоны досягаемости или занята.

— Ага, она устроилась на работу к Богу, и ей стало некогда.

— Ты стала очень злой на язык, — вздыхает Джон.

— Жизнь такая. Думаешь, легко одной ребёнку растить?

— Я вообще был против и твоего ухода, и твоего возвращения.

— Мне рожать здесь надо было?

— Это осталось на моей ответственности и совести. Ладно, не надо спорить, лучше посмотри на экран. Она перемещается. О, пошли уже чёткие импульсы.

— Ясно, она спала. Там ведь время отличается от нашего. Чудесно. Ещё раз такой сон, и нас уже не будет в живых.

— Последний раз она разговаривала с Патриком о его прибытии на Землю в другом теле.

— И она тоже собиралась.

— Сейчас она изучает архив душ, так она его называет, и передаёт из него информацию. Значит, правильно, что существует перемещение души после смерти из одного тела в другое.

— Ой, даааа! — Марина приободряется и отрывается от сети и развлекательных передач. — А Патрика мы теперь потеряли. Нашли и потеряли.

— Будем надеяться, с Евой у них прочная связь, и они не потеряются.

— Посмотрим. Тогда ей нужно уже сейчас перемещаться на Землю, а то время быстро пролетит, и у них будет большая разница в возрасте.

На следующий день Марина не пришла по причине того, что заболел её сын, и появилась в институте только через неделю.

— Оооо! Здравствуйте! Ну что, выздоровел наш боец? — интересуется Джон, когда Марина заходит в лабораторию.

— Выздоровел. Мне кажется, что он слабенький и часто болеет. Впрочем, мне не с кем сравнивать, — Марина наливает себе чай и мешает с финиковым вареньем.

— Мой первый сын тоже часто болел. Видимо, такая экология, и передаётся страх от матери. Другим уже страх не передавался. Я имею в виду, что жена уже не боялась рожать.

— Я-то не собираюсь больше рожать. Всё, это единственный, и хватит.

А мне настолько хорошо в раю, что я напрочь забываю про эксперимент, пролистав духовные хроники и утомившись от этого занятия. У моей души много близких и друзей. Меня все любят и уделяют мне внимание. Никогда не думала, что у меня столько родственников. Постепенно я начинаю вспоминать много своих жизней на Земле. Кем я только ни была! И во мне всё перемешивается, все мои жизни. Я легкомысленно порхаю по полям и лесам. Летаю наперегонки с другими душами, играю в прятки.

Я прихорашиваюсь, наряжаюсь и иду на бал. Здесь все красивые и нарядные. Много любви, тепла и радости исходит от окружающих. Я никогда не видела столько света в одном месте. Это рай!

— Я первый раз здесь! — говорит одна душа, приближаясь ко мне. — А ты давно здесь? Вернее, ты здесь новичок или старичок?

— Я старичок уже, но каждый раз воспринимается, как первый. Я почти всё забываю и вижу всё по-новому. И только со временем вспоминаю. Может, и ты здесь уже не новичок, просто пока не вспомнила.

— Нет! Я здесь уже давно нахожусь. Я точно была в другом мире. И пока отсюда не хочу никуда. По сравнению с другими мирами и отэспаре, здесь лучше всего.

— Надо полагать, рай!

— Я смотрю, некоторые снова отправляются на Землю прожить жизнь. И зачем это надо, мне непонятно. Лично я не хочу.

— Никто и не заставит, это по желанию. У кого крепкая душа, и кто не боится её потерять.

— Да, у меня ещё не крепкая, и она может потеряться. И потом опять блуждать во тьме? Не хочу. Это ужас.

— Не переживай, никто насильно не отправит.

Так, в философской праздности, разговорах, отдыхе, проходит время. Я его не замечаю. Ничего необычного не происходит. Я собираюсь отправиться на Землю, только не могу вспомнить, зачем мне туда нужно. Однажды я получаю необычный посыл и тягу. Я понимаю, что это вызов на какое-то важное дело. Иду прогуляться в лес. Неожиданно я вспоминаю Патрика, хотя давно не думала о нём, настолько забылась, расслабилась.

— Помоги мне! Мне нужна твоя помощь, — слышу я знакомый голос из вселенной.

— Кто это? — спрашиваю я.

— Это твой возлюбленный на земле и на небе, Патрик. Он в беде, — отвечают ангелы.

— Что я могу сделать?

— Есть несколько вариантов. Надо всё взвесить, прежде чем выбрать. Он нагрешил, и у него будут проблемы с переселением в рай. Он может пойти на исправительные работы, а этот процесс может затянуться на тысячелетия, или ещё хуже, он может попасть в ад, и тогда вы рискуете не увидеть друг друга никогда.

— Ой, да! Он же говорил, что рискованно нам снова перемещаться на землю и проживать новые жизни. Зачем я его отпустила!

— Ты тогда горела экспериментом, а сейчас успокоилась.

— Ах, эксперимент! — вспоминаю я. — Как же я могла забыть про него? Это же очень важно! Я должна немедленно отправиться на Землю для продолжения опыта.

— Имей в виду, с момента твоей смерти прошло более ста лет. Джон умер, коллеги по институту и твои дети, — все умерли.

— Интересно, а где же они тогда? Почему я их не вижу в раю?

— Они в Пути. Кого-то ты пока не узнала. Не со всеми у тебя настолько сильная духовная связь, как с Патриком.

— Надо же, на Земле прошло сто лет!

— Да! Патрик переместился почти сразу, как только ты появилась здесь. Сейчас ему там девяносто лет. И он умирает. Он был сыном твоей последней сотрудницы в лаборатории, Марины, и продолжил дело своей матери. Правда, нельзя сказать, что относился к нему ответственно. Он прожил беспутную жизнь, много пил, курил, играл в азартные игры, у него было много разных женщин.

— Как же так? — я чуть ли не плачу. — У нас ведь была сильная духовная связь. Как он мог?

— Но ведь ты забыла про него и про эксперимент? И он тоже забыл тебя. Там, на Земле, ещё труднее помнить всё и вспоминать.

— Ой, ой, ой! И что теперь делать?

— Есть отличный вариант, и надёжный, и быстрый. Учтивая то, что твой возлюбленный умирает, ты перенесёшься к нему в теле барашка. У него в хозяйстве есть несколько. И тебя принесут в жертву после смерти Патрика. Таким образом ты сможешь ему перейти через мостик от смерти в рай.

— Отлично. А потом я буду в образе человека или барана?

— Конечно, человека. У тебя человеческая душа изначально. Просто иногда мы можем поместить душу человека в животное, чтобы он прожил короткую жизнь и умер, и тем самым очистился.

— Да уж, не очень-то приятно быть бараном.

— Зато сколько пользы. Сколько людей поедят твоего мяса, и сколько детей выздоровеет. Баранье мясо, баранья шерсть, хвостик очень-очень полезны.

— Хорошо, я согласна. Тем более, я даже не знала, что прошло столько лет. Я здесь не считаю время.

— Здесь никто не считает время.

— Надо же!.. И как я забыла про миссию своей жизни? Непонятно.

— Это легко. Здесь так прекрасно, что можно забыть обо всём, и никто тебя не накажет за это. И потом, здесь ты вспоминаешь не только последнюю жизнь, но и все предыдущие, и идёт наложение, наслоение всех жизней таким образом, что чёткие ориентиры стираются.

— Но так я могу потерять важных для себя людей и близких.

— Не волнуйся, твоё родное и самое близкое всегда будет с тобой.

— Всё, ладно, я готова отправиться в виде барана на землю и принести себя в жертву ради Патрика.

— Хорошо.

Ангелы хлопают в ладоши, и меня начинает крутить и вертеть в разные стороны.

— Мееее, мееее,— чувствую я близко душу Патрика, хочу сказать ему, что это я, но выходит только бляенье.

Теперь я живу в стойле, родившись маленьким барашком, и подрастаю. Иногда Патрик выводит меня на лужайку, и я пасусь

с другими баранами и овцами, ем травку, отгоняю мух. Патрик еле-еле ходит. Иногда он разговаривает со мной. Он уже не пьёт алкоголь, здоровье не позволяет. Его внешний вид говорит многое об этой его жизни. Зубов почти нет, щёки впалые, худой, землистый цвет лица. Я смотрю на него бараньими глазами. Может, он почувствует и поймёт, что я хочу ему сказать.

— Что ты смотришь на меня и мекаешь? — кивает он в мою сторону. — Сказать что-то хочешь?

— Меее, меее, — отвечаю я.

— Мучает меня совесть, что я не продолжил дело матери. Хотя это даже не её дело, ей его поручили, а она мне перепоручила и завещала. А я запустил. Я должен был следить за программой и ловить импульсы души женщины, которая начала этот эксперимент. Я ждал, ждал долго, и не дождался. Мать ещё умудрилась назвать меня именем мужа этой женщины. Надо же. И зачем всё это? Я ничего не понимаю. А догадки, которые у меня возникают, только пугают. Может, мне надо было больше учиться и стать умнее? Я по своей безграмотности и невежественности не могу понять смысл этого дела. И вот сейчас я умираю с горьким чувством, что бесцельно прожил свою жизнь, бессмысленно. Даже потомства не завёл. Моя мать, хоть и без мужа и отца, а меня вырастила. А я даже и этого не смог сделать. И для чего прожил жизнь, непонятно. Вот отвезут тебя после моей смерти на жертвоприношение, может, хоть от этого будет польза.

Патрик треплет меня по голове. Я пытаюсь укунить его пальцы. Прихватываю губами, как соску и причмокиваю.

Так мы проводим дни. Проходит несколько лет моей жизни на Земле в бараньем теле. Мне предстоит умереть снова. Я уже точно не боюсь, и мне не страшно, главное, чтобы душа Патрика не заблудилась и не попала в ад. Я проведу его через мостик в рай. И вот Патрик умирает, а мне отрезают голову. Из всех его баранов оставалась только я, потому что была моложе остальных. Других зарезали раньше и съели. Я еле-еле распознаю душу Патрика среди множества других в вязкости. Мне помогают в этом ангелы. Бьёнстри Патрика уже раздираются в разные стороны.

Наконец мне удаётся схватить его и протащить сквозь вязкость в световое пространство. Здесь полгче, хотя тоже выходит спор между ангелами, и его хотят отправить на исправительные работы. Я отстаиваю любимого и говорю, что он ошибся, заблудился, я принесла в жертву для него своё тело барана. С трудом мне удаётся его отвоевать у тёмных цветов, но в светлые тона его не пускают ни в какую.

— Оставь его здесь на некоторое время. С ним ничего не произойдёт. Хуже уже не будет, — советуют мне ангелы. — Вскоре мы проконтролируем, чтобы он попал в рай. Ну и ты не забывай о нём.

— Да уж, теперь постараюсь не забыть. Мы ведь хотели наш эксперимент продолжить.

Ангелы прощаются и исчезают. А я снова оказываюсь в раю. Повесила портрет с бараном, который сама нарисовала, и он мне всегда напоминает мою жертву ради души Патрика. Рисунок помогает мне не забывать о нём.

Глава 10

БЛИЖНЯЯ ЖИЗНЬ

— Ну, наконец-то ты вернулся, — однажды душа Патрика присоединяется ко мне во время трапезы и отдыха на лужайке.

— Да, я вернулся. Кажется, ты меня спасла, — говорит он благодарно.

— Что-то в этом роде, — я улыбаюсь и с нежностью люблю мужем. — Я соскучилась.

— И я тоже, — Патрик обнимает меня и крепко прижимает к себе.

Моя душа растворяется в его душе, проходит сквозь неё и возвращается, и остаётся в ней.

— В следующий раз отправимся вместе, в одно время, чтобы не было такой большой разницы в возрасте, и мы имели большую вероятность встречи на Земле.

— Да, согласен. Лучше отправляться вместе. И то это не исключает вероятность попадания во временную воронку и торможения в ней.

— Попросим ангелов, чтобы убрали с нашего пути разные неожиданности. Это ни к чему хорошему не приводит.

— Гм, попросим, попросим.

— Ты так отвечаешь, как будто не веришь.

— Ой, нет! Да что ты! Верю, конечно, просто устал. Всё, отключаюсь, — душа Патрика устраивается у моих ног прямо на газоне и умолкает.

В это время на Земле проходит ряд войн и катастроф. Минуло ещё примерно триста лет. Здание института разрушено и практически сравнялось с землёй. Но эксперимент продолжается, правда, в полностью автоматическом режиме. По завещанию

Евы оборудование с работающей программой 5 марта 2191 года заключают в капсулу, которую помещают под землёй, на сто метров глубже захороненного в инкубаторе тела Евы. Для этого бурят почти вертикальную скважину и по этому тоннелю спускают капсулу. Вход в тоннель закрывают прочной металлической крышкой с гравировкой «Открыть в 3000 году». Дети Евы и Патрика давно умерли, умерли и их дети и внуки. Правнуки Руди и Амира носят те же имена и очень похожи на своих прародителей. Руди такая же непоседа, а Амир такой же тихоня и амёба. Абсолютно все забывают про эксперимент Евы, и все посылы её души погребены под землёй навечно. Родственные связи нарушены, и потомки одной семьи разбредаются по всей Земле, даже не зная о существовании друг друга. БАК, — большой адронный коллайдер, — запрещён к использованию и демонтирован, так как это угрожает Земле. Учёные сделали вывод, что он своей вибрацией и энергетическими выбросами влияет на земную гравитацию. Вследствие сдвига тектонических плит происходит ряд землетрясений и катастроф, в том числе и техногенных. Человечество, пусть поздно, но всё-таки признало, что коллайдер нарушает все законы природы.

Руди планирует завести потомство, и в капсуле-имбераторе скоро созреет её плод. С тех пор как женщинам запретили рожать и вынашивать детей в связи с возросшей смертностью и ущербом для здоровья, вырос спрос на имитированную беременность — имберацию. Теперь плод созревает в капсуле, где полностью созданы условия, как в чреве матери, и родители самостоятельно следят за его развитием. У Амира тоже созревает плод, и он становится более активным и деятельным. В отличие от естественного протекания беременности, имберация длится двенадцать-пятнадцать месяцев. Медики пришли к выводу, что такое продление фетального периода оказывает адаптивное влияние и способствует появлению более здоровых младенцев, чем через девять месяцев. К тому же оказалось, что продолжительность жизни напрямую зависит от количества месяцев внутриутробного развития. Увеличение срока

до пятнадцати месяцев дало эффект в продолжительности жизни до ста пятидесяти лет.

— Какая хорошенькая девочка! — восхищается мать Амира.

Он так и не смог встретить спутницу жизни и по настоянию своей матери решился вырастить ребёнка самостоятельно. Так же, как и его мать, которая, не встретив любимого мужчину, прибегла к имберации и вырастила Амира.

— Давай назовём её Евой. Это имя одной из первых женщин на Земле. И ещё, моя мама как-то говорила мне, что так звали мою прапрапрабабку. Она была очень умной и проводила эксперименты над душой.

— И чем закончились эти эксперименты?

— Не знаю. Мама это рассказывала, как легенду, и я не очень-то верила в это. И как я ни пыталась найти своих родственников, у меня ничего не вышло.

— Понятно, — Амир рукой приглаживает свои волосы. — Раз такие дела, давай назовём Евой. Мне вообще-то без разницы, имя — не главное.

— Да, конечно, не главное. Просто это мои глупые суеверия. Что если ребёнка назвать именем предка, душа вселится именно в него.

— Ещё месяц, и будем открывать имбератор. Хотя, думаю, наша малышка уже готова увидеть свет.

— Да, как раз прошло двенадцать месяцев. Хотя можно подождать и ещё три.

— Мне кажется, она уже готова.

— И мне так кажется, но, может, лучше посоветоваться со специалистом? Давай вызовем врача.

— Хорошо.

Амир нажимает кнопку вызова врача. В комнате тут же проявляется голографическое изображение доктора в синем платье и платке, сшитыми вместе, что свидетельствует о его квалификации.

— Слушаю вас. Что беспокоит? — участливо интересуется он и пытается разглядеть помещение.

— У нас ребёнок, уже двенадцать месяцев в имберации. Нас интересует, когда его можно выводить в свет?

— Я понял вас. Подсоедините меня к имбератору, — быстро говорит врач, без лишних разговоров приступая к делу.

Амир направляет луч сети на капсулу, и врач перемещается в сторону малыша. Вот он уже повис над имбератором и быстрыми движениями рук с инструментами проводит обследование плода. Он прислоняет невидимые палочки, из которых выходит свет, в устройство подачи энергии к плоду, трогает пальцами крышку инкубатора, проникая внутрь благодаря тепловому эффекту и лазеру в его руках. Наконец процедура диагностики заканчивается. Врач отводит свои волшебные руки от имбератора, спускается и вальяжно располагается в кресле, закинув ногу на ногу. Как будто живой, однако сетевую голограмму выдаёт легкое дрожание воздуха вокруг неё и огоньки видеокамеры в глазах. К этому все уже давно привыкли.

— Итак, ваш ребёнок готов родиться на свет. Все данные о состоянии его здоровья и развития говорят о стойком положительном результате имберации. Можете планировать новую жизнь.

— Хорошо. Отлично! — Амир волнуется. — Тогда это произойдёт завтра.

Он оглядывается на свою мать, которая стоит за его спиной и кивает ему в знак согласия.

— У меня тоже, кстати, завтра родится ребёнок. Мальчик, — врач смущается, что говорит о личных переживаниях, но в последнее время он не может сдерживаться. — Мы с женой Руди так долго ждали этого момента! Раньше никак не могли решиться.

— Это прекрасно! — мать Амира выходит из-за спины сына. — Уже решили, как назовёте?

— Да! Патрик.

— Надо же! Удивительно! У нас в далёком прошлом был родственник Патрик.

— Ничего удивительного нет, мама! Это же не самое редкое имя в мире.

— Да, но... — женщина замолкает на полуслове, недосказав мысль. — Спасибо вам, доктор, за помощь. И добро пожаловать к нам в гости с новорожденным Патриком. Будем рады видеть ваше семейство.

— С удовольствием принимаю приглашение! Я сообщу вам о визите.

Врач исчезает, оставляя после себя облачко света.

— Ну что, Ева, готова увидеть мир? — Амир улыбается и смотрит на малышку сквозь стекло.

Девочка дёргает ногами, сосёт кулачок и улыбается. Комочек жизни, излучающий свет и счастье.

А в это время наши с Патриком души перескакивают из отэспаре в материальный мир Земли и стремительно облетают планету. Мы должны успеть к рождению малышей. Мы должны успеть! Вот уже открывается крышка императора. Амир берёт на руки дочку и шлёпает её. Сейчас она заплачет. Она делает вдох... Воздух попадает в лёгкие ребёнка, и вместе с воздухом моя душа устремляется в новую живую плоть и сущность. В это же время душа Патрика летит к своему младенцу и с первым глотком воздуха входит в плоть сына врача и Руди.

— Она прелесть, — мать Амира, новоявленная бабушка, не отходит от внучки. — Такая живая и шустрая! И в кого, интересно? Мы с Амиром вялые. Может быть, яйцеклетка донора?

— А может, какая-нибудь ваша бывшая родственница? — Руди, держа младенца на руках, располагается в кресле в гостях у Амира. Её муж, врач, гордо стоит за креслом.

— Не знаю даже, о ком подумать. На самом деле была одна, но она не совсем родственница. Она только воспитывала и растила. Она усыновляла своих детей, а не рожала и даже не вынашивала плод в императоре, и не использовала искусственное оплодотворение. Прабабушка всегда восхищалась её поступком. Дать любовь неродным детям, — мать Амира с гордостью представляет свою родословную.

— А что в этом такого? Я бы тоже дал, если бы были брошенные дети. А то ведь в наше время уже не существует ни детдомов,

ни интернатов. Никто не сдаёт детей и не бросает. Даже если с родителями случается несчастье, и ребёнок остаётся сиротой, его сразу же усыновляют другие родственники или посторонние люди. Сейчас дети на вес золота, — врач утвердительно наклоняет голову.

— Это хорошо. Стали ценить детей. В прошлом к ним было плохое отношение. Рассказывали, и фильмы смотрела, — мать Амира пропускает реплику гостя мимо ушей. Она знает, что все так говорят, но мало кто способен на подобный поступок, сопряжённый с большим риском и требующий больших душевных сил.

Руди подносит Патрика к Еве. Та хватает его за щёчку, потом за нос, и тащит к себе. Она всё суёт в рот, и похоже, теперь и Патрика хочет попробовать на вкус. Патрик долбит погремушкой по голове Евы, чтобы она его отпустила. После борьбы младенцы засыпают в обнимку. Амир с матерью и гостями пьют чай и разговаривают.

— Как теперь их разлучать?

— Пусть пока спят. Смотрите, как сладко, как будто прожили вместе долгие годы.

— Да, может, у них родные, близкие души. Мало кто из супругов так спит, с такой великой любовью и нежностью.

Ева во сне закидывает ногу и руку на Патрика, чмокает губами. Во сне она слышит голос внутри себя: «Ура! Я в живом теле! Вот мой папа. А мама где? Похоже, её нет. Ладно, зато есть бабушка, так даже лучше. Какой-то карапуз лежит рядом со мной. Неужели это Патрик?»

— Эй-эй! Ты Патрик? — говорю я.

— Мммм, — мычит в ответ Патрик сквозь сон.

Я кричу долго. Мне суют в рот какую-то резиновую штуку, и старая женщина берёт меня на руки и качает, напевая мелодию. Это очень приятно, умиротворяет и успокаивает. В конце концов я, забыв обо всём, в бессилии засыпаю.

Бабушка умерла, когда мне исполнилось пять лет, и мы с отцом переехали в Испанию. Мы больше не виделись с семьёй врача и Патриком. Я закончила художественную

академию и рисую картины природы, где бы ни была. Причудливые пейзажи, плоды моей фантазии, поражают воображение друзей и людей, которым я показываю свои работы. Я выставляюсь в основном на вечеринках и в творческих мастерских. Как-то меня пригласили на выставку в Ирак, где предложили представить мои работы совместно с творчеством местного скульптора. Фигуры животных, образы неизвестных мне людей приводят меня в восторг. Возле одной женской статуи я останавливаюсь и долго смотрю. Я не могу оторваться от неё, что-то притягивает.

— Нравится? — слышу я голос за спиной.

— Да!.. В ней есть что-то необычное, притягательное, — я поворачиваю голову и встречаюсь взглядом с женщиной.

— Патрик, — он протягивает мне руку, не отрывая от меня пристального взгляда. — А вы Ева, судя по всему. Я издали наблюдал за вами.

Он ведёт себя очень уверенно и с достоинством. На нём элегантный костюм по моде, грязно-зелёного цвета, коричневые ботинки. Он среднего роста, и с уже седыми волосами, несмотря на молодой возраст. А вот очень привлекательную чёрную бородку седина не тронула. Ему около тридцати лет. В его лице доброта и спокойствие.

— Кто это? Эта скульптура, — немного смущённая его взглядом и откровенным признанием, спрашиваю я.

— Вы имеете в виду, кто был моделью для этой скульптуры?

— Мгм, — киваю я в ответ.

— Честно, не знаю. Этот образ пришёл ко мне во сне. Я нарисовал её и потом слепил. В жизни я никогда её не видел.

— Удивительно, почему я не могу оторваться от неё?

— Между вами есть поразительное сходство. Я это обнаружил сразу, как только увидел вас.

— Ах, да. Точно. Что-то есть схожее.

Я вглядываюсь в скульптуру, пытаюсь проникнуть внутрь, в суть. Но ведь это просто камень. Почему же так притягивает? Откуда такое сходство?

— Мы раньше могли где-то встречаться? — спрашиваю я, не в силах разгадать загадку.

— Может, в прошлой жизни? — вопросом отвечает Патрик.

— Я серьёзно спрашиваю.

— В этой жизни я сейчас вижу вас впервые.

— Вы верите в реинкарнацию?

— А вы нет?

Я молчу. Почему он постоянно отвечает вопросом на вопрос?

— Трудно сказать, верю ли я. По всем законам здравого смысла — нет, не верю.

— А здесь нет здравого смысла. Вы можете объяснить чудеса логикой или здравым смыслом? Очень часто в жизни происходит то, что не поддаётся никакому объяснению ни с точки зрения здравого смысла, ни законами физики.

Патрик склоняет голову набок и смотрит изучающе. Я теряюсь от этого взгляда и начинаю краснеть.

— Нет, не могу. Мне, и правда, кажется, что я живу очень давно, и что моя душа знает больше, чем я. Я сама порой удивляюсь, откуда у меня берётся фантазия и как рождаются причудливые пейзажи, которые рисует моя рука. Не я, нет. Это не сознательный выбор цвета, линий. А откуда-то из глубины.

— Вот именно. Я давно уже смирился и не ломаю себе голову. Есть что-то высшее, неподвластное человеческому разуму. Высший разум. Несмотря на технический прогресс, люди по-прежнему остались на том же сознательном уровне, что и в прошлые века. А вот бессознательное до сих пор не изучено.

— Вы психолог? Рассуждаете, как они. Была у меня одна подруга, — улыбаюсь я.

— Нет, скорее философ-самоучка и немного религиовед. Раньше я предполагал, а после убедился в существовании других миров и высшей силы.

— О, Патрик, дорогой! Наконец-то я тебя нашла. Столько людей, невероятно! У тебя никогда не было такого успеха.

К нам с другой стороны зала торопливо, насколько позволяет трость, направляется пожилая женщина.

— Это благодаря Еве, — Патрик снова посмотрел на меня. — Она художница. Мы только что познакомились.

— Очень приятно видеть вас, — улыбается дама. — Ах, вот эта модель для скульптуры! Странно, вы в самом деле только что познакомились?

— Мама, я же говорил, что увидел её во сне.

— Ах, да! Ты ведь любитель снов и сновидений.

— Это моя мама, — успевает вставить Патрик.

— Очень приятно, — я улыбаюсь и немного склоняю голову в поклоне.

— Представляете, он просто помешан на снах. Не так давно он мне стал доказывать, что сны — это путешествие в другой мир.

— Да, именно так. И сны, и смерть тоже.

— Ой, не говори мне про смерть. У меня мурашки идут по коже от твоего спокойного рассуждения о смерти. Будешь в моём возрасте, загробная жизнь будет тебе представляться не так болезненно.

— Ева, позвольте вас пригласить на ужин. Мама, ты не против, если сегодня Ева придёт к нам в гости?

— Конечно, непротив! Наши двери всегда открыты для новых людей и друзей.

— Ева, пожалуйста, не откажите нам в любезности и примите приглашение, — Патрик берёт мою руку и с мольбой смотрит на меня. — Я не прощу себе, если не увижу вас снова.

— Хорошо. Я с удовольствием поужинаю с вами. Тем более, что гостиничная еда меня не совсем устраивает, — пытаюсь я перевести в шутку своё смущение от импульсов, исходящих от Патрика.

— Спасибо большое! Скажите, где вы остановились, и мы заедем за вами вечером.

— В Джаннет Корса.

Мы прощаемся и расходимся. Я направляюсь в свой зал в чувствах, которые ранее не испытывала. Какая-то близость, умиротворение и безмятежность. Меня обволакивает счастье и любовь, и я почти парю над людьми и своими картинами.

— Прекрасная работа!

Ко мне подходит мужчина средних лет и показывает на одну из картин. Я её написала в прошлом году, когда путешествовала по Африке.

— Много красок, зелени и вместе с тем страха. Она возбуждает, я бы так сказал.

— Благодарю, — я вежливо кланяюсь и отхожу в сторону.

Мне необходимо побыть одной. Я оставляю пресс-секретаря-робота и уезжаю в гостиницу. Здесь я расслабляюсь, принимаю ванну, и у меня есть часок, чтобы вздремнуть. Я засыпаю. Просыпаюсь от странного ощущения, что моё тело как будто плывёт по волнам. Его растягивает в стороны в зависимости от волны. Это длится, как мне кажется, минуту, пока я перехожу от сна к бодрствованию. Мне нравится эта тягучесть, и это очень необычно. Когда я окончательно просыпаюсь и, помня ощущения, вспоминаю слова Патрика, что сон — это переход в другой мир, так же, как и смерть. Если это верно, то, что я ощутила, будучи в полусне, и есть переход. Я знаю, что существуют осознанные сны и бессознательные. Об этом мне говорила подруга психолог. Если сейчас у меня был осознанный сон, то, значит, я осознавала свои ощущения, просыпаясь. И это было перемещение. Обычно я просыпаюсь быстро и не осознаю этот переход. А сейчас, под впечатлением от нового знакомства, обсуждения чудес и других миров, со мной произошла это невероятная метаморфоза. Я быстро привожу себя в порядок после сна. Принимаю душ, наношу лёгкий нюдовый макияж, надеваю глухое платье в пол, шляпку, вуаль. Как раз успеваю ко времени, когда в номер стучится белл-бой[□] с приглашением спуститься к автомобилю. Вскоре машина подвозит меня к огаде, за которой виден лес из фиников. Я прохожу через калитку и иду по дорожке. Поют птицы, в воздухе аромат и свежесть. Даже жаркий воздух здесь не так ощутим, как в городе. Моему зору открывается прекрасный сад из роз, окружающий двухэтажный особняк с колоннами и балконами. Большие витражные окна на первом этаже придают ему величественный вид. Мне навстречу выходит Патрик.

— Прошу прощения, что сам не смог заехать за вами. Помимо скульптуры я занят делами. Я представляю здесь филиал института и руковожу обучением студентов.

— Здесь очень красиво и так много фиников! А вот ещё и абрикос, и шелковица. А сколько роз! Потрясающе.

Я наклоняюсь над красной розой и вдыхаю её запах. Патрик наблюдает за мной. Розовая роза пахнет немного по-другому, но также изумительно. А вот белая и коралловая розы. У всех разный аромат.

— Мне больше всего нравится запах коралловой. Он напоминает мне карамель и детство.

— Я рад, что вам нравится. Моя мама всегда мечтала иметь сад из роз. Отец всё сделал для осуществления её мечты. И этот дом, и парк из фиников. Жаль, что он умер.

— Сочувствую, — я поднимаю голову и с состраданием смотрю на Патрика.

Мне хочется сказать, что я понимаю, как это, жить без близких людей. Ведь я всю жизнь прожила без мамы, её заменила бабушка в первые пять лет моей жизни. И даже её я не помню. Мой отец пока жив и поддерживает меня. Но слова застряли у меня в горле, и я ничего не смогла сказать.

— Прошу в дом. Спасибо, что согласились приехать к нам в гости. Это большая честь для нас.

— Да что вы! Я обычная художница, — скромно отвечаю я, опуская глаза.

— Для меня вы... Не буду повторяться, что во сне увидел вас и создал скульптуру, которой не перестаю любоваться.

Мы заходим в дом. Стекланные и хрустальные люстры под потолком тяжестью нависают над полом. Кажется, вот-вот упадут и рассыплются искрящимися брызгами. Мать Патрика с лучезарной улыбкой выходит нам навстречу. Я украдкой щиплю себя, чтобы убедиться, что это не сон, и я не в раю, что я в реальном мире.

— Как я рада снова видеть вас! — приветствует меня она.

— Взаимно! У вас здесь так прекрасно, — восхищаюсь я.

Мы проходим сквозь большой зал, вдоль стен которого стоят диванчики и мягкие пуфики, в столовую. Все комнаты очень большие, просторные и светлые. В столовой сервирован стол на три персоны. Мы садимся и в неторопливой беседе приступаем к ужину.

— Вы знаете, Ева, когда-то в молодости мы приходили в гости к семье, которая обратилась к моему мужу, — он доктор, — за помощью. По невероятной случайности та девочка должна была родиться в один день с нашим Патриком, и её звали Ева.

— А родителей девочки как звали? — спрашиваю я между прочим.

— Не помню, честное слово, не помню! — мать Патрика хмурится, пытаясь достать из памяти давно ушедшие события. — Это же было так давно. Кажется, у девочки не было матери. Только отец и бабушка.

У меня внутри как будто всё оборвалось, и я даже откладываю приборы в сторону.

— Что с вами, Ева? — Патрик замечает моё необычное волнение.

— Меня воспитывал один отец. Бабушка помогала, пока была жива. Всё очень сходится...

— Что вы имеете в виду? — Патрик наклоняется в мою сторону и тоже откладывает приборы.

— Мне отец рассказывал, что у нас есть дальние-дальние предки, которых звали Ева и Патрик. Они были мужем и женой и усыновили двенадцать детей. От них мы и пошли. Мы никогда не общались ни с кем из родственников, по сути, они и не являются таковыми. Это было очень давно, много поколений сменилось. Мы с отцом посчитали, — это примерно триста лет. Моего отца назвали в честь одного из их усыновлённых детей Амиром. Запомнились эти Ева и Патрик, потому что они проводили какой-то эксперимент с душой.

— Ох!.. — мать Патрика роняет бокал на пол и без сознания оседает на стуле.

Патрик выскакивает из-за стола и подбегает к матери. Я подношу стакан с водой. Через некоторое время женщине становится лучше.

— Как ты нас напугала. Что с тобой?

— Действительно, очень много совпадений. Меня тоже называли в честь дальней родственницы, которую звали Руди. А когда ты созрел в императоре, — мама кивает Патрику головой, — я часто приходила к тебе и разговаривала с тобой. Мне как будто слышалось, что кто-то говорит мне: «Я Патрик. Я Патрик. Я Патрик». Поэтому мы так тебя и называли.

— Ты мне никогда об этом не говорила, и отец тоже.

— Мы не считали это чем-то важным и существенным. Я всегда думала, что это ерунда, и мои родители так считали. Просто мама как-то вскользь рассказала об этой давней истории нашей семьи, о том, что у нас в роду принято брать в семью приёмных детей. Моя мама была приёмной дочерью. Её прабабушка тоже усыновила и удочерила пятерых. Но среди её детей вышел конфликт и чуть ли не убийство из-за денег и драгоценностей, которые были у моих прапрабабки и прапрадеда. Моя мама чувствовала некоторую вину и поэтому дала мне имя Руди.

— Вот это ты меня удивила, мать! И почему не рассказывала мне раньше такую интересную историю? Ладно, дело прошлое. Забыли. Значит, по всей вероятности, мы дальние родственники?

— Не кровные, если судить по истории. наших предков удочерили и усыновили, и наши настоящие родители не известны.

— Даже если бы мы были двоюродными братом и сестрой, это ничего не меняет. Значит, вот откуда у меня ваш образ! Что за эксперимент с душой? Интересно. И чем он закончился? И закончился ли вообще? А вдруг мы — продолжение этого опыта?

— Ну что ты такое говоришь, сынок! — мать смахивает слезу со щеки.

— Неспроста я слепил эту скульптуру незнакомой женщины, и её подобие в образе Евы предстало передо мной. Как будто я искал её.

— Мне тоже так кажется. Я тоже не связывала свою жизнь ни с кем, просто жила и рисовала. Меня ни к кому не тянуло и не влекло. А сегодня, стоя возле этой статуи, меня обуяло такое чувство притяжения, и я почувствовала такое влечение, что еле

устояла на ногах. И потом вы, Патрик, и ваша мама... У меня чувство, что я вернулась в свою семью после долгого путешествия.

— Или просто мы встретились, две родные души. Может быть, когда-то мы умерли в других телах и теперь снова возродились.

— Интересно, для чего мы встретились?

— Чтобы снова прожить вместе.

— Как будто тогда мы не были вместе.

— Значит, надо что-то сделать или доделать.

— А может, просто прожить эту жизнь с удовольствием и как можно дольше?

Глава 11

Дуэт иллюзий

— Уважаемые гости и посетители выставки. Сегодня вашему вниманию впервые представлены работы современных мастеров, использующих очень древние методы — скульптуру и рисование красками.

Виртуальный голографический распорядитель представляет мои и Патрика работы в реальном зале дома науки и творчества в Париже.

— Допустим, не впервые, — шепчу я Патрику. — Впервые было при нашей первой встрече.

— Он имеет в виду в Европе, именно масштабная выставка полного собрания работ. Тогда ведь в экспозиции участвовали не все твои картины, и это было в Ираке, а до этого ты выставлялась в маленьких залах и без меня.

— Как это? Практически все мои картины. Ну, кроме тех, которые мне не нравятся. А в остальном ты прав.

— Вот, а я нашёл твои спрятанные картины самыми интересными. И мои труды выставались тогда не все. Так что он правильно говорит, — впервые!

Мы стоим в конце зала. Так лучше видно все работы и всех людей, но мы как бы спрятаны и скромно наблюдаем со стороны.

— В настоящее время лишь единицы творцов используют эти древние обычаи делать что-то своими руками, расходовать физическую силу и энергию, когда можно использовать технику и роботов. Несмотря на то, что почти двести лет ручные работы были под запретом, чтобы отучить людей от всех видов физического труда, полностью отдать всё в руки

роботехнике и направлять все усилия на интеллектуальное и эмоциональное развитие. И вот, сменилось много поколений, и счастливый человек перестал работать физически, и стал полностью этим доволен. Тогда запрет сняли, и некоторые деятели-рукотворцы вышли из тени. Почему же вы, внешне развитые, умные и богатые люди, пренебрегаете тем, что лучше для вас? И тратите свою энергию и силу впустую? Ведь ни за какие богатства не купить себе дополнительно жизненную энергию.

Прожектор перенёс свой луч на нас и замер в ожидании ответа. Я смотрю на Патрика. Конечно, нашим искусством люди занимались почти триста лет назад. Давно уже никто ничего не создаёт своими руками. Используются только резервы мозга, и человек теперь передаёт мысли роботам, а уже те фиксируют их и производят нужные действия после предварительной проверки человеческих идей. Сейчас человечество приближается к середине тысячелетия, пережив атомные войны, наводнение, потепление, и, адаптировавшись к новым условиям жизни, не тратит силы и энергию на бесполезные эмоции. От физических нагрузок появлялась усталость, истощение, разочарование, тщеславие, гордость, зависимость. Физический труд использовали, чтобы уйти от переживаний, тревог, беспокойства, и не проживали эти эмоции. Они накапливались, и в итоге рождались и сменяли друг друга поколения духовных инвалидов. Человечество не развивалось, а наоборот, деградировало. Когда ввели запрет на физический труд, многие зависимые трудоголики ринулись в творчество, лишь бы что-то делать. Поэтому ввели запрет и на творчество как на физический труд. Наконец, через пару поколений люди переродились и перестали трудиться физически, осталось много времени для философских размышлений и осознание себя как духовной личности. Появился виртуальный вид искусства, с помощью компьютерной графики стало возможным создавать такие шедевры, которые не под силу ни одному вольному художнику или скульптору, даже самому талантливому.

— Я в совершенстве владею компьютерной графикой от 3D до 8D. Могу создавать иллюзии. Но всё же мне больше нравится создавать работы своими руками, — отвечаю я.

— Откуда такая тяга к ручным работам? Хотелось бы узнать. Это очень необычное явление в нашей жизни.

— Душа подсказала путь к действию, — коротко, улыбаясь, говорит Патрик.

— Душа? Что вы знаете о душе? Столько много работ, и ничего нет доказанного. Ни-че-го! Ни одного доказательства.

Мы с Патриком переглядываемся. Может, сейчас самое время сказать, открыть людям тайну? Мы ловим мысли друг друга, киваем головой. Открыв тайну, мы не сможем открыть глаза людей, чтобы показать реальность Вселенной.

— Лично я не могу привести никаких доказательств. Но наши далёкие предки занимались научным изучением души, причём не только теоретически, но и поставили эксперимент.

— Уххххх, — прошло эхом по залу.

— Такие сказки рассказывали многие, но за все годы, — и я даже скажу, века, — ничего не было предоставлено в качестве доказательства. Чем докажете вы? И где проходит сейчас эксперимент, о котором вы говорите?

— Программа помещена в капсулу времени. Её местонахождение нам неизвестно.

— А как вы докажете свою причастность к этому эксперименту?

— Никак! Может, мы и не причастны. Есть некоторое ощущение, что мы вовлечены, и всё.

— Мы создадим совместную работу, — вставляю я. — До сих пор мы расходовали свои силы и энергию на личное творчество, а теперь попробуем сделать совместный труд. Этим дуэтом мы докажем, что нашими душами руководит что-то свыше, и мы не можем дать логическое объяснение, почему мы предпочитаем ручной труд.

— Да! — вслух произносит Патрик, чуть придвигается ко мне и шёпотом, почти не шевеля губами, так, что это незаметно окружающим, спрашивает, — Что за дуэт? Ты мне ничего не говорила.

— Позже расскажу. Я просто так сказала. Сама не знаю, что это за работа. Как будто говорю не я, а мой язык, — так же тихо отвечаю я, шурясь от направленного на нас света.

— Понятно. Хорошо, позже обсудим. Мне уже интересно.

— Ловим вас на слове! Тогда в следующий раз ждём великое представление вашей работы. А теперь, дорогие гости, у вас есть возможность созерцать и радоваться работам Евы и Патрика.

Голографическое изображение исчезает, и люди или их голографические посыльные разбредаются по залу. Сложно различить, где реальный человек, а где голограмма, пока не вступишь в контакт. Люди создали себе виртуальных двойников и отправили их в мир, а сами предаются отдыху дома или на природе. Когда голограмма натывается на что-то необычное, она посылает сигнал. Человек реагирует и может взять управление на себя или отправляет ответный импульс о смене задания или поведения.

— Новая голограмма водопада слишком шумно работает, и я бы хотела уменьшить этот шум, но не знаю как, — прохаживаясь вдоль картин, жалуется своей подруге одна из посетительниц с невероятно большими губами и грудью.

— Вызови мастера, — отвечает ей её спутница, похожая на настоящую, если бы не огромные круглые глаза. — Не понимаю, зачем нужны эти картины? И зачем ты меня сюда притащила?

— Так я задала в поисковике вопрос о шумном водопаде, и среди прочего мне выдало информацию об этой выставке.

— Так вон же, смотри, скульптура водопада! — почти визжит от радости глазастая девушка непонятного возраста и тянет свою грудастую подругу в сторону инсталляции. — Вот, написано «Шумный водопад».

— А, понятно! А может, они знают, как сделать его менее шумным?

— Да откуда они-то знают? Они же не делали твою голограмму. У них просто скульптура, — бессмысленная работа и никому не нужная. Со временем вода источит камень, она заржавеет и исчезнет, как и всё. Так что нет смысла что-то создавать.

Их диалог доходит до наших ушей, и мы с Патриком, посмеявшись над глупостью девиц и пожав плечами, выходим из зала. Конечно, мы могли бы воспользоваться голограммами и оставить их вместо себя, но не следуем этому веянию технического прогресса. Как будто так человек лучше развивается. Конечно, в чём-то и лучше, но не в духовном и эмоциональном плане. Когда-то давным-давно люди заболели телевизором, потом интернетом и, не отрываясь, проводили перед экранами часы и даже сутки напролёт. Виртуальный мир и поток псевдоинформации от медиаструктур заменил реальную жизнь. Где бы ни был человек, он не выпускал из рук телефон, смартфон или другой гаджет и смотрел в экран, что-то там искал или с кем-то переписывался. Разве что спал без этих устройств, стал зависимым, почти зомби. Телевизор и интернет превратились в жизненно необходимое условие существования. Потом появился ещё ряд зависимостей, в том числе от роботехники. А теперь голограмма-зависимость. И хотя физический труд запретили, чтобы человек развивался, в целом он остался эмоционально неразвитым.

Мы выходим на улицу. У нас есть немного времени побыть в Париже. Яркое солнце, скрытое за защитным от ультрафиолетовых лучей куполом, заменяющим теперь истощившийся озоновый слой, всё же проникает и даже припекает. Дышать тяжело, и хочется быстрее добраться до помещения с кондиционером или оказаться в прохладе деревьев и кустов в орошаемом парке у дома.

— Давай прогуляемся немного! — предлагает Патрик. — Как ты? Сможешь в такую жару пройтись?

— Да, смогу! Не всегда мы выходим на прогулку в город к людям.

— Так про какую работу ты говорила? Что ты имела в виду под дуэтом?

— Я думаю, что мы вместе сможем создать композицию, ты из камня, а я из других материалов, символизирующих стихии. Всего их четыре: воздух, вода, огонь, ну и камень или земля. Эти элементы появились даже раньше, чем зародилась жизнь.

— Ты хочешь создать работу из этих четырёх стихий?

— Пяти стихий. Ещё пятая — эфир.

— Идея отличная. Буду думать. Я ещё не представляю, как это сделать. Но ведь ты что-то говорила о существовании души и доказательстве её существования. Разве этой работой что-то докажешь?

— Честно, не знаю. Патрик, мне это просто пришло на ум, как наваждение, и я не знаю, откуда это взялось. Может быть, визуализировав и совместив эти стихии, мы изобразим душу?

— Как это?

— Ой, сама ещё не знаю. Или изобразим душу с помощью этих компонентов.

— С помощью этих компонентов можно создать иллюзию тонкой материи. Попасть в другой мир, может, в тот, где находится душа.

— По идее в результате взаимодействия перечисленных четырёх стихий, которые постоянно преобразуются друг в друга, и должна выделиться квинтэссенция — эфир. Только эфир вечен и ни во что не преобразуется, если верить законам химии и физики. По древней мифологии эфир это воздух Богов. Я предполагаю, что это души. Если мы попадём в другой мир, сможем его видеть из своего трёхмерного восприятия и направим туда людей, мы докажем существование души. Вернее, покажем это людям. Надеюсь, тогда они будут больше верить в реальность другой жизни и жизни после смерти как в жизнь в другом мире.

— Это логично, но как это сделать на практике? Или ты хочешь применить голограмму?

— Может, на первом этапе голограмма и будет иметь место, чтобы сразу не шокировать людей.

— Хорошо, надо обмозговать это. Задумка отличная, единственная проблема — её реализовать.

— Это уже не проблема, — улыбаюсь я. — Она уже на поверхности и видна, поэтому её можно будет решить.

— Какая ты у меня умница! Я люблю тебя больше всего на свете, — Патрик обнимает меня за плечи.

— И я люблю тебя! Здорово, что мы встретились, а то без тебя мне было бы сложно осуществлять свои идеи.

— Наша встреча была обусловлена свыше и предопределена. Так что это не наше решение, мы лишь следуем за Пастырем.

Мы возвращаемся в свой дом в Ираке и вскоре приступаем к работе. Энтузиазма у нас хватает, и даже мысль, что что-то может пойти не так, не пугает! Мы наслаждаемся процессом.

— Создадим наподобие вулканического извержения. Идёт горячая лава огня, плавит камень, а воздух и вода его охлаждают, создавая иллюзию преломления пространства.

— Когда долго смотришь на огонь или на струю воды, кажется, что воздух в пространстве меняется и искривляется само пространство.

— Именно так! Если мы будем нагревать камень снизу, он раскалится и начнёт нагревать воздух вокруг. И когда мы сюда же запустим воду, получится преломление. А в результате распада твёрдой материи выделится эфир.

— Вот в этом преломлении мы и создадим душу. То есть изобразим её.

— Как? А, кажется, я понимаю! Будем направлять разные пучки воды и воздействовать на эфир.

— Подточим камень так, чтобы в преломлённом пространстве образовался вакуум, в котором эфир создаст душу.

— И всё это поместим в куб, чтобы можно было транспортировать и, в идеале, поместить в месте, где захоронена капсула с экспериментом нашей древней прародительницы, если её можно так назвать.

— Ещё бы знать, где она.

— Думаю, если задаться целью, разузнать будет нетрудно. Архивы, библиотеки и так далее.

— Тогда я займусь этим, пока ты готовишь среду и зону для искусства. Да, такое ещё никто не изображал! Множество всевозможных иллюзий и голограмм, но только не другой мир в реальности.

Мы выбираем местность бывшей Месопотамии. Это недалеко от дома Патрика и от моря. Патрик договаривается с машиной, которая роет котлован диаметром в тысячу метров и в глубину двести метров в пустынной местности. Песчаная земля легко поддаётся ковшу, как будто здесь раньше уже была яма. Возвращаясь из библиотеки, которую я посещала на протяжении

полугода в поисках информации об эксперименте, я встречаю Патрика в печальном раздумье.

— Земной камень, скорее всего, не подойдёт. Он может не выдержать нагрева и расплавиться, а нам нужен такой материал, который не будет плавиться.

— Может, базальт?

— Думаю, любой местный камень расплавится.

— А где ты возьмёшь инопланетную породу?

— В музее. Например, осколок метеорита.

— Ха, и кто тебе даст?

Патрик смотрит на меня удивлённо.

— Разве кто-то сможет мне отказать? — улыбается он.

— Ах, да, конечно! Я забыла, что ты не отразимый и всемогущий.

— Всемогущий — Бог! А я просто его слуга, и у нас много знакомых и друзей. Ты лучше расскажи, как твои успехи? Нашла что-нибудь?

— Нашла, но меня это очень удивляет и кажется неправильным. Я потратила почти полгода на поиски корней эксперимента «Душа». Много было ненужной и лишней информации. Искала по всей земле, а настоящие корни, где бы ты мог подумать?

— Где? Наверное, где-то здесь, рядом?

— Точно! Как ты догадался?

— Я же отсюда, и мои корни отсюда. Мама ведь рассказывала, не помнишь?

— Ну, во-первых, это всё могло быть просто фантазией, а во-вторых, почему ты считаешь, что ваши предки жили здесь всегда и ниоткуда не иммигрировали. Точно так же корни могли бы быть в Австралии, где жили мы с отцом. Наши родственники в прошлом жили там.

— Много лет прошло, и каждый из нас мог потерять связь с поколениями трёхсотлетней и, тем более, четырёхсотлетней давности. Я просто предположил, вот и всё. И где же находится капсула?

— Насчёт капсулы не знаю ничего, но в Ираке, недалеко от Наджафа, где священное кладбище имамов и пророков, похоронена приёмная дочь Евы.

— Ты и об этом прочитала? Какая молодец!

— Где-то рядом находился институт, в котором проводился эксперимент. К сожалению, данных почти нет, всё, что я обнаружила, было в книге переписки близких родственников, которых посвятили в эксперимент, но с условием не разглашать. К тому же подробностей им не сообщили. Одна из дочерей, Руди, всё проявляла инициативу и хотела разузнать побольше. Она-то и похоронена на этом кладбище.

— Руди?! Так зовут мою маму.

— Может, она и есть её родственница?

— Может и так. Сейчас даже и не понять. Прошло много лет.

— Слишком много совпадений, ты не находишь?

— Да, много! Но, учитывая, что случайностей и совпадений не бывает, можно смотреть на это как на знак и посыл от Вселенной, что мы на верном Пути.

— Координаты места захоронения Руди у меня на чипе памяти, как соберёмся поехать, так и достану. Какие у тебя новости?

— У меня... Да, так себе. Я не очень-то доволен. Не получается. Взял в музее метеорит, а он расплавился. Теперь придётся оправдываться за порчу экспоната. Есть ещё один музей. Он в России находится. Там осколок метеорита, который упал в Челябинске в начале XXI века. Поеду туда. Уже заказал билет. Хочешь со мной прокатиться и развеяться?

— Дай подумаю. Нет, не хочу! Я так устала, лучше отдохну. Да и отец обещал приехать в гости.

— Как знаешь! Тогда увидимся через пару дней. Не скучай здесь без меня.

— Мне никогда не бывает скучно с самой собой. Что-нибудь нарисую водой на камне.

— Попробуй нарисовать душу. Как ты её себе представляешь...

— Ам... Хорошо, попробую.

Я остаюсь одна в доме на колёсах, который мы приобрели для путешествий. Недалеко от меня ждут заданий рабочие-роботы. После того, как был вырыт котлован, Патрик решил их не отпускать и продлил срок аренды. Сейчас они выполняют охранную

функцию, хотя, в общем-то, охранять не от кого. Солнце светит беспощадно, и воздух настолько горячий, что кажется, я нахожусь в духовке и скоро буду жариться. Большую часть времени я провожу в домике, — там прохладно. Под вечер выхожу на улицу, делаю пару мазков бежевой водой на скале. Вода в мгновение высыхает и остаётся пыль от краски, которая при дуновении ветра исчезнет, если её не разогреть и не вплавить в камень. Я пока тренируюсь. Душа мне видится чем-то аморфным, эфемерным. И даже не зная значения этих слов, их хочется применить к описанию души. С буквой «ф». Фиолетовым форте... Фосфорисцирующим, фривольным, фокусом, эфиром. Я рисую букву «Ф» и пускаю разводы в разные стороны. Получается фигура с размытыми границами и гибким основанием. Утомившись, я ухожу спать. В жару усталость приходит быстро. На утро изображение исчезает, и я ухмыляюсь про себя, а вслух произношу:

— Ну вот, улетела душа в рай. Дай только волю...

Сделав утренние дела, пока солнце не жарит, я опять ухожу в домик, сажусь за переписку с отцом. Он подтверждает, что наша древняя родственница Руди жила в Месопотамии. Но вот где захоронили капсулу с экспериментом, или как её найти, он не знает и предлагает мне проверить полученную информацию о месте. Приезд отца в гости отложился, и я, оставив домик на колёсах, беру напрокат машину и отправляюсь в Наджаф. В пути становится прохладнее по мере моего продвижения на север. Я надеюсь, что вернусь до возвращения Патрика. В Наджафе я брожу по кладбищу, которому уже три тысячи лет, и где может быть капсула.

— Есть ли отдельные участки, которые использовались четыреста-пятьсот лет назад? Я ищу захоронение этой давности. Знаю только, что на этом кладбище.

— Пройдите немного вперёд и сверните вправо. Там по датам и годам определитесь.

Я прохожу мимо мемориалов и надгробных плит, на которых написаны слова из Корана. Дата смерти, рождения и инициалы почти спрятаны внизу на плите, сразу и не найти. Потом,

я плохо знаю арабский язык и путаюсь в написании арабских цифр. Постоянно пользуюсь карманным переводчиком. Это занимает много времени. Пока найду букву или цифру, не зная. Вот наконец-то я вижу 2100 год. Внутренне ликую, потом осекаю себя. Рано радоваться, тут так много людей... Я снова обращаюсь к работнику кладбища.

— Здесь в 22 веке была похоронена моя дальняя родственница Руди, и может, там есть информация об одном проводившемся в то время эксперименте с душой.

— Что это такое? — не понимая, смотрит он на меня. Потом что-то вспоминает. — Есть одно надгробье, там тоже написаны эти слова о душе. Я как-то видел.

— Можете мне показать это надгробье?

— Где ж теперь найти его среди тысяч?

— Пожалуйста! Мне это жизненно необходимо.

— Это ваша родственница?

— Да, типа того.

— Как это, типа того?

— Она была приёмной дочерью... А я ищу женщину, которая её удочерила. Она проводила этот эксперимент, — слова путаются, и мне сложно объяснить. — Словом, я надеюсь, что у этой Руди может быть информация о её матери и душе.

— А, понятно, хотя ничего не понятно. Пойдём, посмотрим. Только сейчас жара, полдень. Может, хотя бы после четырёх часов придёшь?

— А, да, конечно. Только здесь у вас ещё не жара по сравнению с югом. Хорошо. Я приду попозже.

Мне пора перекусить, и я направляюсь в отель, где остановилась. Через пару часов мы встречаемся и приступаем к поиску заветных слов и информации. Помощник с кладбища ищет самостоятельно, и я уже вижу капельки пота от усердия. Он всё равно очень добродушен и весел. Что-то его умиротворяет, несмотря на то, что он работает могильщиком. Он даже как будто светится. Внезапно мои фантазии прерывает его радостный крик, что цель поиска достигнута.

— Вот это! Да, помню, почему меня удивило это надгробие. Здесь похоронена ваша Руди, а рядом муж и жена, её отец и мать, похоронены вместе, но с разницей в сто лет, хотя мужчина умер всего на год раньше. Получается, что женщину подложили позже, через сто лет. Это нормально для родственников, например детей или внуков. Но у супругов не может быть такого. Как будто женщина была похоронена где-то в другом месте, а потом её перезахоронили рядом с мужем и дочерью. Но зачем и почему так? Это противоречит здравому смыслу. Вот, а потом я прочитал текст полностью. Поэтому запомнил.

— Понятно, — я пожираю глазами два надгробия, и кажется, сейчас потеряю сознание от охватившего меня волнения. Надгробие Руди тоже рядом. — Спасибо вам большое.

— Да, пожалуйста! Рад был помочь, — он, видя моё смущение, даёт мне бутылку с водой и собирается уйти. — Я пойду, оставлю вас наедине. Вижу, вам очень дороги эти люди.

Я киваю головой и присаживаюсь на плиты, вожу рукой по надписи. Меня уносит куда-то далеко-далеко. Я плыву. От оцепенения меня отрывает вызов. Это звонит Патрик.

— Дорогой, привет!

— Привет! Как ты там? Чем занимаешься?

— Я отлично. Я решила съездить и найти место захоронения Руди, и сейчас в Наджафе. Представляешь, она перезахоронила Еву рядом с Патриком и приготовила для себя место или завещала похоронить себя рядом с родителями.

— Умница. Я имею в виду тебя, ну и Руди тоже молодец. У меня тоже хорошие новости. Мне удалось договориться. Оказывается, в музее выставлены только мелкие осколки, а самый крупный содержится в космической лаборатории. Через главу российского государства, с которым я тоже встретился, и которого мне удалось убедить в необходимости исследования, я получил разрешение, и пороку доставят нам в течение недели.

— О, отлично! И ты молодец!

— В общем, я вылетаю завтра утром и к вечеру буду на месте. Надеюсь, ты уже будешь ждать меня дома.

— Конечно, я постараюсь до вечера управиться. Ладно, тогда до встречи.

— До, встречи. Люблю тебя.

— И я тебя.

Я улыбаюсь. Как здорово любить и быть любимой. Это — основное, что даёт человеку счастье. Наконец, я навожу переводчик на плиту Руди, и он мне даёт текст. Здесь захоронены супруги, её приёмные родители, которые проводили эксперимент с душой. Работавшее оборудование захоронено в капсуле времени. Внизу схема. Надо двигаться пятьсот метров на юг, потом двести метров на восток, в парке фиников под старым пнём. Я фотографирую, последний раз провожу пальцами по плитам и ухожу с кладбища. Сразу направляюсь в указанном направлении. В финиковом парке я теряюсь. Много пальм и ни одного пня. За все эти долгие годы и парк мог разрастись, и пни могли сгнить и рассыпаться. Уже темнеет, а я пока ещё не нахожу ничего похожего на пень или капсулу времени. Вот уже скоро кончится парк, виден просвет. Дальше свалка, которых в этих краях полно. Меня привлекает необычно большое окно среди стволов, плотно усаженных. Я иду в направлении этой прогадины. Передо мной простираются горы мусора. Я быстро вызываю нашу бригаду роботов, которые остались у котлована. Они должны прибыть на место через тридцать минут полёта. Я присаживаюсь на край пригорка. Сейчас дождусь рабочих, дам задание и пойду спать. К утру мусор уберут, и тогда я найду место захоронения капсулы. Чутьё мне подсказывает, что оно именно здесь. На следующий день, когда пространство расчистили, я обнаруживаю очень старый, но ещё довольно крепкий пень, — удивительно! — по всем ориентирам капсула должна быть под ним. Лазерными сканерами роботы обнаруживают на глубине пятисот метров металлический предмет эллипсоидной формы, похожий на капсулу. Убедившись, что нашла то, что искала, довольная, я возвращаюсь к котловану. Вечером приезжает Патрик.

Вскоре из России доставляют метеорит. Довольно большой кусок, тем не менее, котлован слишком велик для него.

— Ничего. Много — не мало, — шутит Патрик. — Установим его с краю.

Сооружаем решётку из стали, на которой размещаем камень. А снизу разводим огонь. Камень разогревается полностью и начинает искрить и сверкать, меняя цвет с чёрного на разноцветие и становится белым. Ни одна капелька не падает с него, тогда как сталь уже начинает плавиться.

— Если сталь расплавится, камень упадёт прямо в огонь.

— Ну и пускай себе падает.

— Зачем тогда решётку делали?

— Чтобы вначале огонь разгорелся как следует.

— Теперь подадим воду струями с разных сторон и под разным давлением, чтобы сделать очертания души.

Вода с шипением ударяется о раскалённый воздух вокруг камня и превращается в пар. Я фокусируюсь на давлении воды и настраиваю каждую струю, чтобы создать фигуру из пара. Получается паровой шар над камнем.

— Как бы придать человеческий облик, сделать очертания души?

— Сейчас.

Я снова провожу расчёты расстояния, массы и давления и корректирую настройки. Добавляю краски. Патрик сооружает вакуумный стеклянный шкаф, который мы располагаем над огнём, с отверстием, в которое устремляется водяной пар, меняющийся в вакууме на эфир. И теперь над камнем появляется зыбкий облик человека, еле-еле, но всё же заметный благодаря краскам и пульсирующим движениям, трепещущий, как развевающийся на ветру флаг.

— Отлично! — Патрик восхищённо смотрит на танцующего эфирного человечка. — Даже не думал, что может так получиться.

— Да, красиво. И правда, похоже на душу. Теперь надо придумать, как это перевезти и водрузить над капсулой.

— И ещё, чтобы это работало вечно. Кто-то постоянно должен поддерживать огонь.

— Да, ты прав. Это было бы идеально.

— Так, у меня есть идея. Наш камень не плавится. Поставим робототехнику на обслуживание и поддержание ресурсов. Заложим программу. Нет проблем, не беспокойся.

Мы переносим инсталляцию в пальмовый лес на поляну к пню. Теперь эта поляна — часть парка, и свалка мусора здесь запрещена. Воссоздаём новый проект над капсулой. Патрик программирует работу этой картины стихий. Территория теперь окружена военными и техникой и охраняется государством. С Парижской выставки прилетает распорядитель и снимает нашу новую работу.

— Вот это по-нашему, по-современному, — довольно произносит он. — А то какая-то мазня и лепня. Здесь же сразу виден научно-технический прогресс и работа мастеров. Работа под названием «Дуэт иллюзий. Душа».

Первые месяцы мы с Патриком постоянно приходим на место установки нашей работы. Приходится разговаривать с паломниками, которые хотят посетить нашу композицию, как будто это могила священного лица. Мы объясняем, что здесь нет останков. И постепенно народ успокаивается, забывает про это место. Тогда мы спокойно уезжаем в своём домике на колёсах и путешествуем всю оставшуюся жизнь. Мы посещаем разные страны на всех континентах, собираем цветы и уникальные диковинные предметы, свойственные только этому уголку Земли. Все собранные сокровища, — так мы называем цветы, растения, камешки, — мы храним в доме у мамы Патрика. Она уже отошла в мир иной, как и мой отец. Так мы постепенно стареем. Время от времени посещаем место захоронения капсулы с нашим дуэтом иллюзий и любимся своим творением. Детей мы не завели, поэтому наш род заканчивается на нас. Но вероятно, мы не единственные из потомков детей Евы и Патрика, и на Земле есть ещё кто-то из наших родственников. И может быть, у них есть дети. Нам это неизвестно. Состарившись, я умираю, и Патрик хоронит меня по всем заведённым местным обычаям.

Глава 12

Божественность

Я снова лечу сквозь миры, проходя разные вероятности развития вселенной и моей жизни. Я осознаю это. Интересно, у всех так? Вот прохожу вязкость, потом разноцветие.купаюсь в волнах красок.

— Это полёт души! — кричу я. — Божественно. Значит, Бог есть. Значит, он всё это создал, и на Земле, и на Небе. И это всё правда существует!!! Жаль, что я не верила твёрдо на протяжении жизни в истину и в высшую силу. Верила, но эта вера у меня была неустойчивая. Я постоянно сомневалась.

— Бог. Бог. Бог, — эхом отзываются мои слова.

А может, здесь нет эха вообще, и это со мной разговаривают ангелы и высшая сила? Они слышат меня, и я не одинока. Какая большая у меня семья, и какие они чуткие! Я вижу удаляющиеся и приближающиеся звёзды. Какие-то размером с луну и солнце, какие-то поменьше.

— Иди к нам! Иди к наам! Иди к нам!

— Нааам! Нааам! Наам! — отзываюсь я на арабском, что значит «Да, да, да!».

— Мы ждём тебя! Здесь хорошо и уютно.

Как будто голоса доносятся со звезды размером с луну. Она сейчас стала большой, по мере приближения к ней.

— Господи, только бы в чёрную дыру не попасть со всеми этими путешествиями по небосклону, — проносится у меня внутри.

— Не бойся. Ты на пути в рай, — так же внутри меня проносится голос.

Кто-то разговаривает со мной телепатически. Пока я плыву, как мне кажется, в одиночестве, я никого не вижу, ни рядом, ни

вдали. Приближаясь к звезде, я начинаю различать расплывчатые силуэты. На меня опускается белая пелена и укрывает с головы до пят. И другие души тоже под белыми, как будто вуальными, покрывалами. Одни стоят просто в ряд, прислонившись к невидимой стене, другие с поднятыми вверх руками тянутся к решётке, которая отделяет вход в другое пространство. Там я вижу дорожку, тянущуюся по небу. Я не могу различить лица, под покрывалами не видно. Они их прячут намеренно или так получается? Хотя, ведь и моё лицо тоже не видно. Наверное, так надо, раз нас всех накрыли вуалью.

— Чего вы тут ждёте? — спрашиваю я у фигуры сбоку от меня.

— Ждём пропуск в рай. Здесь мы отчитываемся за прожитую жизнь, — фигура поворачивается ко мне, но лицо скрыто под белой вуалью.

— И долго надо ждать?

— Кому как. Кто-то не ждёт и сразу попадает, кто-то ждёт постоянно.

— Интересно, от чего это зависит?

— От того, как прожил жизнь. Верующие и праведные не ждут или ждут очень мало. Остальные отчитываются.

— Перед кем? — задаю я вопрос, хотя уже знаю ответ.

— Перед Всевышним Господом миров! Перед Богом!

Я задумываюсь и отплываю в сторону. Я ведь не была верующей, не молилась, не ходила в храмы для молитв и успокоения. Для меня молитвой были кисти и краски. И как же так? Жила по совести, честно, и что теперь? Не молилась, не верила твёрдо, значит, придётся теперь торчать здесь в ожидании? А куда мне торопиться? Можно и здесь находиться. Я на Земле никуда не торопилась и прожила счастливую жизнь рядом с единомышленником, а здесь тем более некуда торопиться. Я оглядываюсь по сторонам. Вокруг души стоят и разговаривают с кем-то невидимым вверху, возносят руки и бормочут на разных наречиях. Иногда между душами возникают споры и перебранки, но их быстро пресекают повисшие огромные кисти для красок. Раз есть кисточки, значит, есть и художники. Уж они-то не лишены

солидарности и помогут мне понять, где я и что мне делать. Я ищу глазами кого-нибудь, похожего на художника, но все под белыми покрывалами, и как среди них найти художников?.. Я подхожу к кисточке и пытаюсь её взять, но мне это не удаётся. Кисть настолько большая, — одна ручка длиной в два моих роста, а пучок в полроста, — и тяжёлая, что не поддаётся. Её ни поднять, ни удержать, и рисовать ею тем более невозможно. Кто же поднимает такую тяжесть, и зачем она нужна? Мой внутренний вопрос не остаётся без ответа. Кисточка поднимается сама и проходит по людям в очереди, подгоняя их к проходу. Типа «проходите, не задерживайтесь». Завороженная увиденным, я не замечаю, как кисточка повисает над моей головой, и гладит, подталкивает меня вперёд своими ворсинками. Я оказываюсь в толпе, хотя не хотела и долго сопротивлялась. Я не люблю толпу. Меня рвут на части из стороны в сторону. На мгновение я оказываюсь в вязкой трясине, в которой так же, как и я, другие души пробираются к свету.

— Что это? — пронсится у меня внутри.

Я оказываюсь то в одном мире, то в другом, передо мной мелькают какие-то картины и образы.

— Это разные вероятности развития, которые можно наблюдать в нематериальном мире вселенной, называемом отэспаре. В одном все не помещаются, — слышу я мужской голос то ли снаружи, то ли у себя в голове. — Ты уже не первый раз перемещаешься, поэтому на твоё восприятие накладывается память о предыдущем перелёте.

— Как это, не первый? И кто ты такой? — спрашиваю я, после того как оглядываюсь, и даже смотрю вверх, но никого не вижу.

— Ты уже умирала, а мы твои ангелы.

— О, так ты не один, вас много?

— Двое.

— Что ещё вы мне расскажете? И долго я буду здесь торчать? Куда я направляюсь?

В ответ повисает тишина. Может быть, перезагрузка? Вряд ли, ангелы не роботы. Куда же они делись? Ладно. Отлично. Я уже

умирала, и вот, снова, значит, родилась, и прожила жизнь, и сейчас я умерла опять, и прохожу то, что уже проходила. Я немного успокаиваюсь. Внезапно меня что-то или кто-то подхватывает и несёт сквозь толпу. Я опять сопротивляюсь.

— Не надо! Я хочу сама всё пройти и посмотреть. Не надо! Отпустите меня немедленно!

Моя просьба тут же исполняется, и я падаю, лечу куда-то вниз. Подо мной кажущаяся белая пелена, но я знаю, что это души в белых покрывалах толпятся в очереди. Чем ближе к входу в зону отчёта и распределения, тем теснее толпа. Они уже почти слились друг с другом в единую массу. Если я упаду на них, они меня разорвут на части от злости, что я обхитрила их всех и обошла. И зачем эти ангелы такое со мной сделали? А, я же сама хотела и ныла, что торчать здесь плохо. Потерпела бы, прошла более или менее спокойно, по очереди. Я пружиню на ногах и зависаю в воздухе. Но оказывается, здесь такая хитрая не я одна. Другие души висят над стоящими в три ряда и пытаются пролезть сверху в дверной проём. Я не хочу лезть без очереди, тем более, не хочу торопиться. Откуда мне знать, что будет после? А вдруг будет хуже, чем сейчас?

— Давно ты здесь? — слышу я голос справа.

— Не знаю, — отвечаю я. — Может быть, день, может, два. А ты? — спрашиваю я и вглядываюсь, стараясь различить лицо под вуалью.

— Так же. Здесь все день-два, и не знают точно.

Мой собеседник выглядит, как большой призрак. Все остальные на его фоне кажутся маленькими. Внезапно открывается дверь, и первые, кто находился рядом с ней, буквально исчезают. Их всасывает в дверной проём, как пылесосом, с немыслимой скоростью и силой. Впрочем, для почти невесомых душ большой силы не требуется. Я попадаю в этот поток, и меня несёт вперёд. Но почти перед самым моим носом дверь захлопывается, и я остаюсь по эту сторону. Со всех сторон на меня нажимают и давят. Кто-то умудряется пролезть сквозь меня, но фигура передо мной каким-то образом откидывает этого внеочередного

призрака назад, и я снова ощущаю, как расплываются все мои кусочки души в чужой душе. Я держусь изо всех сил, чтобы не раствориться и не дать раствориться другим в себе. Как только ощущаю, что кто-то нарушает границы, даю отпор и откидываю наглеца назад. Если бы я была на Земле, я бы, наверное, волновалась, как перед экзаменом, но здесь я ничего не чувствую. По-прежнему многие из стоящих рядом молятся и простирают руки, и смотрят вверх с надеждой быть услышанными. Кто-то плачет и рыдает, просит простить грехи, как будто они знают, в чём нагрешили. Хотя, что это я? Конечно, каждый знает свои косяки. Может, и скрывали их от близких и общества в земной жизни, но здесь никого не обмануть. И даже себя можно обманывать всю жизнь, оправдывая свои плохие деяния здравым смыслом или чем-то ещё, но Всевышнего не обмануть. Он всё видит и знает. Он, как совесть, которая подтачивает и съедает все внутренности человека при жизни, не даёт спокойно спать, жить, приводит человека в постоянно тревожное и беспокойное состояние и в зависимость до тех пор, пока он не раскается и не попросит прощения у Бога, прощающего и милостивого. И пока человек сам себя не простит. Как люди не понимают и не осознают это? Я прокручиваю всю свою жизнь и пытаюсь вспомнить все свои ошибки и заблуждения. Как-то отказала бедняку, просящему милостыню. Я сама была в расстройстве, и мне было не до него. Потом я мучилась и жалела, что не помогла этому несчастному. А значит, я раскаялась. Вероятно, будут спрашивать о тех ошибках, которые я не осознаю или совершила по незнанию. Наша с Патриком успешная работа «Дуэт иллюзий» всегда внушала мне некоторый страх, как будто я затрагиваю что-то запретное. Но уверенность Патрика внушила мне спокойствие. Что же ещё? Что же ещё? Опять внезапно открывается дверь, и меня всасывает внутрь. Я оказываюсь в светлом пространстве. Оно настолько светлое, что не видно другие души, и себя-то не видно. Вот ощутила, как кто-то или что-то врезалось в меня и попыталось проникнуть. Сворачиваюсь комочком, напрягаюсь и сопротивляюсь, как уже научилась не пускать в себя другую

душу. Я оглядываюсь по сторонам. Вокруг белым-бело, и нет конца и края этому свету. Не знаю, куда двигаться, нет никакого направления, поэтому остаюсь на том же месте, просто парю в пространстве. Всё, что происходит, не похоже ни на что, и нет возможности отреагировать обычным образом.

— Художница Ева! — слышу я знакомый голос, как гром и молния.

— Да, я! — пишу я, хотя пытаюсь ответить громко и уверенно.

— Ты провинилась по нескольким пунктам, и мы призываем тебя к ответу.

— Я готова ответить за свои ошибки и грехи. Что я совершила?

Повисает молчание. Я тщетно вглядываюсь в пространство, но ничего не вижу. Тут меня осеняет, что этот голос моего отца.

— Отец, ты здесь?

— Нет, это я говорю голосом твоего отца.

— Амम्म. А тогда кто ты?

— Я Господь твой! Всевышний! Бог миров! Во-первых, ты обвиняешься в том, что не верила в моё существование и не молилась!

— Но я,.. — хочу оправдаться я, но голос меня перебивает.

— Во-вторых, ты создала адский огонь на Земле и накрыла им капсулу времени с проектом «Душа», который сама же создала в прошлой жизни.

— Создала в прошлой жизни? — с трудом верю я в услышанное.

— Да.

— Адский огонь? Но только благодаря огню была возможна иллюзия. Благодаря взаимодействию разных стихий.

— Суть в том, что вы поместили над программой душу, вышедшую из огня. Эта задача неподвластна человеку.

— Но ведь она же вышла из огня, а не осталась там гореть,.. — пытаюсь спорить я.

— Молчать! — громко взывает голос.

Я успеваю открыть рот, но слова застревают у меня в горле.

— Ты помещаешься в синее отэспаре, пока не признаешь свои грехи и полностью не очистишься. Ты можешь хоть сколько себя

оправдывать и защищать. Только мне ведомо, в чём ты заблуждаешься. Я всё знаю и всё вижу. А ты просто человек, которого я создал, и я могу дать жизнь и снова умертвить, и снова дать жизнь.

Меня беспокоит только несколько вещей. Лишь бы в ад не попасть, потому что в мгновение я становлюсь верующей и в рай, и в ад. И где сейчас мой супруг Патрик.

— Нет, это не ад! — ловит мои мысли Бог. — Это один из слоёв отэспаре для людей, совершивших мелкие прегрешения и отмеченных в прошлых жизнях своими заслугами. А твой супруг ещё жив и грустит без тебя. Он ещё нужен там.

Меня выбрасывает из белого пространства. Пока я лечу, удаляясь от белого света, мне навстречу летят другие души. Кто-то облетает меня, но большинство даже не утруждает себя и проходит меня насквозь. Всё вокруг, как лента кинофильма или фотокадр с засвеченной плёнки. Я лечу, как мне кажется, вверх, но это я просто лечу вперёд головой. Периодически мимо меня пролетают огненные стрелы, и я не понимаю, что это такое. И у меня до сих пор нет голоса.

— Это мы поражаем злых духов по приказу божьему, — слышу я внутренний голос.

— Кто «мы»? — так же мысленно спрашиваю я.

— Ангелы.

— Вы со мной? Это хорошо. А то был момент, я спрашивала, а вы не отвечали.

— На некоторые вопросы мы не имеем права отвечать. И вообще, лучше бы тебе привыкать к молчанию. Здесь не любят пустословия и болтовни. На все вопросы ты сама найдёшь ответ, пусть даже не сразу, но найдёшь обязательно.

— А это правда был Бог? Жаль, что я его не увидела.

— Нельзя сомневаться в гласе божьем. Конечно, ты его не увидишь. Это невозможно никому. Его присутствие можно обнаружить в природе вещей, в чудесах, в устройстве вселенной, в его знании обо всём. Тебе надо просто вслушаться в себя, в свою душу и ощутить себя частичкой божественного творения. Может, устойчивая вера и не придёт к тебе сразу, но со временем

она окрепнет, и ты вспомнишь, что глубоко верила и знала о божественном начале всего.

Эти слова проносятся в мгновение, и я оказываюсь в синем пространстве, опускаюсь на такую же синюю поверхность, гладкую и блестящую. Я вытягиваюсь во весь рост и перекатываюсь. Потом встаю, но меня относит от поверхности. Это не очень-то приятно, — не ощущать почвы под ногами и находиться в невесомости. Тут же я снова падаю на гладкую поверхность. И что теперь делать? Вокруг никого нет, даже посоветоваться не с кем.

— Эй, ангелы? Вы здесь, со мной? — пытаюсь спросить я, но не издаю ни звука.

Я стараюсь много думать о них, понимая, что больше мне здесь никто не поможет. Однако они не отвечают. Внезапно меня сбивает какой-то комок, прокатившийся мимо меня. Я пускаюсь вдогонку, всё равно больше заняться нечем. Мне интересно, что же это такое. Может, мы с ним могли бы разговаривать и делиться опытом? Уже кажется, что я его догнала, но он вновь ускользает от меня, оставляя моё любопытство неудовлетворённым.

— Не трать силы и энергию впустую, — слышу я голос и замираю.

— Господи, это ты здесь?

В ответ молчание и тишина, лишь слабое далёкое эхо. «Здесь... Здесь... Здесь...» После многих безуспешных попыток найти себе собеседника или занятие, я успокаиваюсь на том, что могу просто быть и осознавать Бога. Что же, кто же он такой? Что всё видит и знает. Сидит в абсолюте и смотрит на волны суперструн, вибрации бьёнстри душ, как телефильм. Он единый большой дух всего живого во вселенной. Он может всё. Абсолютно всё. От рождения Вселенной до смерти. А также землетрясение, извержение вулкана, потоп, солнечное затмение, звездопад, ветер, дождь, интернет. Ему всё подвластно. Если захочет, он сможет даже оживить мёртвого. Он даёт жизнь, и он её забирает. Бог создал всё живое на Земле: и растения, и зверей, и насекомых. Устроил всё своим порядком и дал каждому по паре. И это только та жизнь, которая видима человеку, но есть ещё и другие жизни

во Вселенной. После смерти. Невидимые человеческому глазу миры, в одном из которых я сейчас нахожусь. Это похоже на земную жизнь, только сейчас я совершенно невидима и неслышима, и я никого не вижу и не слышу, и нахожусь в сплошной синеве, как будто в море или на небе. И здесь всё неподвижно, как замерло. Или я пока ещё не могу воспринимать это пространство, и нужно какое-то время для адаптации? В моём воображении всплывают разные картинки, и я сожалею, что у меня нет кистей и красок, чтобы запечатлеть их. Я вижу тело старенькой женщины под стеклянным куполом, и ко мне откуда-то приходит уверенность, даже знание, что это я. Но я не в этой жизни, не художница, а в какой-то прошлой. Я вижу женщину в бирюзовом цвете, взявшую меня за руки. Родная душа. Вижу себя маленькую вместе с другим малышом, и над нами склонили головы родители, которые заботились о нас. Я уже узнаю малыша по его душе. Это Патрик. Ещё одна родная, близкая душа. Откуда-то ко мне приходят знания обо всём.

— Неужели это луч божественного света проник в меня?

— Он всегда был с тобой, только ты его не осознавала и не понимала его значение, — снова раздаётся внутри меня голос. — Вы, люди, созданы по подобию божьему и души ваши наделены божественным светом и знанием, но вы не замечаете его, и вам проще находиться в невежестве, незнании. Это уход от ответственности и любви.

— Божественный свет... Как красиво он мог бы выглядеть, если бы я нарисовала его. Что же мне здесь делать?

— Осознавать свои ошибки и просить прощения за них, и по возможности исправить их.

— Хорошо! Я поверила в Бога, в его могущество и величие. Но как мне исправить нашу работу на земле? Я не думала, даже не могла предположить, что создаю адский огонь, да ещё и над своим же проектом.

— Тебе надо связаться со своим компаньоном и вместе всё исправить или хотя бы предотвратить последствия.

— А какие могут быть последствия?

— Например, если кто-то вздумает открыть капсулу до 3000 года, они могут ошибиться в расчётах, и ваш камень с огнём и водой, изображающие душу, провалятся и повредят капсулу.

— Кто это вдруг вздумает взломать? До сих пор никто не пытался вскрыть капсулу, она вообще была потеряна среди мусора и финиковых пальм.

— Вы же нашли и разворошили похороненное прошлое. И потом, интерес и знания человека о душе и жизни после смерти увеличиваются, и также увеличивается число противников и невежественных врагов, которые стремятся всё испортить. С одной стороны, не каждый попытается пролезть сквозь огонь, а с другой стороны, это может увеличить любопытство и спровоцировать ошибочные действия.

Я вспоминаю о Патрике и о том, что он на Земле, и он там нужен, как сказал божественный голос. Теперь понятно зачем! Я должна как-то сообщить ему о возможных последствиях и злоумышленниках.

— Я бы хотела попасть на Землю и исправить ошибку! — приходит однажды ко мне озарение. — Патрик ещё там?

— Да! — отвечает мне ангел через какое-то время. — Он уже очень стар и почти всё время проводит в лесу, рядом с финиковым парком и вашей работой «Дуэт иллюзий». Он с трудом проживает свои дни и ждёт встречи с тобой после смерти.

— Он стал верующим?

— Кажется, да! Мы перенесём тебя к нему. Только, как ты уже знаешь, он тебя не увидит и не услышит в привычном для человека понимании.

— Если он стал верующим, я попробую войти в его душу своей душой, и тогда, может, он почувствует сердцем.

Меня начинает что-то всасывать и раскачивать, и кружить так, что я теряю контроль над своей душой. Я как будто растягиваюсь и сжимаюсь с невероятной скоростью. Наверное, это так душу перемещают на землю. Наконец я оказываюсь в знакомом мире, наполненном самыми разными красками. Внизу земля с зелёной травой, вверху голубое небо с белыми облаками

и светящим солнцем. Вокруг стволы деревьев, устремлённые вверх. Я вижу всё в искажённом, преломлённом виде. Вижу дом Патрика. А вот и он сам, сидит на ступеньке и смотрит вверх на голубое небо, проглядывающее сквозь кроны деревьев, мелькающее меж листьев и верхушек пальм с финиками.

— Я здесь! — радостно кричу я и бросаюсь к нему на шею. — Я с тобой.

Я пролетаю сквозь него, а он лишь глубоко вздыхает и трёт глаз. Его душа свернулась в комочек в животе и спит. Когда-то она парила в творческом танце вместе со мной. Неужели он больше не лепит статуи? Я вижу стоящую вазу, которую Патрик слепил в канун моего дня рождения и подарил мне. Подлетаю к этой вазе и стараюсь её сдвинуть с места, чтобы обратить его внимание и привлечь к творческой работе, дать ход и размах его душе. Я проскакиваю сквозь вазу в тщетной попытке её сдвинуть. Так проходит несколько дней и ночей. Патрик спит, ест, молится и сидит возле дома, глядя в небо. В одну из ночей начинается дождь с таким ураганом, что ветки деревьев ломаются и обрушиваются на землю. Ваза тоже падает и разбивается. И когда Патрик на утро выходит из дома, его взгляду предстаёт картина разрухи. И разбитая любимая ваза. Он садится на ступеньку и плачет. Теперь я смотрю на небо и благодарю Господа за помощь. Патрик встаёт, направляется в мастерскую, открывает дверь и принимается готовить глину для работы. Вокруг тишина, нарушаемая только пением птиц. После урагана они радостно прыгают с ветки на ветку, поправляют свои гнёзда, суетятся вокруг потомства. Теперь и душа Патрика просыпается. Необходим был ураган и молния. Молния дарит свет! После бури всегда наступает затишье и безмятежность.

— Почему упала и разбилась именно эта ваза? — разговаривает сам с собой Патрик. — Именно та, которую я подарил Еве. Может, это какой-то знак мне, или Ева что-то хочет сказать? Душа Евы. Душа Евы.

— Да, да! — радостно кричу я. — Какой ты умница, что догадался!

Когда Патрик ложится спать, я всегда ложусь рядом с ним и разговариваю. В эту ночь он видит сон вместе со мной, как мы гуляем

возле нашей совместной одухотворённой работы. Утром он собирается в путь, проверить, как стоит огненный камень, льётся ли вода и парит ли искусственная душа над ней. Теперь он каждую неделю совершает проверку. Когда он подходит к инсталляции, что-то ему кажется не таким, как обычно. Охранник, который стоит у трассы, и в полномочия которого входит охранять дорогу и территорию парка, периодически засыпает на посту от жаркого солнца. Патрик видит свежие следы, кто-то кружил вокруг «Дуэта иллюзий». Его уже слабое зрение улавливает, что камень немного накренился, как будто что-то или кто-то пытался его сдвинуть. Может, недавний ураган? Но композиция сверху накрыта куполом, и вокруг неё дренажный канал. Какое-то беспокойство и тревога поселяются в душе Патрика. Единственная совместная работа с его супругой Евой стоит без пристального присмотра и охраны. А ведь он скоро умрёт. Кто тогда будет заботиться о ней? Так он рассуждает наедине сам с собой, и даже когда молится, мысль о работе не выходит у него из головы. Если когда-нибудь произойдёт ураган или ещё что-нибудь, что разрушит «Дуэт иллюзий», это может повредить и капсулу с программой, захороненной в земле... Наконец он решает поехать в город, в администрацию, и согласовать перемещение «Дуэта иллюзий» ближе к своему дому, чтобы любоваться ним с утра до вечера, а место, где погребена капсула, оставить под куполом, не разглашая, что там есть, сделать памятником архитектуры или искусства, оставив постамент, охраняемый законом. Просто как бывшее место, где стоял «Дуэт иллюзий». Я, довольная, что лёд тронулся, и Патрик занялся полезным делом, которое исправит нашу ошибку и возможные последствия, развлекаюсь, летая по лесу, над озером и постоянно призывая на помощь ангелов и Бога, чтобы облегчить жизнь любимому. В его жизни теперь всё чаще и чаще случаются чудеса и необыкновенные явления, и он начинает улыбаться, чувствуя присутствие божественного и моей души. Однажды приходит письмо от президента, что работа «Дуэт иллюзий» признаётся памятником искусства. Саму композицию разрешено переместить к дому Патрика по праву автора, а на её бывшем месте сооружается постамент с памятной надписью. Высылаются

рабочие, которые обносят забором место памятника, и выставляется охрана с автоматами. Теперь проход только по пропускам и только избранным лицам. Дело сделано, я улетаю обратно в синее отэспаре. Меня останавливают появившиеся ворота и запрет на проход в свой ряд.

— Что случилось?

— Вам снова надо прибыть на отчёт перед Всевышним.

И невидимые силы направляют меня куда-то. Я вливаюсь в поток, и меня несёт с другими душами в неизвестном направлении. Слышу чьи-то голоса, одни взволнованные и испуганные, другие спокойные и умиротворённые.

— Куда мы летим? Что случилось? Зачем всё это?

— Нет смысла волноваться и разговаривать. Вас принесут туда, куда надо. Здесь вы уже ничего не контролируете и ничем не управляете.

— Так мы и спрашиваем у тех, кто главный.

— Ха-ха-ха! Господь не разговаривает со всеми подряд, он всегда занят. А управляющий здесь и главный один, это Бог!

Я внутренне радуюсь, что уже не новичок в перемещениях по микромирам или отэспаре во вселенных и помню прошлые передвижения. И хоть всегда вокруг всё новое, я уже могу догадываться по ощущениям, где нахожусь. Они неприятные в первые мгновения вливания в поток, душу как будто всасывает. Но всё же эти ощущения не такие противные, как во время умирания. Тогда было совсем тошно. Так тянули в разные стороны, как будто рвали на части. Ладно, всё это в прошлом. Поток доносит нас до какого-то предела и ослабевает. Мы медленно парим. Сколько это длится, неизвестно, чувство времени совершенно отсутствует. Сначала я вглядываюсь во тьму неба, разглядываю звёзды, считаю их. Потом полностью расслабляюсь и плыву, даже не плыву, а просто нахожусь в невесомости и, как кажется, в неподвижном состоянии. Когда придёт моя очередь, меня вызовут, направление и скорость потока изменятся. Я терпеливо жду. И вот меняется ветер, течение, и меня выносит опять в то же белое пространство. С непривычки от яркого света режет глаза.

Я вслушиваюсь в тишину. Кажется, что я оглохла. Все слова просто возникают внутри меня беззвучно, телепатически.

— Что ж, я вижу, ты исправила свои ошибки и попросила прощения.

— Да, я старалась, как могла.

— Тогда тебе полагается награда дальнейшей жизнью в раю, где сады Эдема, и реки текут, и плоды фруктовые низко растут. Протяни руку и ешь. И спутник, твой муж, рядом с тобой, и возложите вы на ложах друг против друга, и наслаждаетесь. Нет там ни зноя, ни мороза.

— Ой, хорошо. Спасибо. А мне интересно, как там в аду? Там правда ужасно, как говорят и пишут?

— Я покажу тебе. Смотри же.

Передо мной белое пространство становится красно-бордовым. Языки пламени, озаряя всё оранжевым светом, вздымаются вверх, всё выше и выше. Среди этого огня я различаю человеческие тела, руки, ноги, головы, которые подобно языкам пламени безвольно колыхнутся из стороны в сторону. И тут до меня доходят невероятные крики и вопли ужаса. Оторванные части тела, руки, ноги, уши, глаза разлетаются в разные стороны. Какая-то сущность, вроде бы человек, присела с краю от огня и ест плоды дерева, морщится, запивает из чаши бурлящей, как кипяток, водой. До меня доходит запах гноя и стоваренного мяса.

— Фу, какая гадость! Как же они там, несчастные? Может, им можно даровать хоть какое-то прощение?

— Нет! Мой гнев велик. Их предупреждали много раз, а они ослушались, не верили. Гнались за страстями и властью. И вот им наказание!

— Спасибо, Господи, что пощадил меня и моих близких, и уберёг от огня ада.

— Я милостив к тем, кто верует и совершает благие поступки. Когда ты окажешься в раю, отдохнёшь, придёшь в себя, тогда откроется тебе твоё истинное предназначение и то, что твой супруг Патрик — мой посланник, а ты — его напарница, союзница, компаньон.

— Да, кстати, он будет со мной в раю?

— Да, скоро. Жди его там.

— Спасибо, благодарю тебя, мой Бог!

В ответ я уже ничего не слышу. Красный огонь исчезает, и на его месте снова белое пространство. Я осторожно хочу шагнуть, но ноги меня не слушаются, и меня относит в сторону, пару раз перекувырнув. Дальше меня начинает потихоньку тянуть сквозь белизну, и я оказываюсь в цветовой радуге. Теперь я как будто вижу различные варианты жизней в отэспаре и ряды или струны, в том числе и мой синий ряд, где уже побывала, в ускоренном темпе и уменьшенном размере. Я снова поражаюсь закономерностям в природе. Радуга имеет семь цветов, и каждый её цвет имеет четыре основных оттенка. Самый мягкий и приятный — фиолетовый цвет, а красный самый возбуждающий и отталкивающий. Фиолетовый — самый умиротворяющий и идиллический, красный — тревожный, беспокойный. Когда радуга появляется в видимости на Земле, она отражает Небо в доступном человеку трёхмерном восприятии и напоминает о высшей силе. Законы природы идентичны и на земле, и на небе. И сама Земля и люди на ней — зеркальное отражение развития другой вселенной.

«На седьмом небе от счастья», — так говорила я в детстве, повторяя за бабушкой её слова. Вот значит, что это такое!!! И как красиво и точно Бог создал всё! И небо, и землю, и ночь, и день, и человека, и всё живое, и по паре для всех. Как приятно это осознавать! И своё божественное начало, ведь если бы Бог не вдохнул в человека часть своей души, кем бы тогда я была? Вот поэтому после смерти физического тела душа уходит обратно к Богу. И он распределил и разделил хорошее и плохое, чтобы быть ближе к совершенству. Хорошее — в рай, плохое — в ад. Вот он каков, Бог, управляющий Вселенной и мирами! Остался один, и творит себе подобных, но никто не доходит до его величия и могущества. Я настолько маленькая песчинка в пустыне, — и каждый человек, и душа, — по сравнению со вселенной, со вселенными и мирозданием в целом.

Глава 13

Дальний порядок

Я возвращаюсь в свою божественную семью. Земные родители — это временно, и они всего лишь люди, такие же, как и я. Всё материальное, физическое, внешнее — временное. Постоянно только духовное. Земная жизнь, хоть кажется человеку относительно долгой, в духовном мире это всего лишь один день или даже минута, или вообще один миг. Человеческую реальность определяет случай. Всем правят идея вероятности и процесс наблюдения, измерения. Реальность вселенной зависит от того, откроются ли у человека глаза или, может, третий глаз, или дальновидность, или что-то, что поможет ему видеть больше. Пока я лечу к своим близким и родным, ожидающим меня в раю, на Земле проходят десятилетия. По пути я встречаю разные души, мы обмениваемся энергией и знаниями. Сейчас я оказалась в вязком отэспаре, и мне кажется, что я уже была здесь.

— Я никуда не тороплюсь, — как будто слышу сзади голос. — Мне столько уже пришлось мучиться, что уж точно, хуже не будет.

— А что с тобой произошло? — спрашивает другой голос.

Я поворачиваюсь и вижу позади себя поток душ, почти слипшихся друг с другом. Голоса идут оттуда. Вообще-то стоит гул от множества голосов, но эти вырвались из общего гама, а может, это мне так послышалось.

— Я побывал в аду.

— Да ладно! Сочувствую. И как там? Я всю жизнь жутко боялся попасть туда, и кажется, пронесло.

— Словами не описать. Как будто вытягивают иглами все внутренности. Высасывают, давят, растягивают в разные стороны. И это не прекращается. Я уже хотел умереть, чтобы больше не

ощущать этого. Но там никому умереть не дают, и приходилось снова и снова это испытывать.

— Кошмар, бедняжка, — присоединяется ещё чей-то голос.

— А как удалось выбраться?

— Чудом. Говорят, оттуда никто не выбирается, и все там обречены на эти муки навечно. За меня поручились на земле мои дети и супруга и взяли часть вины на себя.

— Повезло, значит. Видимо, они тебя любят, и ты был не настолько плохим человеком.

— Да. Теперь на исправительные работы отправили. В зелёное отэспаре, кажется. Или синее, не помню. Запуталось всё. Да и не важно. Куда надо, туда и попаду.

— Да, здесь мы не властны управлять своим перемещением и душой.

— Надо же, как всё устроено.

— Конечно, а как вы хотели? Если Бог смог создать человека и всё, что есть и мы видели на Земле, он и на небе способен сделать чудо и совершенство... Для него теорема вероятности и случайности давно доказаны. Если и существует для ущербного человека воля случая, для Бога всё не случайно, а так, как надо и как задумано.

— Ой, куда ты?

Голос начинает удаляться, и собеседники забеспокоились.

— Похоже, что мне в другую сторону. Всего хорошего.

— Понятно. И тебе тоже всего-всего...

Наступает тишина, и я различаю в ней очень глухой треск и тихий шорох. Меня по-прежнему несёт в потоке, в самом его центре. По бокам, спереди и сзади меня окружают бестелесные оболочки, в которых я угадываю человеческие души. Если какая-то душа случайно проходит сквозь другую душу, раздаётся этот слабый треск и шорох от столкновения бьёнстри, и возникает мгновенное неприятное ощущение от вторжения постороннего, как от занозы в теле. Но лишь на мгновение, и тут же проходит. Души повсюду, и не видно им конца и края. Сложно понять, где я нахожусь. На небе или на планете какой-нибудь. Я просто

знаю, что я в параллельном мире, в микромире, в отэспаре. Больше я не вслушиваюсь в разговоры и стенания. Всё понятно, они делятся опытом, как жили и где, в каких отэспаре успели побывать. Но всё же большинство передвигается молча. Им, и мне в том числе, неизвестно, куда мы летим, и нет смысла заглушать эту неопределённость разговорами. Вдруг что-то пропустим. У меня где-то внутри есть уверенность, что ничего плохого не произойдёт. Проходит какое-то время, и поток выносит нас из вязкости в цветочные волны. И теперь я то плыву, то покачиваюсь на волнах, а то меня подбрасывает и опускает, и я погружаюсь в один из цветов. Вскоре снова вынырываю. В каждом цветке я вижу другие души, и везде свои порядки и устои. Я плыву и плыву дальше. Вскоре и цветочные волны заканчиваются, и остаётся сплошной белый свет. А потом открывается невидимая дверь, и я оказываюсь в сказочном пространстве, наполненном разными цветами, растениями, деревьями со спелыми плодами, птицами, их пением и ароматами цветов. Здесь не жарко и не холодно, очень комфортная, приятная температура. Души обретают более чёткие очертания, и, вглядываясь более пристально, я уже вижу полноценные человеческие тела мужчин и женщин. Они спокойно переговариваются друг с другом, периодически протягивая руку и срывая с дерева плод. Им подносят соки и напитки юные девушки и юноши в зелёных атласных одеждах. Все как на подбор, прекрасные и большеглазые. Мужчины и женщины возлежат на ложах друг против друга, а некоторые прогуливаются в парке. Всем примерно тридцать лет, и нет ни одного старого человека. Они, не спеша, что-то спокойно объясняют друг другу или просто разговаривают. Меня никто не замечает, и я, уставшая, устраиваюсь на свободном ложе под кустом облепихи, от которого исходит пряный аромат. Спелые жёлтые ягоды так и манят, и от предвкушения кислого во рту сводит скулы. Я вдыхаю свежий воздух. Блаженство. Закрываю глаза. Лежу так какое-то время без мыслей, чувств и ощущений. Может быть, я сплю? Вскоре передо мной пронесётся поток событий, людей, мыслей, чувств, ощущений. Их очень много, и сперва возникает путаница. Я не могу

вспомнить, кто эти люди, и когда это было. Но точно уверена, что это связано со мной. Через время ко мне приходит понимание, что это всё моя жизнь в ближнем и дальнем порядке. Ближняя и дальняя жизни. Они накладываются друг на друга, и возникает чёткое понимание всего, — истина. Вижу, как я в ближней жизни всегда ищу истину, приближаюсь к ней, но всё равно не могу осознать. Потому что в ближней жизни мне неведома дальняя. Я вижу себя на какой-то конференции, где говорят о ближнем и дальнем порядке, и поражаюсь, как были учёные близки к истине, и насколько точно мои интуитивные догадки подтвердились. Но сейчас мне совсем не хочется ничего искать, ни о чём думать. Мне невероятно хорошо, меня не покидает чувство безмятежности и умиротворения. Полное понимание законов мироздания и тайны вселенной. Это знание рождает спокойствие, которое не свойственно в ближнем порядке и в ближней жизни. Там всё точно и структурно. Система. В системе невозможно понять теорию хаоса и дальней жизни. Теория хаоса и есть истина, непостижимая веками и тысячелетиями, потому что она заключена вне человеческого разума. Это можно ощутить, находясь на другом уровне. Там, где нахожусь сейчас я. Моя душа. Когда-нибудь я вырасту настолько, что стану звездой, и буду освещать галактики. Как только я подумала об этом, как вокруг меня всё стало меняться и переворачиваться. Меня куда-то стало тянуть с невероятной мощью, и я, не в состоянии удержаться, отдаюсь неведомой силе. В мгновение вокруг меня всё становится чёрно-синим, и много-много светящихся звёзд разного размера, ярких ближних и более тусклых подальше. Мимо меня пролетают какие-то светящиеся предметы, как дождь.

— Что происходит? Куда делись все души в человеческой оболочке? Как так всё исчезло в один раз? — недоумённо спрашиваю я пустоту.

Мои вопросы не остаются без ответа и со всех сторон ко мне льются различного тембра мелодии.

— Кто вы? Ангелы?

— Мы звёзды, такие же, как и ты, — звучит вокруг.

— Я звезда? Невероятно! Как это?

— Ты временно перешла из дальней жизни отэспаре в макромир. Ты ещё молода, и мы только показываем тебе твою будущую безмятежную вечность.

— Значит, я оказалась права, что стану звездой?

— Ты всегда была звездой, просто твоя душа путешествует в разных мирах отэспаре и отражает всё вокруг. Мы, звёзды дальнего порядка, для разрядки транслируем свою энергию в другие миры. Это физически необходимый процесс, чтобы энергия не накапливалась, не было взрывов, и для упорядочения хаоса.

Я слышу звуки, выстраивающиеся в слова и фразы. Я вижу всё вокруг, но не могу увидеть себя.

— Интересно, как я выгляжу?

Я жду, но мне никто не отвечает, или я не могу разобрать слова в мерном пении тихо движущихся звёзд. Меня опять начинает тянуть и засасывать. Я вижу преломлённые и искривлённые волны. И меня тащит сквозь них сила притяжения. Опять передо мной зелёные сады и прогуливающиеся души, и воздух с ароматами. Мне нравится находиться и здесь, и со звёздами. Как будто это одно и то же, просто в разных мирах Вселенной и в другом восприятии. Если звёзды транслируют свою энергию в другие миры, значит, они двойники, как зеркальное отражение.

— Ах, вот ты где! — прерывает мои размышления голос.

Я поднимаю глаза и вижу спешащего ко мне Патрика. Конечно же, я его узнаю сразу. Я соскакиваю с ложа и устремляюсь к нему навстречу.

— Давно не виделись. Я соскучился по тебе, — обнимает он меня.

— Да, и я тоже, хотя мне некогда было скучать. Меня то и дело уносит в другие отэспаре и миры.

— А я только что прибыл сюда. Я узнал, что ты ко мне приходила в духовном состоянии, когда я был в телесной оболочке на Земле. Я чего-то не знал и не видел, и ты мне помогла.

— Да, нас чуть было не отправили в ад.

— Шутишь? За что?

— За то, что жили без веры и сделали огонь над землёй и капсулой с программой эксперимента. А это влекло за собой риск тяжёлых последствий. Злоумышленники могли натворить бед.

— Я сделал всё для безопасности и охраны.

— Молодец.

Мы идём, просто куда глаза глядят, иногда останавливаемся, срываем фрукты с дерева и едим. Мы разговариваем, вспоминаем, молчим. Иногда нам навстречу выходят люди, семейные пары, и мы делимся с ними тем что имеем, а они с нами. У нас всех есть бесценный опыт и накопленная энергия хороших деяний. И у каждого они свои, уникальные. Мы наполняем друг друга собой, и от этого становимся счастливее. Как я хочу, чтобы люди знали, что после смерти наступает такое блаженство! Тогда бы они не совершали плохих поступков и не испытывали страх неопределённости. Мы подходим с Патриком к так называемой смотровой площадке. Здесь можно заглянуть в другие отэспаре и миры и посмотреть, как там. Может быть, увидеть кого-то из знакомых. Желающих и интересующихся здесь мало. Никому не хочется смотреть на плохое и страшное. Не то чтобы нет сострадания. Просто мы понимаем и знаем, что всех предупреждали о наказании за грехи. Здесь можно просмотреть все свои жизни и деяния. Это я уже делала, и теперь мне опять интересно, что происходит в других пространствах и в аду. Патрик меня поддерживает. Он находит еле видимую нить, которая держит планковский занавес от других сред. Перед нами, как в кино, открывается картина цветowych волн. Отсюда мы сможем перейти к любому отэспаре и заглянуть туда издалека.

— Пролистаем или сразу пойдём в ад? — спрашивает Патрик.

— Ммгмгмм. Давай сразу, — немного подумав, решаю я.

— Хорошо.

Патрик пролистывает все отэспаре от фиолетового к красному цвету. Останавливается. В красном начинает происходить перемещение, переливы, смещение, волновые импульсы. Сюда постепенно проникает бордовый цвет вперемешку с чёрным. И вот мы видим пылающий огонь и вскоре различаем очертания людей, вернее, их душ. Они трепещут в муках и корчатся.

— Почему-то не доходят звуковые волны, — Патрик озадачен.

— Да, точно. По их виду можно предположить, что они кричат, и очень сильно. О, Господи, посмотри, что делают с этой женщиной! — я в изумлении показываю Патрику в сторону ужасающей картины.

На кушетке лежит навзничь женщина, и её со всех сторон тянут крючками, зацепленными за разные части тела. Они мученически кричит. Внезапно волна звука прорывается в наш мир, и я слышу невероятный вопль множества голосов. Всё это перемешивается в один страшный рёв, не сравнимый ни с чем. Какое-то клочкотание и бурление из человеческих душ. Пьют они кипяток и гной. И хоть морщатся и кривятся, но больше нет ничего, и они вынуждены это пить.

— Да, бедняжки. Немного жалко их.

— А мне не жалко. Они на Земле жили мрачно, грешили на каждом шагу. Вот и результат. Они сами виноваты в своём наказании, больше никто.

— Многие кричат, что они не виноваты, что их кто-то подставил.

— И кто в это верит? Бог ведь всё знает и видит. Многие люди видят причины своих несчастий и бед во внешнем мире, — рассуждает Патрик, наблюдая за жуткими сценами ада.

— Да, проблема внутри. Это ясно, как божий день.

— Это тебе и мне ясно, а большинству нет. У них особое мышление и строение мозга. Если бы хоть воспитание было правильным. А то из века в век передаётся провальный сценарий жизни, и человек идёт по неправильным стопам своих предков.

— И мало кто задумывается как-то изменить свою жизнь, самому измениться, стать лучше.

— А с этим несчастным, посмотри, что происходит.

Одного мужчину так скрючило и перевернуло вверх ногами, что в нём с трудом угадывается человек. Голову всю расплющило в лепёшку, язык вывалился, оторванный, держится на ниточке.

— Хватит, я не могу больше! Покончите со мной! Я хочу умереть! — кричит он.

Патрик сочувственно качает головой.

— Я читала о наказаниях в аду. Человек здесь не может умереть, и будет мучиться снова и снова.

— Бог, не даёт умереть и прекратить мучения. Вот это наказание!.. Жуть. Не повезло тем, кто туда попал.

— Как ты думаешь, где ад находится? В чёрной дыре?

— Думаю, что нет. Чёрная дыра, это что-то типа мусорного ведра. Туда уходит всё лишнее и ненужное. А ад... Где-нибудь в одном из миров отэспаре, противоположном раю.

— По логике, так. А где же тогда земные люди и Земля? И ещё я слышала, что ад и рай — просто в восприятии души на нашем особом духовном уровне, невозможном для антропного описания и понимания.

— Раньше я думал, что ад на Земле, и с тобой, кажется, мы уже обсуждали эту тему. Или где-то очень близко с ней. По логике вещей, ад вполне себе трёхмерное пространство. Значит, ад для людей на Земле и внутри Земли.

— В Земле, в её недрах или на Земле. Точно. Как же порой мучается человек и большинство людей, живя на Земле! Ведь лишь единицы счастливы и получают удовольствие от жизни.

— Здесь ещё нужно учитывать отэспаре, и разные миры в ней, и гравитацию. И всё же это на Земле или внутри неё, уж точно не во вселенной. Попадая в отэспаре, душа наделяется способностью видеть больше, чем человек мог при жизни. И в аду с таким видением всё ещё тяжелее и больнее.

— Помогите! Спасите! Простите меня! О, пожалуйста, простите! — врывается в наш разговор вопль мужчины. — О, прошу вас, простите меня, пощадите!

— Может, не будем это слушать и смотреть, и пойдём? — предлагает Патрик. — Мы всё равно не сможем помочь, да это и не нужно. Бог простит, когда захочет и посчитает нужным.

— Да, сейчас пойдём. Вот только ещё минутку посмотрю внимательно. Кажется, что некоторые даже здесь продолжают наслаждаться. Как будто не понимают.

— Их наказывают, они плачут, взывают о помощи, а потом снова и снова грешат.

— Как глупо и бессмысленно. Может, им нравится страдать?

— Думаю, что именно так, некоторым нравится страдать. Это потребность чувствовать себя жертвой и несчастным. Так снимается ответственность за собственную жизнь.

— Что ж, пойдём. Хватит. В этом просмотре нет ничего приятного.

— Зато очень полезно. Хотя, что уж нам теперь. Если бы при жизни мне показали подобные картинки, я бы ещё больше старалась быть умницей и других бы останавливала.

— Земная жизнь — это экзамен. Никто никогда не знает, какой билет выпадет. Человека проверяют по всем направлениям, и его постоянно сбивает с пути шайтан, сатана, различными соблазнами и удовольствиями мирской жизни. Мало кто может выдержать такое испытание. Искушение велико, и защитные силы психики у человека сильны. Он всегда себя оправдывает, защищает в своих грехах, отрицает их, подавляет, сублимирует, то есть переносит на внешний мир.

— Да, я согласна с тобой и где-то в глубине души всегда знала об этом.

— Поэтому мы здесь, в раю. Ты смогла зайти вглубь своей души и достать это знание, а многие не могут, или выросли не в той среде и культуре.

— Может, я не так выразилась. Не то чтобы знала, скорее, чувствовала, что помимо жизни на Земле есть и другие миры и высшая сила.

— Хорошо, чувствовать ещё лучше, чем знать. Ты выражала свои чувства в творчестве, в своих картинах.

— Сейчас, глядя назад, я соглашусь с тобой. Но тогда, на Земле, я просто занималась наукой, творила, рисовала, и всё. Мне это нравилось. Это шло откуда-то извне, не от меня. Поэтому я стала верить в высшую силу. Я не могла осознать и логически объяснить, что я делаю, откуда берутся фантазии.

— Как будто тобой руководит кто-то, как ты сказала, высшая сила. Ты здесь благодаря науке и творчеству. Хотя ты и не осознавала своих поступков, ты бессознательно шла к истине. Тебя вели по прямой дорожке высшая сила и ангелы.

— Мы ошиблись, когда создали «Дуэт иллюзий» и водрузили его над программой «Душа». Этим мы нарушили ход времени и пространства. В нашем дуэте стихии совмещаются и переходят в различные состояния и пространства. Если бы человек, как и мы, души, мог воспринимать более чем трёхмерные миры, у него исчезла бы необходимость исправлять свои ошибки и возвращаться на Землю и в ад, и мучиться снова и снова, подходя и достигая совершенства. Он бы выбрал путь наименьшего сопротивления или хотя бы более лёгкий. Мы почти приблизились к творению Бога на небе и скопировали его. Этого нельзя было делать.

— Допустим, нас сбил с пути шайтан, мы захотели успеха и исполнились тщеславием. Как будто мы Боги. И ты правильно говоришь, этого нельзя было делать. Мы должны были быть более скромными, оградить и защитить от злоумышленников наш дуэт иллюзий. А мы этого сразу не сделали. Это было самонадеянно и безответственно. Как будто мы родили ребёнка, но растить не стали, а бросили на произвол судьбы, оставили на выживание.

— Да.

Я прислоняюсь к Патрику. Как хорошо рядом с ним! И ничего больше не надо. Вот награда за испытания и экзамен земной жизни. Мы молча сидим и смотрим, как мучаются в огне ада грешники. Глаза и уши уже привыкают к ужасу. Тем не менее, хочется уйти подальше от этого.

— Может быть, всё же пойдём?

— Да, любимый, пойдём.

Мы теперь идём вдоль моря по песочку, который просачивается сквозь пальцы. Рядом нежно шумит морская гладь. Солнца нет, и нам не жарко и не холодно, небо голубое, как и на Земле, и ни одной тучки. Дождей и молний здесь не бывает. Ночь никогда не наступает, всегда день. Спать ложимся, просто когда хочется полежать и отдохнуть.

— На Земле люди привязаны, как в системе, ещё и к ночи и дню. Это очень сильная привязка и зависимость. Хотя и работает множество магазинов и служб по ночам, всё же большинство людей предпочитает ночью спать, — рассуждаю я вслух.

Мы идём по нескончаемому берегу моря, никуда не торопимся. Просто идём. Иногда присаживаемся на песочек. Иногда купаемся и наслаждаемся ласковой водой. Вода переливается и просачивается сквозь нас, мы даже можем идти по воде, когда захотим. Когда захотим, погружаемся и долго находимся под водой. Мы передаём мысли и не разговариваем голосом.

— Чудесная водичка.

— Божественная! — откликаюсь я.

— Смотри, какая необыкновенная рыба.

К нам подплывает не то рыба, не то зверь. Прозрачный, как медуза, с длинным хвостом и плавниками, в толстом круглом теле с вытянутым рыбьим носом и выпуклыми глазами. Подплыв к нам почти вплотную, животное трансформируется в очень длинную змею с лягушачьей головой и множеством лап. Оно обвивает нас. Видимо, хочет поиграть. Я ловлю его импульс, подныриваю под ним и уплываю. Патрик повторяет мои движения. Чудо-юдо змея перевоплощается в кенгуру с птичьей мордой и лапами утки и, высоко выпрыгивая из воды, уносится далеко вперёд.

— Оно играет с нами, — ловлю я звуковую волну от Патрика.

— Да, очень забавно, — отвечаю я. — И мы с ним поиграем.

Вдоволь нарезвившись, мы выходим на берег. Мы — две светящиеся души. В воде мы были, как фонарики, поэтому животное играло с нами и не отпускало. Свечение повторяет контуры тела, лица видны очень расплывчато. Узнаём мы друг друга по духовным импульсам. Кажется, мы заблудились и бродим в других отэспаре. После погружения в ад, мы вышли не прямо в рай, а на берег моря, где купались с животным. Нас предупреждали, что можно потеряться, если посещать другие волны и миры отэспаре. Мы не переживаем. Всё равно, рано или поздно, нас притянет рай.

— А может, это переход в новую жизнь, мир и в новое отэспаре? Как ты думаешь?

— Да, возможно. В раю нам было хорошо.

И мы идём дальше.

— Кстати, раньше мы так не светились, как сейчас, ты не заметила?

— Точно! А я и внимания не обратила. Как будто так было всегда. Может, мы уже звёзды на небосводе, и забавляемся с небесным метеоритом?

— Сейчас мы идём по берегу и песку. Как думаешь, где мы?

— Где-нибудь на Млечном пути.

— Интересно как. Но мы и вправду светимся больше прежнего. Мы звёзды!

— Если так, то я бы хотела быть поближе к тебе, чтобы видеть и чувствовать твои импульсы, и переговариваться с тобой.

— Давай будем держаться за руки, и нас никто не разъединит, — Патрик берёт меня за руку, и мы сливаемся в одно светящееся пятно.

— А я уже пробовала быть звездой, мне показали это отэспаре. Вернее, я думала об этом, и мои фантазии унесли меня в будущую жизнь, — моё лицо очень близко к Патрику, его душа входит в меня, и мы растворяемся друг в друге. — Теперь понятно, почему я сразу не осталась там.

— Ты говоришь про звезду? И почему не осталась звездой?

— Да. Потому что я ждала тебя, и вернулась за тобой. Сейчас мы слились в одно целое, и будем светить вместе.

Нас потихоньку относит обратно в голубую воду. Именно там происходит переход в новое отэспаре, в мир звёзд. Какая-то сила тянет нас на глубину. Мы плывём единым светящимся шаром сквозь водную пелену, и постепенно она сменяется цветовыми волнами. Какое-то время мы плывём в цветковых волнах, мы катимся, нас кружит и болтает. И нам очень весело и комфортно. Постепенно нас засасывает фиолетовая волна и выбрасывает в синее пространство, где видно множество светящихся звёзд кругом и повсюду. Мы сперва замираем на месте, в восторге от удивительной красоты. Звёзды медленно передвигаются и переговариваются, посылая друг другу

импульсы. Сигналы проходят и через нас, и мы можем вступить в диалог.

— Добро пожаловать в звёздную жизнь,— ловим мы импульс, направленный в нашу сторону.

— Спасибо,— отвечаем мы. — И как вы тут живёте?

— Да, хорошо, пока что, слава Богу.

— Чем вы здесь занимаетесь?

— Особо ничем. Просто мы есть, и всё. Бытие.

— А каков смысл вашей жизни?

— В жизни вообще никакого смысла нет. Жизнь дана, чтобы просто быть. Это люди придумывают себе смысл, чтобы не чувствовать себя ненужными и недостойными. У людей жизнь короткая. А мы живём вечность, и зачем нам нужен какой-то смысл?

— Можно придумать хотя бы такой: чтобы освещать небо-склон или для эстетики. Люди смотрят снизу на вас и восхищаются,— говорим мы.

— Ну, если только это. Но нам это не нужно, никакие смыслы, нам и так хорошо просто быть.

— И как давно вы так живёте?

— Не знаем. Здесь у нас нет никакого исчисления, если вы про время.

— Как это? Мы, например, можем сказать, что стали звёздами не так давно. И вы должны знать, как давно здесь находитесь.

— Хмх. Это вам только так кажется, что вы недавно. Сами по себе звёздами вы тут уже давно. Ваши души недавно вернулись. И вы скоро тоже будете говорить, что не знаете, как давно. Здесь память удивительно работает. Вы как будто бы знаете о своих прошлых жизнях, но где и когда это с вами происходило, не помните. Это стирается вместе с иллюзией времени.

— Да, необычно.

Мы замолкаем и наблюдаем за неторопливым движением других звёзд. Иногда идут метеоритные дожди, но нам они не страшны, так как они сторают, приближаясь к нам. А смотрятся очень красиво. Мы видим, как вдалеке круговорот гигантской

силы засасывает слабые звёзды и осколки метеоров в мусорный ящик, которым является чёрная дыра. Некоторые звёзды пытаются сопротивляться, но это им не удаётся. Чёрная дыра работает, как мощнейший пылесос, и она засасывает всё лишнее и отжившее своё. А мы с Патриком, слитые воедино и навечно, освещаем небосклон, как и другие звёзды. Теперь мы никогда не расстанемся, и возможно, мы прошли этот путь, чтобы достичь такого единения и счастья — плыть звездой в небе и светить, наполнять божественным светом все миры, отэспаре и вселенные.

Глава 14

Капсула времени

Светит солнце, дует прохладный ветерок, принося с собой запах гнили и болота. Море цветёт. В конце тридцатого века, после ряда всемирных катаклизмов, землетрясений, наводнений, устанавливается затишье.

— Я вижу объект прямо по курсу, — рапортует молодой моряк судна, курсирующего вдоль Персидского залива. — Это что-то круглое и чёрное.

— Может, акула? — усмехается другой моряк постарше.

— Сейчас увидим.

Молодой направляет подзорную трубу, чтобы рассмотреть объект. На воде покачивается нечто округлое.

— Сейчас я тебя достану.

Моряк выводит в сети программу, и из судна направляются руки-грабли вперёд по курсу неизвестного предмета. Граблями раздвигает зелень, цветущую по всей поверхности моря. Ловко цепляет неизвестную штуку и тащит обратно.

— Вес сто килограммов, эллипсоидный, диаметр два метра на четыре метра по ширине и длине соответственно, — снова рапортует моряк.

— Ни много, ни мало, — снова ухмыляется другой, переключая дымящуюся табакот трубку с одной стороны рта в другую. — Опасно это, однако. Вдруг там взрывчатка, оставшаяся от какой-нибудь войны?

— Да, вполне может быть.

Руки-грабли продолжают тянуть неизвестный предмет. Моряки замирают в ожидании и лёгком страхе перед неведомым. Их трёхмесячное дежурство подходит к концу, и не хотелось бы

нарваться на приключения в конце рейда. Незвестный предмет всё ближе и ближе к судну. Грабли поднимают его над уровнем моря. Никаких изменений.

— Осторожно занеси на палубу,— опасно предупреждает моряк постарше.

— Итак. Что это за непонятная штука?

— Похоже на бомбу.

— А ты видел бомбу?

— Да, в кино про войну. Старые записи как-то смотрел. Хотя не очень-то похожа. У бомбы один конец острый, как у пули. А здесь ровные округлые формы со всех сторон.

Грабли тем временем опускают предмет на палубу. Младший моряк отключает руки-грабли, и они исчезают в борту.

— Здесь как будто крышка люка, такая же круглая. И кажется, на ней что-то написано,— моряк показывает на очертания с одного из боков.

— Да, было написано, но что, сейчас уже не понять, почти всё стёрлось.

— И буквы какие-то незнакомые, иероглифы.

— Постой, давай попробуем разобрать из надписи хотя бы то, что осталось.

— А может, попытаемся открыть? По всей видимости, это крышка. Интересно, как этот тяжёлый предмет смог подняться на поверхность? Столько ила на нём говорит о том, что он долго пролежал на дне.

— Может, лучше доставим его, как есть, на сушу? А там пусть сами разбираются, что с этим делать.

— Да, так лучше. Отправим отчёт о найденном неизвестном объекте.

Моряк связывается с сушей и объявляет о находке.

— Тогда мы будем вынуждены вернуться на неделю раньше. Меньше заплатят. А у меня и так долги кругом,— уныло говорит он, отключив переговорное устройство.

— Не жить же рядом с этим. Мало ли что там. Кто знает? Давай сделаем скан предмета, и может, нам разрешат не торопиться.

Просканировали, внутри оказался какой-то станок древнего изготовления. Отправили. Через пару секунд приходит вызов с суши о срочной доставке объекта. Моряки разворачивают судно и нехотя возвращаются.

На берегу их встречают военные и сапёры. Объект медленно переносят на суши. Со всех сторон его просвечивают лазером в целях обнаружения ядовитых и взрывоопасных веществ.

— Веществ, угрожающих жизни и здоровью человека, не обнаружено, — комментирует один из сапёров. — Вскрытие разрешено.

Надписи на крышке так и не удалось прочитать. Начинают открывать. Очень аккуратно, чтобы не повредить содержимое. С огромным шумом и скрежетом крышка поддаётся и отваливается. Внутри ещё одна, почти такой же формы, капсула. Сапёры после очередной проверки отступают в сторону. Теперь очередь учёных и исследователей.

— Я вижу надпись сбоку, — один из исследователей радостно кричит, направляя свет на область с буквами. — Непонятный язык. Какие-то закорючки.

— Крышка сверху явно подвергалась огневой атаке, — другой исследователь изучает крышку и комментирует. — Она прямо горела или долгое время находилась рядом с огнём.

— Учитывая, что капсула была найдена в Персидском заливе, а это единственный выход к океану в Месопотамии, язык должен быть арабский и цифры арабские. Но они за последние триста лет усилили свои войны, которые и так сопровождают их постоянно, и истребили друг друга, уничтожили полностью. Арабский язык потерял всякую ценность вместе с мусульманскими народами. Ни один из народов Земли не воевал так, как мусульмане, из-за своей веры и течений в ней. Надо найти кого-нибудь, кто знает язык.

— У меня есть один приятель, он лингвист и коллекционер, собирает антиквариат. Как-то он говорил, что у него есть словарь арабского языка, — отзывается другой учёный. — Сейчас позволю, узнаю. Пару секунд подождите, пожалуйста.

Он набирает номер и ждёт ответа.

— Аллюю! — слышен голос на громкой связи.

— Привет! Можешь помочь с арабским языком? Я знаю, у тебя есть словарь.

— Да, где-то был. Но зачем тебе? Этот древний язык уже никто не использует, он стал мёртвым, как и латынь, библейский иврит, древнеегипетский, майя.

— Мы нашли древние записи на арабском языке.

— О, господи! Где ты? Я сейчас же приеду.

Почти через мгновение приезжает удивительно шустрый пожилой мужчина. Большими шагами он подходит к капсуле и всматривается в надпись.

— Да, это арабский язык или персидский. Они очень похожи.

Он поднимает голову, достаёт из внутреннего кармана небольшую книгу.

— Словарь арабских слов и значений, применяемых при чтении Корана. Не уверен, что подойдёт, но попробую. Если человек, который написал здесь послание, был верующим, то шансы разгадать увеличиваются.

Он страстно принимается сверять буквы на капсуле со своей книгой-словарём. Большая часть людей через какое-то время, устав ждать, разъезжается. Над капсулой сооружают защитную палатку, скрывая её от посторонних глаз.

— Итак, здесь написаны следующие слова, — после недельного затишья сообщает лингвист.

«Капсула времени создана 5 марта 2191 года с целью сохранения эксперимента «Душа». Эксперимент начат 28 октября 2094 года. В капсуле находится оборудование, обеспечивающее работу программы контроля импульсов энергетических потоков души. Окончание эта 1 января 3000 года».

— Интересно, сколько времени она находилась на дне океана, пока её не нашли?

— Судя по ржавчине на крышке, примерно пятьдесят лет. Это как раз совпадает с последним большим наводнением. Вполне возможно, что она и не находилась на дне, а её всё это время носило по волнам.

— И что удивительно, мы её нашли в канун четвёртого тысячелетия, как будто кто-то подтолкнул капсулу поближе к людям.

— Если учесть назначение заложенного внутрь капсулы, то всё соответствует, — лингвист нежно поглаживает надпись с выражением умиротворения и блаженства на лице. — Я знал, что существует что-то высшее, духовное. Я много думал об этом. И о душе, и о смерти, и о жизни после смерти, и о вселенной.

— Да, и я думал об этом, и многие задумываются. Просто геополитическая ситуация в мире в последние века не настолько спокойна и стабильна, чтобы задумываться о высокодуховных истинах. К сожалению, — один из учёных приближается к капсуле и рассматривает вязь.

— Да, ситуация в мире нестабильна практически всегда.

— Хорошо. Итак, капсула будет вскрыта 1 января 3000 года. И судя по надписи, логично ожидать, что внутренняя оболочка раскроется сама, по команде заложенной в ней программы. А пока надо её поместить в надёжное место.

— Да уж, после всемирной разрухи, потопа и землетрясений сложно найти что-то надёжное.

— Давайте отвезём её в карьер за городом. Он защищён со всех сторон горами. И землетрясения в этой местности уже пятьдесят лет не происходят. Земля как будто успокоилась.

— Отличная идея. Так и сделаем.

Капсулу осторожно поднимают и ставят в кузов старого грузовика. Отвозят в карьер, делают ограждение. Ставят охрану по периметру. Все с нетерпением ждут назначенного часа. О предстоящем событии объявляют в средствах массовой информации. Со всего мира люди устремляются к месту действия, на территорию бывшего Ирана. Все билеты на самолёты, поезда раскуплены, частные перевозчики заангажированы. Невероятно, что капсулاناшла именно к моменту окончания эксперимента. Все чувствуют приближение чего-то нового, сверхъестественного, обнадёживающего, того, что поможет человечеству жить свободно и спокойно, что избавит людей от войн и различных негативных импульсов.

Наконец наступает знаменательный день. Прибывает более пятидесяти миллионов человек. Люди заполняют всё южное побережье Каспийского моря, потому что именно здесь установлено оборудование для живой трансляции вскрытия. Предприняты все меры безопасности, исключая взрывы и теракты. Отсканирован каждый сантиметр поверхности и каждый человек вплоть до внутренностей. Слышатся весёлые мелодии, мигают голограммы, и в небе повсюду видны вспышки непрекращающегося салюта.

— Церемония вскрытия капсулы времени объявляется открытой, — звучит голос со всех сторон, и в небе появляется многократно повторённая голограмма ведущего.

Звучат фанфары и торжественная музыка. Люди уже давно забыли про праздники, погрязнув в рутинном выживании и серых буднях. На фоне технического прогресса духовный регресс был значительным. Буквальные природные катаклизмы возникли в ответ на небуквальную духовную деградацию человечества. Как будто планета катилась на дно и саморазрушалась с помощью неосознанных действий человека. И разрушилась почти вся, чтобы можно было снова построить новое общество. Единственное, что удержало человека, это надежда на светлое и лучшее будущее. Ведь когда-то, в дальние века, человек был счастлив. Хоть и не постоянно, и не все, но всё же понятие «счастье» человек знал и стремился к нему. В настоящее время люди даже слово это забыли, забыли и любовь, и веру. Осталась надежда.

— Мы долго ждали этого дня и момента, и возлагаем много надежд, пусть даже больше, чем оно того стоит в реальности. Мы долго ждали изменений и надеялись. Мы даже не знали, чего ждём, — продолжает голос, мягко вливаясь в сознание людей. — Верующие ждали спасителя, который придёт, и в мире наступит благоденствие. Чувствуется общая возбуждённость, поэтому сейчас нам всем надо успокоиться и перестать волноваться. Для этого сейчас на нас просыплется манна небесная, и вы сможете её полакомиться.

Ведущий взмахивает рукой, как дирижёр, чтобы создать эффект волшебства, и в ту же секунду с небосвода сыпется вниз

белая вата. Люди ловят её и едят. Накануне специальные контейнеры были подняты вверх над облаками и скрыты пеленой голубого цвета, имитирующей небо и защищающей от ультрафиолета. Много тонн сахарной ваты приготовлено в цехах, и теперь она летит вниз маленькими кусочками. Этот процесс отвлекает людей, тесно стоящих в ожидании, с лиц собравшихся сходит напряжённость, сменяется радостью, появляются улыбки. Сахарная вата приготовлена с добавлением мёда и маточного молочка, насыщена вкусовыми и полезными качествами. В это время начинается подготовка к вскрытию капсулы. Её располагают на площадке, крышкой вверх. Все ждут. Через пять часов ожидания внутри капсулы раздаётся скрежет и мерное тиканье. Электромагнитные установки мерцающим светом обводят контуры капсулы, и она начинает искрить и сверкать. Этот процесс продолжается около получаса. И, наконец, крышка капсулы распахивается, как будто невиданная сила надавливает на неё изнутри. Люди замирают. Даже вата заканчивается и прекращает сыпаться. Всё очень согласовано и идёт гладко, по тщательно разработанному сценарию.

— Крышка открыта, и специалист достаёт коробку, спрятанную внутри, — комментирует действия ведущий для тех, кто слушает трансляцию или незрячий. — Открывает коробку. Внутри устройство, которое стоит на платформе, похожей на пчелиные соты. В каждую соту идёт тонкий проводок. Есть какие-то надписи.

Специалист вглядывается в систему из сот.

— Это летоисчисление. По сто лет каждая сота. Осталась одна пустая. Вижу затвор и думаю, если его повернуть, система придёт в действие.

Сканеры проверяют на наличие взрывчатки. Всё чисто. Фиксируют еле различимый периодичный сигнал, похожий на пульс.

— Это живой механизм. Система продолжает работать. Её запустили в 2094 году, и она до сих пор работает. Поразительно!

— Вероятно, что-то контролирует работу системы извне. Какая-то другая высшая сила.

— Ух-ху-хо-хо-ух-ух, — прокатывается раскатистое эхо над толпой, наблюдающей процесс.

И всё замерло, наступает тишина. Все ждут. Примерно через полчаса мерного тиканья, система начинает пульсировать более усиленно.

— Умная работа. Надо же, более восьмисот лет назад были люди, которые смогли додуматься до такого. Хотя и пахнет примитивщиной и простотой, но это уникальный артефакт.

— Всё гениальное просто!

— В какой-то мере, да.

Звучит мерное бульканье и треск. Микрофон распространяет все звуки, и люди замирают в тишине и ожидании.

— Здравствуйте, дорогие земляне, — внезапно раздаётся уверенный женский голос изнутри системы.

— Ух-ух-хо-хо, — снова прокатывается гул.

— Если вы слышите меня, значит, я могу надеяться, что эксперимент удался, и вы открыли капсулу времени, — продолжает звучать голос повсюду. — Меня зовут Ева. Этот эксперимент был задуман в середине XXI века. Я и мой муж Патрик были организаторами и идейными лидерами этого проекта. Нам удалось сохранить, скопировать мою душу и прикрепить её частичку в системе для отслеживания её движения. Я специально заложила такой длительный срок, потому что была уверена во временной разнице. Сейчас вы сможете наблюдать перемещения моей души после смерти, и это есть доказательство жизни в другом мире после смерти и бессмертия души. Желаю вам, чтобы вы вынесли бесценные уроки из этого эксперимента. Он был создан для вас и вашего счастливого будущего. Всего вам доброго.

Снова звучит треск, и система выводит в небо виртуальный экран. Люди поднимают головы и вглядываются в экран. Пока что на нём рябь и ничего не понятно. Постепенно зрение привыкает к ряби, и уже можно различать еле видимые очертания человеческого тела, которое перемещается в разных зонах вселенной, попадая то в одну полосу, струну, то в другую.

— Смотри, смотри, — какой-то малыш кричит своей маме и показывает пальцем на экран. — Я вижу её!

— Да, и я теперь вижу, — отзывается мама.

Их голоса слышны в динамике, потому что они стоят близко к нему. Вокруг царит тишина, поэтому голос ребёнка слышат все, кто следит за трансляцией. Возбуждение ребёнка передаётся толпе.

— Я тоже вижу! И я тоже вижу! Вот она! А вдруг это фотошоп или монтаж? Точно, это фотошоп! Это обман!

По побережью прокатывается волна голосов. Кто-то радуется, кто-то сопротивляется новому и не принимает. Через некоторое время просмотра исследователи и учёные понимают, что смотреть всю плёнку — это долго. Судя по тому, что за два часа земного времени проходит одна пятая часть первой соты, можно сделать вывод, что здесь информации на сто часов просмотра. В течение этого времени прошло собрание президентов стран.

— На этом торжественное вскрытие капсулы времени объявляется закрытым. Информация после полного просмотра учёными и специалистами будет находиться в хранилище, и эта душа будет первой, чью жизнь мы проследим, — объявляет ведущий, опять повисший в воздухе голограммой.

Изображение ведущего гаснет, и экраны тоже исчезают. Люди расходятся и разъезжаются по домам.

Учёные и программисты просматривают информацию из сот, изучают программу и вскоре получают данные диагностики, а также полную инструкцию по монтажу и настройке оборудования, использованного в эксперименте «Душа». У людей появляется возможность сохранять частички своей души, бьёнстри, создавать копии и просматривать свои прошлые жизни. Решено организовать специальное хранилище и назвать его Бьёнстрибанком. Вскоре срочно выкупают недостроенное здание, предназначавшееся под банк. Оно сконструировано с сейфами и множеством ячеек, и как раз подходит под нужды банка для душ. Бьёнстри Ева1 размещается на самом верхнем месте, под потолком, с соблюдением порядка и количества сот. Это самая

древняя, первая душа, существование которой научно доказано, чей путь показан и зафиксирована передача импульсов. Объявляют о приёме заявок на сохранение своей бьёнстри и захоронение в банке для будущих поколений и развития науки. Люди записываются в банк и выкупают ячейки для хранения своих бьёнстри и передачи наследства поколениям. Студенты с преподавателями посещают и изучают программу сохранения бьёнстри и её путь после смерти человека.

— Я хочу купить себе место номер 12 и для моей жены номер 13,— заявляет один из первых в очереди, по всему виду просто жаждущий новых ощущений и переживаний.

— Номер двенадцатый уже забронирован,— отвечает секретарь.

— Он же ещё не выкуплен, а я готов заплатить двойную стоимость,— не унимается мужчина.

— К сожалению, пока не пройдут сутки, я не могу вам отдать этот номер. Таковы правила бронирования. Возьмите другой, например, четырнадцатый.

— Не хочу другой,— мужчина уже готов расплакаться, такое у него выражение лица. — А когда закончатся сутки этой брони?

— Через десять часов,— секретарь устало смотрит на мужчину, который не понимает и забирает время у других людей, ждущих в очереди.

Звонит телефон, и секретарь, тихо радуясь, что может отвлечься от неприятного клиента, берёт трубку.

— Алло! Бьёнстрибанк. Слушаю вас.

— Здравствуйте, я преподаватель гуманитарного университета, и хотела бы прийти со своими студентами на экскурсию для ознакомления с душами и банком для них.

— Отлично. У экскурсовода есть окно завтра с 16:00 до 18:00. Вас это устроит?

— О, да! Конечно, устроит. Спасибо вам большое, что помогли нам. А то студенты меня уже разорвали с вопросами, а сами сходить не могут.

— Приходите, мы вас будем ждать.

В это время у мужчины появилась какая-то идея, и он потихоньку отходит от секретаря, уступая место следующему. Уже отойдя на некоторое расстояние, он всё же поворачивается и общается:

— Я решил подождать десять часов. Вдруг мне повезёт...

— Хорошо, там есть удобная комната ожидания с мягкими креслами и напитками, — отвечает секретарь, указывая на дверь в боковой стене. Такие клиенты не редкость, поэтому банк позаботился о том, чтобы успокаивать упрямцев и не накалять обстановку в зале приёма заявок. — Моя смена скоро закончится, будет другой человек. Я сообщу ему, что вы ожидаете, и о ваших намерениях.

— О, спасибо!

То ли само пространство Бьёнстрибанка, то ли атмосфера, царившая здесь, то ли сами люди, источающие миролюбие, спокойствие и гармонию, влияют на этого мужчину, поначалу агрессивно настроенного и упёртого, но он становится очень кротким и скромным. Ничего не навязывая, никуда не торопясь, персонал выполняет свою работу по регистрации душ.

Повторяя опыт Евы, создают около тысячи лабораторий и экспериментаторских для сохранения и копирования бьёнстри во всех уцелевших городах земли. Проводят первые опыты, и они увенчиваются успехом. После сохранения бьёнстри микрочип помещается в бокс и отправляется в Бьёнстрибанк. Он пока один на весь мир. Важное условие сохранения души, — человек должен в момент смерти быть в лаборатории. Конечно, это удаётся далеко не всем, а чтобы выкупить койко-место рядом с лабораторией, нужны большие деньги. Правительство пытается наладить массовый выпуск мини-лабораторий, чтобы каждая семья смогла купить её себе домой. Теперь люди оплакивают не только смерть своего близкого, но и душу, если не успевают сохранить её бьёнстри, поместить на чип и отправить в Бьёнстрибанк.

— Поступил вызов скорой помощи к умирающей больной, — приходит сигнал в бригаду скорой одного небольшого городка.

— Быстрее, быстрее. Мы ведь ещё даже не знаем, куда придётся везти больную, — на операционный стол и пытаться вернуть её к жизни, или в лабораторию, чтобы прикрепить бьёнстри к чипу? Мы можем не успеть её переместить после смерти, и тогда потеряем и жизнь, и душу.

— Вообще, говорили, что в приоритете душа, что эта жизнь — просто экзамен, главное — жизнь после смерти. В этом городе больница настолько бедная, что они не смогли себе купить лабораторию, и придётся везти в другое здание, благо, оно недалеко, но всё равно можем не успеть.

— А что говорят родственники? — бригада скорой помощи в последнее время обсуждает один и тот же вопрос.

— Они хотят спасти её жизнь.

— А они в курсе, что если не спасём жизнь, то и душу не успеем сохранить на чип? К сожалению, в нашем городе пока нет лаборатории для сохранения и копии бьёнстри в больнице.

— Не знаю, в курсе или нет. Но когда звонили в скорую, то сказали, спасите жизнь нашей бабушке и маме, а про душу ни слова.

— Это может быть просто игрой слов, а на самом деле они подразумевали жизнь души, а не тела. К тому же они ведь не знают её состояния.

— И мы пока не знаем.

— Хорошо, будем действовать на месте и реагировать мгновенно.

Машина скорой в это время подъезжает по указанному адресу. Врач и санитары выскакивают из автомобиля и устремляются в дом. Нельзя терять ни минуты. Раньше было проще, не было дилеммы, куда везти и что делать. Всегда сразу везли в операционную или реанимацию, и если спасли, то хорошо, если нет, то нет. А теперь ужас какой-то. Если не спасли жизнь, ещё и бьёнстри души не сохранили и потеряли связь с прошлыми жизнями, тогда двойное чувство вины. Потому что частицу души теперь можно сохранить в Бьёнстрибанке. Хоть и оставили право выбора за родственниками, всё равно они потом очень обижаются и злятся, что их не отговорили, видя состояние больного. Но и у врача скорой помощи почти всегда есть надежда на спасение

жизни. До сознания людей пока не доходит, что земная жизнь тела — это вторичное, первичное — душа. Может быть, со временем, через поколения, дойдёт? И люди будут беспокоиться о спасении и развитии души, а не тела. Это первое поколение, которое сохраняет и копирует бьёнстри. Они пока только живут своей верой в эксперимент. Но очень много неверящих и сомневающихся, которые мешают всем начинаниям.

— Да что за бред! Глупости! Какие души? Нет ничего этого, — кричит один полупьяный учёный в очках. — Я всю жизнь преподаю в университете математику. Написал несколько трудов и кандидатскую защитил. Это противоречит всем законам.

— Это ты так говоришь, потому что сам не смог додуматься до подобного, и твоё восприятие лежит вне области чудес и сверхъестественного, — вступает в спор его коллега, преподаватель гуманитарий. — И потом, ты атеист, неверующий, и тебе сложно поверить в то, что не доказано точной наукой.

— У тебя есть здравый смысл? Как можно верить и допускать в сознание эту чепуху? Никакой души нет.

— Вот раз ты так говоришь, может, у тебя её и нет. А взять даже хотя бы душевных больных?.. У них тоже нет души? Когда они рассказывают о своих болезнях и тревогах, как что-то болит внутри, в груди, душа болит. И не могут описать конкретно и точно, как ты, математик. Для духовного нет ничего точного. Это люди чувствуют.

— Не знаю, не знаю, всё это чушь собачья. И какая ещё жизнь после смерти? Бред! Это не вписывается ни в какие законы природы. Есть жизнь, и есть смерть, а вместе это существовать не может. Как есть противоположности во всём. Белое — чёрное, холодное — горячее, смех — плач.

— То, что ты перечисляешь, относительные понятия. С точки зрения твоего восприятия, это может быть так. А для других людей, с другим видением, чувствованием, холодное и горячее может быть размыто, так же, как и белое — чёрное.

— Для меня всё это не буквальное восприятие, а фантом, иллюзия, которой подвержено большинство людей. Мне больше

нравится реальность. Эта сухая, точная, порой жестокая реальность. А всё остальное — самообман.

— Как же? Ведь есть доказательства жизни после смерти. Эксперимент «Душа», например, недавно прогремевший. Ты разве не смотрел? И даже после этого не веришь в существование души?

— Нет, не верю. Может, это шарлатаны, мошенники, придумали, чтобы привлечь к себе внимание и стать успешными и популярными.

— А ты смог привлечь к себе внимание своими трудами и кандидатской?

— Да, какая-то мелочь, — разочарованно машет рукой учёный-математик.

— Может, поэтому ты завидуешь успеху других людей и не можешь поверить в подлинность эксперимента «Душа» и чудо? Так же, как и большинство людей, которые не верят в существование души. Вам проще найти причины, чем возможности, потому что вы не хотите верить. Поверить в жизнь после смерти, это значит отказаться от своих установок, перейти на новый уровень развития, выйти из своей зоны комфорта.

— Нас большинство, и мы в итоге победим. Мы теоретики и реалисты!

— Я не уверен в этом. Однако для вас всегда реальность вселенной будет зависеть от того, насколько откроются ваши глаза.

Гуманитарий задумчиво качает головой, поняв, что переубедить коллегу математика невозможно, впрочем, как и большинство. Требуется время и смена, как минимум, трёх-четырёх поколений, чтобы перепрошить сознание людей. На данный момент только одна пятая часть населения верит в эксперимент и чудо, большинство же остаётся в невежестве и скепсисе. Даже если люди и посмотрели торжественное раскрытие капсулы, вера у них после этого не укрепилась. Учёный-математик, гордо вскинув голову, шагает на лекцию в аудиторию. То, о чём он говорит, остаётся на его совести. Да он и не понимает своего заблуждения. Кто будет считать себя дураком? Необходимо огромное мужество, чтобы признать свои ошибки, что оплошал, что оказался неправ. Нужно быть

сильным человеком, чтобы признать свою слабость. Человек — не Бог и не всемогущий, и это нормально. Однако, человек, используя разум, которым наделил его Господь, считает себя великим и всезнающим. Это всё мирское и несущественно. Жизнь — просто экзамен. Кто сможет его сдать и выдержать все испытания, тому будет подарок после смерти. Поэтому человек наделён разумом, чувствами, ощущениями, телом и душой, которую многие не признают и не считают с ней, а это самое главное. Что в XXI веке, что в XXXI, человечество достигает своего пика в материальном развитии, насколько может, учитывая, что нематериальное, духовное, развитие сильно отстаёт, и Земля отвечает катаклизмами и разрушениями. Земля — тот же живой организм, только огромный и намного сложнее, и когда человечество с роевым интеллектом духовно деградирует, Земля это чувствует и возвращает негатив. Начинается с одного человека, потом с семьи, потом с нации и государства, потом весь мир. И если эту цепочку не остановить, перейдёт в солнечную систему и в конце на вселенную. На вселенском уровне за всё отвечает Бог, и он не допустит разрушения, пока сам не захочет покончить с этим миром. Это ведь его труд, творение, создание. Когда разрушение доходит до критической точки, он вправе остановить его, и пока что останавливает. Он ещё надеется, что человек достигнет духовного совершенства и приблизится к его подобию. Эксперимент «Душа» поддерживался и сопровождался божественной силой как благое начинание на пути к осознанию человеком существования души и доказательства этого. Он всегда поддерживает добрые начинания и намерения, то, что приведёт человечество, детей Его, к счастью и любви.

Глава 15

Родственные души

— Доброе утро, дорогие друзья! Начинаем наш спирунг, на котором мы продолжим изучение истории души, — как всегда перед началом душевного урока или спирунга, учительница приветствует людей, которые смотрят виртуальные уроки и занимаются саморазвитием в любой точке мира, независимо от того, где бы ни оказались, главное — наличие часов или другого устройства с выходом в интернет для запуска сети. — Сегодня мы обсудим передвижение во вселенной первой зарегистрированной души, Евы...

— У меня вопрос!

Приходит сигнал от ученика. Изображение учительницы, прерванной на полуслове, исчезает, и в пространстве появляется голограмма молодого человека с неестественно длинной бородой.

— Известно, что все люди пошли от Адама и Евы. Корни генеалогического древа каждого человека уходят к ним. Можно сказать, что Ева наша всеобщая праматерь. И первая зарегистрированная душа тоже Ева. Однако действия происходят в разное время, даже через очень большой промежуток времени. Как так получилось, что одно и то же имя?

Мужчина поглаживает бороду и так пристально вглядывается вперёд, что каждый, кто смотрит этот урок, представляет, будто взгляд направлен именно на него и вопрос задан именно ему.

— Кто-то хочет ответить или, может, знает ответ?

Учительница выжидает три секунды и быстро отвечает, не дождавшись сигнала. Сигналы поступают позже, но на них уже никто не реагирует. Все знают правила, — спрашивать можно только в течение трёх секунд, пока учитель молчит.

— Есть несколько версий. Одна из них, что это просто совпадение, и другая, что так захотел сам Бог. Вообще, небуквально, совпадений не существует. Всё предрешено заранее и запрограммировано высшей силой.

— Зачем это так надо? Можно было бы сделать разные имена. Какая разница?

Сейчас визуализировалась женщина непонятного возраста. И опять отвечает учительница.

— Для высшего Разума вообще не существует имён. Он различает нас по духовным импульсам, энергетике, форме и структуре бьёнстри, самой маленькой частицы, которыми заполнены души. Имя же придумано людьми и историей, и чтобы человек не путался. Ева означает «жизнь, дарующая жизнь». Тело и душа в земной жизни идут вместе, поэтому Ева — самый идеальный вариант. По этому вопросу уже велось множество дебатов, и в итоге мнения сошлись на том, что это решение Творца.

Учительница молчит в ожидании вопросов, но они не поступают, и через три секунды она продолжает:

— Если вопросов больше нет, я могу продолжить знакомить вас с передвижением души Ева1. Итак, около тысячи лет назад был запущен эксперимент, целью которого являлось доказать людям существование жизни после смерти и существование души вообще. Учёные, которые проводили этот опыт, поставили очень серьёзную задачу. В результате человек должен был стать более уверенным, спокойным, избавиться от тревог и беспокойства, сопровождаемых страхом смерти и неопределённостью. Теперь, получив доступ к данным о предыдущих жизнях своей души, если её бьёнстри были скопированы и сохранились в банке, человек сможет прожить следующую жизнь более наполненно, созидательно и плодотворно, используя весь опыт и потенциал прошлых жизней. Также, перемещаясь в микромире отэспаре, душа может передать информацию о том, как избежать тех или иных ошибок, предотвратить плохое событие.

— А этим может воспользоваться злоумышленник? Узнав будущее, подстроить в настоящем всё для его изменения.

— Как бы ни пытались злоумышленники воспользоваться отэспаре, всё возвращается, как надо и как задумано. Духовность дана свыше и управляется только благими намерениями.

— Насколько мне известно, программу эксперимента поместили в капсулу времени, и вскрыта она была около ста лет назад.

— Да, забегая немного вперёд нашей темы, скажу, что с тех пор банк душ успел наполниться новыми бьёнстри, и в данный момент насчитывает пятьдесят миллионов душ.

— Это не так много, учитывая количество смертей за последнее столетие.

— Именно! Не все бьёнстри удаётся скопировать и сохранить в банке. Кто-то опаздывает попасть в лабораторию, если дома нет собственной. Ведь мини-лабораторию кто-то ещё не приобрёл, а у кого-то вообще нет возможности её купить. Кто-то умер неестественной смертью, например, в результате несчастного случая, или в момент смерти никого не было поблизости.

— Я знаю, что появилась новейшая разработка учёных — портативное индивидуальное устройство для захвата души и копирования бьёнстри, рассчитанное как раз на такие несчастные и неестественные случаи. Человеку в области солнечного сплетения в верхние слои кожи вшивается устройство. Это маленький чип. И как только останавливается сердце, он срабатывает и как бы захватывает душу в момент покидания тела.

— У этого устройства есть ряд побочных эффектов, — возражает другой студент. — Когда случается временная остановка сердца, и человеческую жизнь ещё можно спасти, устройство захватывает душу и больше её не отпускает. Требуется значительно больше времени, чтобы извлечь чип, снять код и выпустить душу, то есть впустить её обратно в оживлённое тело, чем для запуска сердца при обычной реанимации.

— Опять же, возвращаясь к теме, которую обсуждали ранее, напомним, что важнее сохранить душу, чем тело. Раньше, когда не было хранилища, банка для душ, только тело являлось защитной оболочкой и крепостью души, поэтому тело сохраняли в первую очередь. В настоящее время в теле нет острой необходимости.

Насколько нам теперь известно, тело — биологическая оболочка для души в земной жизни. Во вселенском масштабе ощущения мало что значат, соответственно, теряется смысл в самой жизни.

— То есть можно сделать прогноз, что через какой-то период времени жизнь прекратится сама по себе? Как только человек достигнет своего пика духовного развития.

— Как раз это и предполагают многие учёные, — вступает в дебаты женщина с тёмной кожей. — У души всегда было желание вернуться на Землю и что-то доделать, или же её отправляли на исправление ошибок принудительно. Как только человек достигнет такого уровня совершенства, что не будет ошибаться, пропадёт необходимость для возврата и повторного проживания жизней, а просто ради ощущений вряд ли кто-то захочет так рисковать. Куда лучше и приятнее пребывать в безмятежном духовном полёте по миру вселенной.

Теперь у ведущей-учительницы не остаётся возможности говорить, как и почти всегда. Её задача — разогреть публику и вывести её на дебаты и умственные усилия. Поскольку урок пользуется большой популярностью, и в конференц-связи всегда участвует очень много людей, чтобы не было наложения голосов при общении, программа фильтрует участников, сканируя мысли каждого, и опережает возможные вопросы. Так, миллионная толпа делится на тысячи подгрупп по темам, и потом люди опять перемешиваются, в зависимости от мыслей. Вопросы и ответы фиксируются автоматически, и всегда можно вернуться, почитать, проанализировать информацию.

— Я тоже много думал об этом. Я сам учёный-экзистенциалист, — представляется мужчина в годах, с мудрыми глазами, которые и выдают возраст. Лицо же очень молодое и свежее. — По данным статистики, за последние сто лет уровень интеллекта значительно вырос, это говорит о рождении нового генофонда и вырождении старого, отжившего, с бессознательными импульсами и примитивным восприятием.

— А с чем это связано? Неужели именно с открытием существования души и жизни после смерти?

— В большинстве своём именно с этим. Как только это стало доказанным, человек перешёл на новый уровень развития. Никто не спорит, что остались ещё примитивные индивиды и нации, которые не принимают открытий и живут по законам джунглей, как животные или растения.

— И что же станет с этими несчастными и далёкими от прогресса людьми?

— Они постепенно тоже будут развиваться.

— А если не будут? Начнут сопротивляться? Такие всегда существуют. И их очень много.

— Сколько-то столетий они будут возвращаться на Землю и проживать свои жизни, учиться, проходить испытания и экзамены, как мы. В конце концов они осознают, что лучше один раз прожить качественную жизнь и сдать экзамен, чем постоянно рождаться и умирать. Как мне кажется, умирание — процесс, неприятный сам по себе.

— Этот процесс развития, который вы предполагаете, может нарушиться в связи с катаклизмами и природными стихиями.

— Хорошо, давайте не будем фантазировать и делать прогнозы, что и как будет. А вернёмся к истории и фактам, которые уже произошли в реальности, — останавливает ведущая. — Итак, бьёнстри души Евы сохранились и скопированы программой. По всем подсчётам она возвращалась на Землю пять раз.

— Это подсчитано после копирования и после того, как появилась возможность контролировать перемещения, верно?

— Да, у нас нет данных о её перемещениях до начала эксперимента. Итак, первый раз она вернулась сразу же, чтобы собрать родственников и всех приёмных детей. Как известно, у Евы не было кровных потомков.

— Какова была её цель? Я изучал её передвижения и так и не понял, зачем было их собирать?

— Есть версия. Уже сейчас видны всходы её прошлых деяний. Как стало известно, первые души, которые попали в Бьёнстрибанк, это уцелевшие души её приёмных детей, возрождённых много раз и скитавшихся во вселенной. Это стало ясно по

результатам анализов, по схожей духовной связи и ещё несколькими параметрам, по форме и структуре взаимосвязей бьёнстри внутри конкретной души, отличающих родственные души. Из двенадцати нет лишь нескольких. Возможно, они уже рядом с Евой или потерялись, и может, найдутся когда-нибудь, а может, и нет. Вероятно, Ева собрала их, чтобы ещё раз проникнуться душой с ними и запомнить, или заложить в них частицу бьёнстри своей души.

— А почему она этого не сделала при жизни?

— Вероятно, она считала, что этого было недостаточно. Переживала. Мы можем строить версии, лишь опираясь на результат, — почти все дети Евы уже сохранены в Бьёнстрибанке. А каковы были её настоящие мотивы, можно лишь предполагать.

— Получается, что её дело волей-неволей продолжают её родственные души? Ведь она сохранила и скопировала не только свою душу в программе эксперимента, но и сохранила бьёнстри души своих приёмных детей.

— Она встречалась с ними в переходах вселенной, в других мирах отэспаре и в раю, и когда они снова отправлялись на Землю, то всегда брали свои имена, чтобы не путаться.

— А мне сейчас пришла в голову фантастическая мысль по поводу того, что одной из первых женщин была Ева и первая душа именно Ева... А вдруг это всё одна и та же душа возрождалась и возрождалась, и брала себе одно и то же земное имя?

— А это стоящая мысль! Молодец. Я тоже думаю, что это не просто совпадение. Да и не бывает просто совпадений и случайностей. И усыновила она детей для того, чтобы доказать главенство духовной близости, а не кровного родства.

— Как в божественной семье, все любимы Богом. Нет места эгоизму, ревности и зависти.

— Да, это вполне может быть. Ведь все законы природы идентичны, и если у одного дерева, которое покрывается почками и листвой, существует столько рождений, сколько лет оно живёт, то и у души, как у одной из частиц бьёнстри высшего Разума, может быть множество рождений и умираний. И они должны быть

похожи между собой. У разных деревьев разные побеги в то же время схожи в своей сути и рождении. Так и у разных бьёнстри, присущих одной душе, одни и те же имена, форма, структура взаимодействия и духовная близость.

— Душа перерождалась тысячелетиями, невероятно! Сложно представить!!! Тогда моя душа кем-то была раньше, и сейчас у моих будущих потомков есть возможность проследить, кем я был в прошлом, начиная с моей жизни и смерти.

— А можно найти родственников, детей Евы и Патрика, её супруга, и проследить их жизни?

— И какой смысл?

— Во-первых, интересно, а во-вторых, это живая история.

— Это невозможно. Нет точной информации, в какое тело вселяется душа, не факт, что в родственника, а схожих имён миллионы. Вы что, будете проверять миллионы людей на духовную схожесть?

— Нет, конечно! Но должно быть что-то общее и похожее, помимо имени. Что-то должно быть. Как утверждают исследователи, энергетика у родственных душ схожа, также схожи структура и форма взаимодействия бьёнстри.

— Может, фотографии?

— Как на них можно увидеть душу?

— Через глаза. Говорят, глаза — зеркало души.

— Не знаю, не знаю, как на фотографии можно что-то увидеть?

— Есть живые фотографии, и наверняка есть видеофильмы.

— Может, уже кто-то занимался этой историей? Кто-то что-то слышал?

Возникает пауза, никто не откликается.

— Видимо, эта идея до сих пор никому не приходила в голову. Хотя странно, уже прошло почти сто лет с момента вскрытия капсулы и обнаружения программы эксперимента «Душа». Надо порыться в архивах и библиотеках. Не может быть, чтобы эта тема канула в Лету. Что ж, пора заканчивать наш очередной образовательный эфир и спирунг, — резюмирует учительница. — Приглашаю вас завтра на наше путешествие в прошлое. Возможно, мы узнаем что-то новое и приоткроем завесу неизвестного.

Эфир мигает прощальными огнями, растворяется в пространстве каждого смотрящего.

Руди и Амир сидят на берегу моря. Волны набегают одна на другую. После жаркого дня ночь так и не порадовала прохладой, и в воздухе явственно ощущается тяжёлый смог. Руди недавно закончила онлайн-институт и получила сертификат креативного дизайнера автомобилей, и теперь расслабляется после напряжённых экзаменов, глядя на воду и мешая ногой песок. Амир пока не определился с профессией и своим предназначением. После просмотра программы о душе Евы они задумались, каждый о своём.

— Я не понимаю, зачем вообще нужна какая-то профессия? Мне и так хорошо живётся. Зачем нужна эта система?

— Да нет, дело не в системе, дело в самовыражении. Ты как-то странно, не в ту сторону ушёл после просмотра программы. Здесь про духовное, а ты про материальное. Не в тему совсем.

— Не очень-то я верю в эти сказки про душу. Мы живём в материальном мире.

— Макро и микромир пронизывает всё вокруг. Нельзя сказать, что мы живём лишь в одном из них, просто мы, в силу своей ущербности восприятия реальности, не можем увидеть большего. Пока. Сложно поверить в чудеса и в то, что невозможно представить. Но ведь они доказали существование жизни души после смерти тела. Есть программа, и мы теперь можем слышать импульсы из галактики.

— Это может быть сделано театрально и бутафорно.

— Как ты можешь так говорить?! — Руди возмущается и уже начинает злиться. — Ведь капсулу нашли через столько много лет, и на ней это всё написано, и видно, что ей много лет, что она древняя.

— Мало ли что написано и видно. Всё можно подделать.

Внезапно кепка слетает с головы Амира и уносится по воле ветра. Амир вскакивает и бежит за ней. Еле успевает поймать её, уже вываливавшуюся в лужах после вчерашнего дождя. Раздосадованный, он возвращается к Руди на бортик причала, где они любят сидеть по ночам, вдыхая прохладу морского бриза.

— Вот видишь, даже ветер показывает тебе твою неправоту.

— Если бы он показывал мою неправоту, то отнёс бы кепку в море, и я бы её никогда не поймал, — смеётся Амир и обнимает Руди за плечи, успокаивая её.

— Какой же ты! Всегда найдёшь оправдание.

Через пару минут молчания Руди энергично встаёт. Амир удивлённо поднимает голову и смотрит на неё.

— Всё, пошли. Надо узнать о родственниках Евы, и как звали её приёмных детей.

— А куда мы идём это узнавать?

— Пойдём в большую центральную библиотеку и поищем там.

— Ты уверена, что они работают? И зачем это надо, не понимаю. Пустая трата времени.

— А чем ещё сейчас заняться? У тебя есть предложения поинтереснее? Даже если и убьём время впустую, хотя бы подышим библиотечной пылью. Но мне кажется, что мы что-нибудь откопаем.

— Что у тебя за любопытство?

— Не могу объяснить, но у меня какое-то внутреннее чувство. Не могу передать. Как будто что-то или кто-то мной движет. И кто-то мне говорил, что библиотека открыта каждый день и круглосуточно. А ночью я ни разу не была в библиотеке, и это очень даже загадочно.

— Ночь в библиотеке! Это да! Разве что ради этого я соглашусь с тобой. Пошли.

Амир встаёт, бросает прощальный взгляд на море и идёт за Руди, которая быстро семенит впереди. Они подходят к своему летательному аппарату летапу и садятся в него. Он отпружиливает вверх, заводится и двигается, мерно покачиваясь в облаках. Летап — относительно новая разработка автомобилестроения. Он точно такой же, как и автомобиль, только способен перемещаться по воздуху. Сегодня большая облачность и приходится лететь очень низко, чтобы видеть поверхность земли. Иногда летап попадает в облака, и тогда капли влаги садятся на стекло.

— Центральная библиотека, — объявляет робот летапа и начинает медленный спуск.

— Разделимся. Я в исторический зал, а ты в научный. Смотрим газеты, начиная с 2094 года. Ева умерла, и эксперимент после её смерти был под присмотром коллег и родственников. Что происходило дальше, неизвестно до момента, пока не нашли капсулу.

Руди с Амиром выходят возле библиотеки. Это ряд тёмно серых зданий: длинное двухэтажное с высокими колоннами и большими окнами, пятиэтажное квадратное, высокая башня и несколько маленьких домиков. Каждое здание отвечает за разные сектора деятельности человека во все века, пока существует человечество. Амир смотрит на компас-навигатор.

— Тогда мне сюда, а тебе в ту башню,— Амир показывает на длинное двухэтажное здание и башню.

— Желаю удачи. На связи. Если найдёшь что-то интересное, сигнал мне. Надо сперва определиться с направлением поиска. Пока нам известен минимум.

Руди заходит в полутёмный зал со множеством стеллажей, освещённых спотами. Кое-где стоят люди, держа в руках большие толстые книги. Некоторые, используя лифт-зонт, поднимаются вверх и ищут книги под потолком башни. А кто-то уже сидит за столом и, развернув книгу или стопку журналов и газет, жадно изучает информацию. У Амира обстановка почти такая же, кроме парящих под потолком людей: тишина, полумрак, запах старых переплётов и пыли. Руди и Амир погружаются в поиски. Через некоторое время перед Амиром возникает виртуальный образ возбуждённой Руди.

— Амир, ты только представь! В это сложно поверить, но среди приёмных детей Евы были Руди и Амир. Ещё были Кристен и Мила, и ещё другие имена. Их в моём окружении не было.

— Ты хочешь сказать, что детей Евы и Патрика звали так же, как меня и тебя?

— Да, именно! Разве это не поразительно? Мы с тобой можем быть духовными родственниками Евы.

— Ну, это может быть просто совпадением. На конференции говорилось, что должны быть ещё и духовные связи, и энергетика, и другая схожесть помимо имён.

— У меня чувство, что нас связывает нечто большее, чем имена. Я очень часто задумываюсь о душе и чудесах, и мы много говорим об этом.

— Мы скорее спорим, потому что я отрицаю наличие души и духовного в жизни.

— Возможно, это твоя защита — отрицать всё. С чем-то ты боишься сталкиваться.

Руди демонстрирует найденные факты из исторического архива.

— Вот, смотри, семейная фотография. Здесь даже есть дата 24 июля 2086 года. Собралась вся семья. Вот Ева и Патрик в уже преклонном возрасте, но глаза светятся и очень живые, счастливые и добродушные.

— Большинство детей со своими семьями и со своими детьми и внуками.

— Да, конечно. Детям и даже внукам уже тоже немало лет. Вот, подписано, кто здесь кто. Вот этот слева — Амир, с мальчиком на руках. Рядом его жена. А с ней какая-то полная тёмнокожая. Вот, подписано, — Мила.

— Надо же, Амир, какое странное совпадение! — изумляется Амир. — А вот Милу не припомню.

— А вот здесь, на переднем плане, Руди. Красивая и уверенная женщина. Почти, как я, — Руди смеётся.

— Тихо ты! Да, вы и вправду чем-то похожи. Ну, а вот смотрю на Амира, и никакого сходства не вижу.

— Почему же? У вас обоих карие глаза. И взгляд похож. Ты только представь и поверь, что мы духовные родственники, и в нас живёт их душа. Она столько должна уже знать и видеть! Колоссальный опыт!

— Жаль, что нам не дано услышать голос души и последовать её зову и направлению. Тогда было бы намного меньше ошибок в жизни.

— У неё очень слабый голосок, и тихий. Его можно услышать только в тишине. Пошли искать дальше. До связи.

Голограмма Руди исчезает, и Амир, вздохнув, продолжает поиски.

— Научные открытия двадцать второго века, — вслух произносит он, и рубрикатор указывает нужное направление.

— Научные открытия двадцать третьего века, — произносит он, не найдя ничего в двадцать втором.

Амир подходит к стеллажу, который был указан, и перебирает публикации. Середина двадцать третьего века. Статья в газете: «Оползень разрушил установку «Дыра». Произошёл ряд взрывов. Пострадавших нет. Эта установка была создана одним из исследовательских институтов и представляет собой подобие адронного коллайдера. Она предназначалась для каких-то экспериментов, цель которых неясна. В институте, который также в полуразрушенном состоянии, нет компетентных специалистов, которые могли бы разъяснить назначение установки и последствия от её разрушения. Охранник, единственный оставшийся в нём работник, отказался комментировать ситуацию».

— В 2260 году разрушился адронный коллайдер «Дыра», который Ева и Патрик использовали для разгона частиц и обнаружения души.

Амир отправляет голосовое сообщение для Руди. Она вскоре откликается.

— Ценная информация, пригодится. Я под потолком, поэтому общаться несколько некомфортно. Я тут иду по родословной Евы и Патрика, и нашла, что одна из коллег Евы, Марина, родила сына и назвала его Патриком.

— Погоди, погоди! Я что-то читал про Марину Кучину, которая приехала из России, работала в исследовательском институте, а потом, уже выйдя на пенсию, пыталась продать информацию о деятельности института. Но никто не поверил её рассказам о том, что она общается с духами. Её сочли за сумасшедшую.

— Так ведь это та самая Марина и есть. В то время эта информация считалась абсурдной. Если и сейчас есть некоторые, вроде тебя, неверящие в то, что уже доказано. Вот ведь какая подлая! Хотя у неё могли быть мотивы. Её сын Патрик вырос с вредными привычками и прожил очень бездарную жизнь. По информации, он рос без отца. Может, ей нужны были деньги?

— Не знаю. Но по данным, ей не поверили и отказали. Так что все её попытки не увенчались успехом. Пошли искать дальше?

— Хорошо.

Руди снова повисает над библиотечными стеллажами под потолком, а Амир просматривает длинный ряд научных открытий за двадцать четвёртый век.

— Поразительно, что за девять столетий прогресс продвинулся ненамного, хотя раньше динамика была значительно выше.

Амир произносит вслух, автоматически ведя запись на ментафон, и передаёт голосовое сообщение Руди. Та молчит. Она изучает видеofilm, в котором вся семья собирается после смерти Евы и обсуждает её деятельность и продолжение её дела. Руди обращает внимание на записи ребёнка, — как будто он своей рукой пишет не по своей воле, а кто-то им управляет. Напрашивается вывод, что этим процессом руководит душа Евы. Слушает запись программы Евы. Здесь несложно обнаружить логические связи. Она пристально вглядывается в движения дочери и сына Евы, Руди и Амира, и старается не отвлекаться на остальных. Мила, Кристен и другие её интересуют незначительно. Потом всецело захватывает информация о жизни Руди, дочери Евы. Хотя её очень мало, но девушка пытается выжать из полученного максимум. Параллельно изучает биографию Амира, приёмного сына Евы и Патрика. В следующем архиве она находит семью Руди — мужа и двоих сыновей. Хотя Руди и старалась быть заметной, и всегда стремилась выделиться, она прожила совершенно обычную жизнь. Её сыновья тоже ничего необычного не совершили. В душе они были очень зажаты и закомплексованы, поэтому из кожи вон лезли, чтобы привлечь к себе внимание. Но у них это так и не получилось. Один из внуков Руди иммигрировал в Новую Зеландию и женился на темнокожей красавице. Там у него родилось пятеро сыновей и четверо дочерей. Одного из сыновей они назвали Амиром. Он вырос очень одарённым и способным, и так же, как и его отец, по достижению восемнадцатилетия иммигрировал в Австралию, где стал музыкантом-рэпером. Он создал

новое рэп-движение в необычном стиле и вошёл в историю. В личной жизни у него не ладилось, он менял своих жён одну за другой. В разных браках у него родились две дочери и три сына. Дальше история обрывается.

— Знаешь, мне кажется, что душа возвращается через несколько поколений или даже через столетия. Вероятно, это связано с временным несовпадением. Пока она там отметится, и пока ей дадут распределение, укажут на ошибки, которые нужно будет исправить в следующей жизни, проходит сто-двести лет.

— А мне кажется, что ты всё притягиваешь за уши. И я с тобой просто трачу время зря, — Амир по-прежнему не особо верит в существование души.

— Как же так? Смотри, как всё сходится, и ты сам нашёл данные, подтверждающие эксперимент Евы.

— То, что я нашёл, это рассказы полусумасшедшей коллеги, которой никто не поверил. Так что и у меня нет оснований ей верить.

— А я думаю, что в твоих прошлых жизнях что-то такое произошло, страшное, — я имею в виду, в прошлых жизнях твоей души, — что ты всё отрицаешь и не пускаешь. Что же это такое? Надеюсь, мы найдём ответ. Был рэп-музыкант, тоже Амир, но ничего такого страшного, кроме несчастной личной жизни, про него не написано. Он был красивый и одарённый музыкант.

— Хорошо, я люблю слушать музыку и постоянно что-то напеваю. Думаешь, это оттуда?

— Может быть, может быть, — голос Руди звучит глухо и с эхом. — Я под самым потолком и, кажется, что-то нашла. Просматриваю историю людей со схожими именами: Ева, Патрик, Руди, Амир. Это примерно через триста лет. Был создан «Дуэт иллюзий» в соавторстве Евы и Патрика. И здесь есть их биографии. Так вот, отец Евы — Амир, а мать Патрика — Руди.

— Как всё перемешалось! Квантовая запутанность.

— У родственных душ и бьёнстри, которые меньше кванта, это нормально — меняться ролями, информацией и проживать непрожитое, исправляя ошибки.

— Выходит, душа возвращается на Землю, чтобы исправить ошибки прошлых жизней?

— Получается, что так. Это очень длительный процесс. Бывает, что душа так и не понимает и не осознаёт своё существование и свою миссию. И снова и снова совершает одни и те же ошибки, ходит по кругу столетиями и поколениями.

— Так же, как и человек в своей одной жизни. Совершает одни и те же ошибки и ходит по кругу. Все законы природы идентичны! Эту истину я знаю! Неужели это можно применить и к душе?

— Ой, кажется, всё обрывается. У Евы и Патрика не было детей. У Амира тоже. Ну-ка, посмотрим у Руди... У неё были ещё дети, кроме Патрика?

Повисает тишина. Амир продолжает поиск научных открытий.

— Вот, я кое-что нашёл, связанное с именем Руди. Это произошло не так уж давно — около трёхсот лет назад. Опа! Я нашёл и Амира! Они опять связаны друг с другом! Чудеса! Невероятно! Руди, будучи практикующим адвокатом, выступала защитником экстрасенса Амира, который занимался магией и вызывал души умерших. Он даже написал научный труд и претендовал на Нобелевскую премию. Тем самым привлёк к себе внимание и осуждение народа. Он попытался доказать существование души, записывая сеансы, но кроме треска и помех в эфире ничего не было слышно.

— Если бы он знал об эксперименте «Душа», ему, возможно, удалось бы приблизиться к истине.

— В итоге защита Руди провалилась, а Амир потерпел крах, разочаровался и кончил жизнь самоубийством.

— О, Господи, какой ужас!

— Правда, по истечении тридцати лет его труды нашли применение в лечебной практике и были признаны в научных кругах. Что-то мне нехорошо, — Амир хватается за живот. — Мне как будто тяжело дышать.

— Жди меня, я сейчас приду!

Руди начинает быстрый спуск, приземляется и бежит к своему другу.

— Как ты?

— Не очень. Что-то прихватило, неожиданно и странно, — Амир сидит в кресле на втором этаже и жалобно смотрит на Руди.

— Может, ты почувствовал что-то своё, родное?

— Как будто мне открылись истина и тайна, хранившаяся много лет.

— Может, поэтому ты всегда отрицал существование души, потому что это больно для тебя и для твоей души? Она, бедняга, мучается и томится, непризнанная.

— Да, теперь более или менее всё понятно, хотя полной ясности по-прежнему нет.

— Ну, это не сразу.

— А вдруг это просто совпадение?

— Ты до сих пор не хочешь поверить?

— Да, ещё не привык. Это было, как шок.

— Инсайд, как говорят психологи. Когда всё становится с ног на голову, и что-то очень непонятное и долго мучившее становится очень простым и понятным. Сейчас, имея такую информацию о своих прошлых жизнях, тебе тем более необходимо применить эти знания и попытаться исправить ошибки, чтобы твоя душа больше не мучилась.

— А какова тогда твоя миссия? Почему ты всё приходишь и мучаешься?

— Может, потому что не смогла помочь тебе в прошлый раз? А может, ещё что-то... Завтра можно будет поделиться информацией на конференц-связи, и ребята помогут, что-то ещё подскажут и прояснят ситуацию.

Глава 16

Духовная близость

— Итак, души Евы и Патрика выполнили свою миссию на Земле и теперь горят звёздами среди других звёзд. Это особый мир. Он похож на Землю. Вернее, Земля и жизнь людей — это подобие мироздания. Звёзды — те же люди. Они так же рождаются и умирают. Разница в летоисчислении и времени, — ведущая онлайн-обучения начинает спирунг.

— Значит, и мы все когда-нибудь станем звёздами? — раздаётся вопрос в эфире.

— Да, станем звёздами, если достигнем такого уровня. Это дано не всем. За эти годы, с тех пор как планета узнала о существовании жизни после смерти и странствиях души, зарегистрированные в банке бьёнстри вели себя по-разному. Около половины душ до сих пор зависли в своих отэспаре, куда их распределили для будущей жизни, другая часть вернулась на Землю исправлять ошибки, и лишь единицы стали звёздами.

— Мы, люди, сейчас здесь и всегда живём на Земле, чтобы исправить ошибки прошлого. Основная задача — понять, какие это были ошибки, осознать их. Но как это сделать? — опять голос в эфире.

— Мне кажется, это должны подсказывать сердце и душа, — отзывается другой человек.

— Легко сказать, сердце и душа! Попробуй отличить, где говорит сердце, а где разум...

— Самое главное — интуиция. Её и надо слушать. Она всегда подсказывает верный путь.

Начинаются дебаты. Одни утверждают, что разум это та же интуиция. Другие говорят, что интуиция это душа и сердце. Но как отличить и понять, что интуиция не ошибается?

— Разум — это логические построения, основанные на правилах и законах.

— Душа и сердце — это нечто, необъяснимое словами, это близко к ощущениям и чувствам, но не то. А интуиция — это тоже чувство, хотя больше предчувствие. Интуиция основана на жизненном опыте и памяти, и ближе к душе и сердцу, чем к разуму.

— Я тоже считаю, что интуиция это голос души и сердца, и стараюсь прислушиваться к ней. Но очень часто душа и сердце подводят и ошибаются.

— С чего ты взял, что они ошибаются? Может, это специально так надо. Не бывает случайностей и ошибок. Всё запрограммировано и предрешиено свыше.

— То есть жизнь каждой души predetermined заранее?

— Да.

— А ты кто такой? Откуда взялся такой умный, что всё знаешь?

— Меня зовут Амир. Моя душа идёт корнями от родственников Евы и Патрика, их приёмных детей.

— Да, верно, там был Амир. А с чего ты взял, что твоя душа корнями оттуда? Может, просто одинаковые имена?

— Я сначала думал так же, когда мы вместе с моей подругой начали исследование и поиск истинных корней. Подругу, кстати, зовут Руди, и она тоже из семьи Евы. А потом, много совпадений и случайностей, и у нас какое-то необъяснимое чувство духовной близости.

— А меня тоже зовут Амир, — раздаётся новый голос в эфире. — И я чувствую духовную близость с приёмным ребёнком Евы и Патрика.

— А меня зовут Руди, — доносится новый голос. — И я тоже исследовала семью Евы и Патрика, и почувствовала духовное родство с ними.

Начинается спор и многоголосье, сквозь которое сложно разобрать слова.

— И я тоже Амир!

— И я Руди!

— А я Мила!

— А я Кристен!

— И я Мила!

— А я Илаф!

— Я Ева!

— А я Патрик!

Много голосов называют имена приёмных детей Евы и Патрика и их самих, и все претендуют на духовную близость и родство душ.

— Что вы спорите, в конце концов! — говорит ведущая. Она успевает посоветоваться с мудрецами, и те дают ей совет, как поступить в подобной ситуации, чтобы примирить людей. — Вы все родственные души и частички бьёнстри Бога. У нас у всех есть божественная семья, и все в ней братья и сёстры, наделённые одним духом и связанные духовной близостью. У одной души может быть множество воплощений! Она может разделиться, чтобы лучше справиться с задачей и выполнить свою миссию на Земле. Безусловно, все души хотят быть звёздами и жить вечно. Для ускорения этого она дробится и делится. В одиночку многие задачи выполнить невозможно. Поэтому люди часто объединяются, дружат и становятся духовно близкими людьми.

Амир поворачивается к Руди с разочарованным лицом.

— Вот видишь! Наше предчувствие, что мы родственные души, ничего не значит. Я же говорил, что это притянута за уши. А ты мне навязала это родство.

— Не расстраивайся! Мы духовно близкие люди. У нас общая идея и цели.

— Тогда это может быть общество или нация в целом, не только схожие имена и интуиция.

Амир пьёт лаймовый нектар и смотрит на облака. Сегодня они сидят на камнях на берегу моря, и смотрят на словно прорезанную трактором или множеством гусениц вату облаков. Он вдыхает морской воздух и задерживает дыхание. В виртуальном пространстве снова появляется ведущая после ряда комментариев и жаркого спора.

— А к чему всё это приведёт? Кто-нибудь над этим задумывался? Когда все люди исправят все свои ошибки и станут звёздами.

— Жизнь прекратится сама по себе?

— Прекратится жизнь в телесной оболочке. Духовная жизнь вечна.

— Нет, это невозможно! Найдутся упёртые, которые не смогут измениться и исправить свои ошибки.

— Это всего лишь дело времени. Душа для исправления своих ошибок выбирает разные тела и семьи.

Разгорается новый спор. В эфир врзаются всё новые и новые голоса.

— Это означает эволюционный процесс для землян. С открытием существования души мы достигли новой вехи в развитии человечества. Целый полигон нераскрытой информации и тайн. Целый мир нематериальной жизни. Вот она, антиматерия, которая участвовала в большом взрыве наряду с материей и повлияла на образование нашей вселенной. Этот процесс задуман заранее. Возможно, это не впервые для Бога — создание подобного. Если времени не существует, и Бог просто есть, и был всегда. Невероятно, каковы масштабы его деяний! И какой он великий!

Повисает тишина, пауза затянулась. Амир и Руди берутся за руки, и все люди, которые смотрят эфир, представляют, что берут друг друга за руки, как будто в этом единстве заключена большая сила, чтобы осознать божественность. Если брать масштабы вселенной, то человек находится на примитивно низком уровне. В ходе своего эволюционирования он достигает в начале четвёртого тысячелетия божественной духовности, осознаёт её. Это первый шаг, — осознание. Человек не просто песчинка в пустыне, а наделённое разумом и чувствующим сердцем существо с определённой структурой бьёнстри. Благодаря разуму и чувствам, он может развиваться. Люди учатся быть духовно близкими друг другу.

— Время подумать о Боге и Божественном в себе! — оповещают громкоговорители и все эфирные станции.

Люди бросают все свои дела, молятся, медитируют, находят себе место для размышлений и созерцания.

— Господи, спасибо тебе за всё, что ты мне дал, за небо, солнце, крышу над головой и еду. За людей, которые выходят мне на Путь. За испытания и боль, которые я переношу в стремлении приблизиться к тебе, — начинает Мила свою молитву. — Господи, помоги мне похудеть, дай мне силу воли, чтобы отказываться от еды и чревоугодия. Дай мне здоровье и силу.

Мила, как всегда, борется с лишним весом и никак не может победить. От этого у неё проблемы в личной жизни. Учёба и новые знания её не привлекают. Она никак не может найти себе спутника и пару, и постоянно возвращается на Землю компенсировать этот недостаток. С помощью исследования своей души она определила, что давным-давно была приёмной дочерью Евы и готовила прекрасные блюда. В других воплощениях она снова и снова работала поваром на банкетах, всегда много ела и была с чрезмерно лишним весом. И лишь в этой жизни, когда она стала свидетелем доказательства существования души и эксперимента Евы, в её духовном мире что-то меняется, и она начинает молиться. Постепенно у неё появляется вера, и тот недостаток любви, который она всегда пыталась заесть, компенсируется божественной любовью и ощущением ценности и полезности в этом мире, просто потому что она родилась. Ощущение одиночества сменяется чувством единства с божественной семьёй и с окружающими людьми. Это единение превращается в духовную близость людей с общими целями, ценностями и установками.

— Я теперь по-настоящему счастлива, потому что знаю, я не одна, и что после смерти не наступит пугающего ничто и неопределённости. Раньше я думала, что Бог несправедлив в том, что, дав жизнь человеку, забирает её. А теперь я поражаюсь его замыслу! Душа живёт вечно и, достигая совершенства, трансформируется в звезду, — Мила наконец-то решилась высказаться в прямом эфире спирунга. — У меня были проблемы с лишним весом и личной жизнью. Сейчас всё налаживается. Но теперь я не тороплюсь. Знаю, что даже если я чего-то не успею в этой

жизни, в следующей сделаю обязательно. Нет страха, что после смерти я потеряю всё.

— Спасибо вам за то, что поделились своим сокровенным, — мягко поддерживает ведущая. — Как все вы уже понимаете, эксперимент Евы несёт в себе ценнейшие знания и уверенность в существовании жизни после смерти, продлевает человеческую жизнь и делает её более счастливой и созидательной. Нет страхов и тревог. А теперь у нас есть время посмотреть отрывок записи импульсов Евы, вибрации её бьёнстри. Здесь почти самое начало эксперимента и её прохождение через цветочные волны отэспаре. Рекомендуются надеть ионодекодирующую маску или щит и снова взять друг друга за руки. Зрелище очень необычное.

Мила как раз находится в гостях у своей подруги и её семьи. Она любит чужие семьи, так как обделена своей. Здесь она чувствует любовь и внимание. Конечно, с молитвами у неё увеличивается любовь к самой себе и к ближним. Супруг подруги выдаёт всем ионодекодирующие щиты, которые есть теперь в каждой семье и доме. Щит помогает распознавать, видеть другие миры, недоступные для человеческого глаза, создавая трёхмерные проекции более сложных пространств. Все садятся в круг и смотрят трансляцию импульсов и вибраций вверх на стене. Они проявляются сначала полоской радуги и других цветов и постепенно занимают собой всё пространство. Свет распространяется повсюду и заполняет собой каждый уголок, щель. Все люди похожи на цветных зебр. Мила ежится от страха. Подруга обнимает её, и на мгновение полоса светло-бежевого света и белизны заполняет и накрывает многоцветную радугу.

— Импульсы Евы реагируют на наши импульсы и поддаются влиянию! — кричит Мила.

— Да, и у нас такая же история! — подхватывают различные голоса.

— Вероятно, всё в этом мире, и даже запись импульсов, сделанных когда-то давно, пересекается и взаимодействует друг с другом, — вставляет Амир. — У меня было плохое настроение, и всё

пространство наполнилось чёрнотой. Потом Руди поделилась своей безграничной любовью, и всё вокруг стало белым и светлым.

— Мы проходим в другие миры отэспаре благодаря программе эксперимента и импульсам Евы, и видим то, что раньше было скрыто, — резюмирует кто-то очень низким, скорее всего изменённым, голосом. Вероятно, человек по каким-то причинам пожелал остаться инкогнито.

— Мы в других мирах? Как это может происходить в реальности?

— Сетчатка глаза реагирует на импульсы, посылаемые извне и проходящие через ионодекодер. Она раздражается чужой энергетикой, копирует потоки, и уже новая изменённая энергетика вливается из области зрения человека обратно в общий поток.

— Похоже на переливающиеся картинки. Мы видим то одно, то другое изображение, в зависимости от угла зрения и направленности пространства.

— В данном случае открывается третий глаз, который привыкает, адаптируется к многомерному пространству, а не только к двум или трём видам переливающихся изображений в трёхмерном пространстве, и может видеть много различных картинок. Это поразительное открытие, и очень важное.

— А я ничего не вижу, кроме белого и чёрного цветов, — раздаётся голос в эфире.

— И я тоже ничего не вижу, — подхватывает другой разочарованный голос.

— И я...

— И я...

Раздаётся множество обиженных голосов.

— А я вижу многоликий мир, отличный от нашего.

— Я не верю тебе! Нет ничего! Ты лжешь!

— Не спорьте. Здесь, скорее всего, всё зависит от строения сетчатки глаза, от расположения нейронов и внутренних взаимодействий между ними. А также от духовного опыта конкретной личности. Не всем дано увидеть. Это тонкая материя, — изменённый низкий голос звучит спокойно. — Так же, как и любить дано

не всем, так и видеть могут не все. Эта способность передаётся по наследству, а некоторые развивают её в процессе жизни.

— Почему кому-то дано, а кому-то нет? Отчего это зависит?

— Чем более развита душа, и чем большее количество раз она приходила на Землю через отэспаре, тем больше она имеет способности любить, видеть, слышать, чувствовать в целом.

— Значит, у нас душа не развита?

— Просто она у вас ещё молодая, склонная к порывам, страстная и беспокойная. Только более зрелые души бесстрастны, гармоничны, безмятежны и спокойны.

— А как можно стать более зрелым в ускоренном темпе, не дожидаясь, пока моя душа пройдёт множество жизненных этапов? Ведь это означает, что в этой моей жизни я так и не достигну духовной зрелости,— говорит один из обиженных голосов уже более твёрдым и уверенным тоном.

— Достигнуть духовной зрелости очень сложно, но можно. Существует множество духовных практик: медитации, молитвы, аффирмации, мантры, слушание своего внутреннего голоса, своих чувств, анализ чувств, психоанализ и психотерапия, урэ-бертерапия[□], анализ сновидений и многое другое. Сложность заключается в том, что духовное развитие — процесс невидимый, и в процессе обучения сложно определить уровень изменений. Даже в школе мы можем увидеть результаты труда,— выучить правила или текст, научиться писать, читать, переводить. В производстве и на предприятиях есть продукты труда. А здесь нет подобных критериев. Наглядные результаты есть во всех сферах человеческой деятельности, кроме духовной. И человек теряется, когда не видит их. Он старается, но когда не понимает ради чего, в конце концов бросает духовно развиваться.

— Духовное развитие легко даётся людям с сильной устойчивой верой. Вера им помогает справиться с неопределённостью и в этой жизни, и в другой.

— Вера — это основное в духовности. Надо просто верить в существование жизни после смерти, Бога, души, ангелов. Верить в чудеса и в сверхъестественное.

Амир глубоко вздыхает и обнимает Руди. После того как волна любви накрыла его черноту, и он своими глазами увидел перемены, вера в чудо усилилась, и он пребывает в немом шоке. Руди безмятежна и умиротворённа. Как будто она всё это уже знает, и информация ложится легко и непринуждённо на готовые дрожжи её сознания. Сама она с самого детства медитирует, молится, рисует и пишет дневники. Этому её научили родители. В истории своей души она не увидела ничего выдающегося, поэтому сейчас она старается сделать что-то значительное, чтобы оставить свой след на Земле и быть полезной. Недаром она дружна с Амиром и духовно близка ему, — она рядом, чтобы помочь ему перейти на новый уровень духовного развития и исправить ошибки прошлых жизней.

Кристен изучает своих предков и находит свои корни среди приёмных детей Евы и Патрика. В этой жизни она работает директором приюта для животных. Завести свою семью у неё не получается, да она и не считает нужным. Всю свою любовь, заботу и нежность она дарит животным.

— Я люблю животных и думаю, что только они могут быть преданными. Ни один мужчина не дарит мне столько нежности и ласки, как они. Я ощущаю духовную близость только с ними. Я не люблю людей, — говорит она своему психоаналитику.

— А себя вы любите? Заботитесь о себе?

Илаф всегда питала пристрастие к психоанализу. Способность чувствовать у неё врождённая, от этого у неё обострённое восприятие действительности и окружающего мира. Среди людей она находится не любит, всё больше уединяется. Она чувствует духовную близость с Кристен, может, оттого, что у них похожая проблема, хотя могут быть и какие-то другие причины.

— А как это? Наверное. Люблю и забочусь.

— Как вы это делаете?

— Не знаю... Обычно, как все.

— Вы счастливы?

— А что это такое? Я не понимаю, что такое счастье. Смотрю фильмы, там женщины и семьи счастливые, и всегда улыбаются.

— А как ваша семья? Ваши родители были счастливы?

— У меня не было отца. Мама сделала искусственное оплодотворение, и мы всегда жили вдвоём. Она мне не разрешала заводить никаких животных, наверное, поэтому я люблю их.

— У вас с детства заложен провальный сценарий семьи. Вы не видели счастливых отношений между родителями, чтобы скопировать их в своей жизни.

— Кажется, у нас в прошлом так было всегда, я имею в виду, ребёнка всегда воспитывал один родитель.

— Так много неполных семей в последнее время! Человек не может быть полностью счастлив вне отношений с противоположным полом. Гомосексуальные отношения — это извращённые перверсии.

— Почему же, мне нравится. У меня подруга, с которой мы делим всё: и еду, и деньги, и постель. У нас одинаковые взгляды на жизнь, цели и ценности. С мужчиной так не получилось бы никогда.

— А вы пробовали построить отношения с мужчиной?

— Да, пробовала, но у нас ничего не получалось, и мы всегда расставались.

— Сколько раз пробовали? Может, попадались не те мужчины? Или вы бессознательно притягивали мужчин, чтобы разочароваться и расстаться, и снова доказать себе, что с мужчинами у вас ничего не получается.

— Пару раз, но мне и этого достаточно. Всегда споры и непрекращающиеся конфликты, разрушающие мою личность.

— А какие у вас были отношения с мамой?

— Да не очень-то. Я уехала от неё и вздохнула свободно. Она постоянно меня контролировала, осуждала и критиковала. Всё, что я ни делала, было плохо и не так.

— Она не принимала вас такой, какая вы есть?

— Да, не принимала.

— Поэтому вы и не можете принять сами себя такой, какая вы есть, и переносите это на своих партнёров. Удивительно, что у вас получается жить с другом-женщиной.

— Честно сказать, тоже не получается. Меня хватает на год, а потом я и с женщинами ругаюсь и расстаюсь. А вот с животными, особенно с собаками, мне комфортно и легко. С ними не о чем спорить и конфликтовать, — Кристен смеётся.

— Что такое любовь, по-вашему?

— Любовь — это забота, уважение.

— И обязательно принятие человека таким, какой он есть. Вы же принимаете своих животных такими, какие они есть?

— Да, но они не меняются через год. А люди меняются. Сначала они хорошие, добрые, нежные, любящие. А через год такими противными становятся, что нет сил терпеть.

— Ну, и какими они становятся через год? Что вы имеете в виду, говоря, что они противные?

— Злые, завистливые, жадные, ревнивые, эгоистичные. Вся любовь куда-то исчезает без следа, и остаётся одна ненависть.

— В отношениях, в любых, неважно: с противоположным полом, на работе, — там, где люди контактируют ежедневно, сначала мы всегда видим фантом, маску, которую люди предъявляют социуму, свой идеальный образ. Но человек не идеален. Свои плохие черты каждый прячет и в большей степени не осознаёт, так как они сформировались с течением жизни в результате травмирующих событий. В психологии это называется вытеснением. Но в процессе совместной жизни этот подавленный материал выходит наружу неприятными чертами личности и, конечно, удивляет окружающих. Был такой хороший, а стал плохим. Но это всё также относится и к вам самим. Ваше окружение — ваше отражение.

— Как сделать, чтобы исправить это? Я ведь не могу перейти на другой уровень, и моя душа постоянно возвращается на землю, чтобы исправить ошибки прошлых жизней. Получается, из-за этого моя душа никак не успокоится. Может быть, люди, которые вступают со мной в отношения, меня любят, а это я не способна любить их, хоть и сваливаю вину на окружающий мир.

— Да, вы проецируете свои чувства на внешний мир. Есть такое утверждение, что девяносто пять процентов окружающего

мира — чистая проекция, оставшиеся пять процентов тоже. Вы бессознательно притягиваете людей с похожими травмами, вместе проживаете непрожитые эмоции прошлого. Чтобы исправить это, в первую очередь надо научиться любить себя и принимать себя такой, как есть. Что делает вас счастливой?

Илаф с интересом слушает Кристен. Когда-то и она задумывалась над этими вопросами и искала ответы. Это так сложно. Одно дело осознавать, другое дело применять на практике. Если модель поведения не была привита в родительской семье, самому научиться очень сложно, хотя можно.

— Гулять на природе с собаками, фотографировать и любоваться красотой природы, гор, моря. Читать, рисовать, правда, я редко это делаю. Кататься на роликах, тоже очень редко катаюсь. Ленюсь, и всегда много других более важных дел.

— Более важных для общества или для себя?

— Для общества. Я редко думаю о своих интересах. Мне нравится заботиться о собаках и видеть благодарных хозяев этих собак. Я стараюсь ради этого.

— Это хорошо, но попробуйте постараться только для себя. По заботиться о себе. Полюбить себя. Это очень трудно, но вы старайтесь и не оставляйте попыток. Уделите себе любимой побольше времени и почаще делайте себя счастливой. Всё зависит только от вас. Как вы будете относиться к себе, так и окружающие будут относиться к вам.

Илаф заканчивает сеанс. Кристен благодарит её и уходит пытаться быть счастливой. Илаф много размышляет и наконец-то решается посетить Бьёнстрибанк. Её не покидает ощущение, что с некоторыми пациентами у неё очень сильная духовная близость. Возможно, проблема не новая и остро стоит у большинства людей. Мало кто хочет заводить семью и делить свою жизнь с другим человеком. За последнее тысячелетие общество стало настолько эгоистичным и циничным, и это так укоренилось в крови и костях, что смешно читать романы древних писателей о любви, заботе и нежности. Даже психоаналитики и психологи проповедуют прагматичный и циничный образ жизни, потому

что человеку так комфортно. А психологи всегда работали на то, чтобы улучшить жизнь индивиду и его мироощущение. И если человек счастлив, когда в первую очередь заботится только о себе, используя других людей, это хорошо, нормально и правильно. Ведь, в конце концов, мы все используем друг друга, просто для этого применяем более мягкое слово или вообще не думаем, что используем. Просто живём взаимовыгодно, совершая обмен энергиями. Несколько раз Илаф слушала спирунги и участвовала в конференц-связи цикла «Эксперимент Душа Евы», и где-то далеко в бессознательном зародилось ощущение тайны и чуда. Кем была её душа в прошлых жизнях? Вдруг есть информация? В Бьёнстрибанке у Илаф снимают отпечатки пальцев, сканируют ДНК и волосы. Это первичная процедура для выявления здорового человека. Потом её помещают в инкубатор и считывают импульсы души, энергетику, вибрации бьёнстри, их форму и структуру, по которым определяют духовное родство и близость душ, уже находящихся в хранилище. И вот, после утомительного ожидания, Илаф получает отчёт, что в прошлом её душа была приёмной дочерью Евы, а среди других приёмных детей, которые тоже попали в список духовных родственников, была Кристен. Илаф облегчённо вздыхает.

— Это верная информация? Не может быть ошибки? — спрашивает она на всякий случай, хотя уже знает ответ.

— Конечно! Машина не ошибается. Это информация верная, и вы в числе нескольких счастливиц, которые имеют духовное родство с Евой и Патриком. Но передвижения душ детей Евы не распознаны, — отвечает компьютерный оператор.

— Хорошо, что есть хотя бы эта минимальная информация, подавляющее большинство не имеет и этого. Мы действительно счастливицы.

Илаф забирает чип с полученной информацией и результатами анализов и прощается. У неё зреет план — собрать все души детей Евы и просто пообщаться. Находясь в социальной изоляции, Илаф скучает по духовной близости и испытывает эмоциональный голод. Пациенты это просто работа. Хотя они очень

близки духовно, но ощущения всё же не те. Она проникается к Кристен ещё большим теплом и привязанностью.

В этот день конференц-связь начинается с музыкального приветствия. Илаф заранее позвонила и сообщила о своём намерении.

— Добрый день, дорогие слушатели! — обращается ведущая спирунга, и в пространстве у каждого, кто подключился, повисает её доброжелательный спокойный облик. — Сегодня поступил запрос от одной из родственных душ Евы. Запрос заключается в том, чтобы собрать все родственно близкие души, которые присутствуют на Земле в данное время. Она знает пока что только одну душу, Кристен, и хочет познакомиться с другими. Дадим ей слово.

— Здравствуйте! Я немного волнуюсь, потому что по случайному совпадению, — хотя случайностей не бывает, — я знакома с душой одной из дочерей Евы. Я не знала об этом, когда мы общались, но чувствовала сильную духовную близость и связь. Тогда я сходила в Бьёнстрибанк, проверила, и оказалось, что мы духовные родственники. Это невероятное чудо! Я бы хотела встретиться и с другими. Думаю, когда мы соберёмся все вместе, это будет мощный импульс и энергетический поток, и возможно, мы сможем пообщаться с Евой и Патриком.

— Обращаемся ко всем, кто обнаружил духовное родство с семьёй Евы и Патрика и подтвердил это в Бьёнстрибанке. Пожалуйста, откликнитесь! Наши координаты вам известны, или можете связаться с Илаф напрямую. Контакты вы увидите в заключительных титрах спирунга.

Глава 17

Встреча душ

— Меня зовут Амир. Я чувствую духовную близость с семейством Евы и Патрика и хочу познакомиться с другими родственниками.

— У вас есть подтверждающие документы из Бьёнстрибанка?

— Нет, я ходил туда, там провели диагностику и анализ. Мои бьёнстри уникального образца, и совпадений не обнаружено. Но ведь я сам чувствую, что близок со всеми этими людьми духовно, — уговаривает оператора мужчина.

Оператора подключили к контактными номерам на отсеке лишнего и сбор действительно родственных душ Евы. Поступает очень много звонков и писем от людей, имеющих схожие имена, но без сертификата из Бьёнстрибанка и проверки души на причастность и духовную близость. Было решено выждать месяц после подачи объявлений во все средства массовой информации. Из двенадцати нашлись всего пять человек с сертификатом, подтверждающим прямое духовное родство. Радарами провели поиск и выяснили, что остальные на Земле вообще отсутствуют. Они затерялись где-то во вселенной, или в одном из миров отэспаре проходят экзамен, осознают и исправляют ошибки. А может даже, кто-то оказался и в аду. И огромное количество отказников с похожими именами. Место встречи назначили на территории бывшей Месопотамии, где был начат эксперимент, и где жила Ева с семейством. В это время всё изменилось в ландшафте из-за множественных землетрясений и потоков, произошедших на планете в последние девятьсот лет. Но кое-что уцелело.

— Когда мы искали свои корни, мне на глаза попала статья о творчестве двух людей, живших недалеко от института, в

котором Ева проводила эксперимент, и которые оказались её родственниками. Тогда они вычислили своё родство по родословной предков: дедушка, бабушка, прабабушка, прадедушка, — Амир был инициатором выбора места встречи и горячо отстаивал своё мнение, общаясь по сети с Илаф, которая не хотела уступать инициативу и настаивала на встрече в Европе или Америке. — Так вот, они создали «Дуэт иллюзий», состоящий из стихий — воды, воздуха, камня, огня и эфира, и поместили его над капсулой эксперимента «Душа». Это место энергетически заряжено, как говорит моя подруга Руди и одна из наших родственниц. Лучше там. Или в тех краях Месопотамии.

— Хорошо, пусть будет так. Ты прав, — Илаф наконец-то согласилась с утверждением об энергетически заряженном месте. — Тогда я обзвоню всех, свяжусь и сообщу о месте и дне встречи.

Конференц-связь начинается с сообщения о предстоящей встрече, которая имеет мировое значение. В небе среди облаков появляется образ ведущей. Люди, гуляющие по улицам и на природе, невольно поднимают головы, и до их сознания доходит голос и информация. Этот вид вещания в своё время был запрещён, потому что отвлекал людей от простого созерцания красоты и природы. Но поскольку определение души явилось основным событием в мире и важно для будущего человечества, эту передачу разрешили.

— В скором времени, а если быть точной, то через неделю, состоится встреча душ родственников Евы. Координаты места встречи остаются в тайне, чтобы не нарушить тишину и интимность. Родственные души попытаются притянуть душу Евы и воссоздать встречу, которая состоялась более тысячи лет назад.

— А как они будут притягивать? Каким способом?

— Построен адронный миниколлайдер, и воссоздана установка экспериментальной программы, всё в точности, как и тысячу лет назад. И будет спровоцирована молния, чтобы создать эффект энергетического поля. По данным программы эксперимента, душа Евы затерялась триста лет назад в галактике среди звёзд, и чтобы она услышала наш вызов, необходимо сильное

притяжение и магнетизм. Это можно создать большим потоком энергии.

В это время Амир, Руди, Илаф, Кристен и Мила направляются к месту встречи. Все живут в разных частях света: в Европе, Америке, Африке. Экспериментальную установку и беседку построили на территории разрушенного института, где начинался эксперимент «Душа», рядом с финиковым парком у побережья океана. Именно там, где была захоронена капсула, а через века построен «Дуэт Иллюзий» над ней.

Место выбрали уникальное. Мила прибывает последней на арендованом летапе, видит людей возле беседки, кричит и машет им рукой. Они поднимают головы и тоже машут в ответ. Самыми первыми прибыли из Европы Руди и Амир на своём летапе. За ними, согласованно и вместе, Кристен и Илаф прилетели из Америки на самолёте, потом добрались до места на машине в прокат. И вот, наконец-то, дождались и Милу. Теперь, когда все в сборе, можно начинать.

— Добро пожаловать, Мила!

— Здравствуйте!

— Добрый день, дорогая.

Люди тепло приветствуют друг друга, обнимаются и целуются. Мила никак не может напиться холодной родниковой водой с дороги.

— Я бы душ приняла, — говорит она, утолив жажду.

— Конечно, вон там стоит душевая кабина. Хорошо, что это предусмотрели.

Мила уходит. Илаф хлопчет о прохладительных напитках, закусках и печенье к столу. Кристен собирает бумаги и связывается с организаторами встречи. Руди заняться нечем, и она просто смотрит в проплывающие над головами облака.

— Проверить миниколлайдер, — отдаёт распоряжение роботам Амир. — Проверить установку захвата молнии.

Раздаётся шорох и звон включаемых устройств, затворов и механизмов. Когда все приборы приведены в действие, и все участники в сборе, Руди бьёт в бубен и объявляет о начале встречи.

— Объявляю наше заседание-встречу открытым, — выдержав торжественную паузу, она продолжает. — Так как наша встреча имеет общественное и стратегическое значение, ведётся запись. Если всё пройдёт хорошо, то после монтажа запись будет показана людям.

— Запись ведётся с радаров, установленных на спутниках, — поддерживает подругу Амир. — Мы будем использовать искусственно вызванную направленную молнию, что ранее не практиковалось в группах живых людей.

— Программа, использовавшаяся в эксперименте Евы, была немного изменена с учётом того, что сейчас мы ничью душу не будем сохранять и копировать. Никто не умирает. Энергия будет высокой за счёт пятерых участников и за счёт энергии молнии.

— Если все готовы, тогда предлагаю взяться за руки и настроиться духовно на эксперимент и общение с душой Евы.

Все пятеро садятся на ковры, расстеленные на земле вокруг установки, выведенной из земли и соединённой с миниколлайдером, принимают позу лотоса и берутся за руки. В глазах Милы и Кристен читается страх. Остальные сохраняют спокойствие, по крайней мере, внешнее. Установка напоминает собой перевернутую колбу, узкую у основания, уходящую в землю, и в форме большой чаши сверху для сбора и накопления энергетических импульсов. От установки отведены пять стеклянных гибких шланга-трубки. Эти трубки участники должны взять в рот и в процессе эксперимента дышать через них, наполняя установку и обмениваясь духовной энергией, и посылая во вселенную импульс, который должен притянуть душу Евы. Амир нажимает кнопку на датчике управления радаром, отправляет команду проверки готовности и пуска. Группа поддержки в управляющем центре провоцирует молнию. Одновременно Амир приводит в действие адронный миниколлайдер с помощью рычага рядом с установкой. В момент тучи чернеют, и становится темно. Хмары сгущаются всё сильнее и плотнее. И так как они очень низко над головами, кажется, что сейчас упадут, обрушатся и раздавят. Работа установки

под землёй ощущается лёгкой вибрацией. Мила ёжится и выпускает трубку из рта.

— Мила, главное, не выпускать трубку, что бы ни произошло. Может нарушиться сообщение и обмен энергиями, — как можно ласковее произносит Руди, понимая страхи Милы.

— А если я захочу покашлять или начну икать? — капризно спрашивает Мила.

— Да, такое тоже может случиться! — поддерживает её Кристен.

— Тогда давайте договоримся, будем хлопать перед собой рукой по земле в знак того, чтобы все остановились.

— Хорошо.

Начинает сверкать молния, дует ветер. Все удерживают свои трубки во рту зубами и держатся за руки. Решено сообщать информацию письменно или хлопать рукой, но второй способ желательнее не использовать. Это может продлить время опыта или вообще его прервать. В колбе начинает перекачиваться энергия синими и красными пучками. Одни импульсы приходят в микколайдер из земли, другие с неба. И люди здесь — связующее звено между стихиями. Сверкает первый разряд молнии и не попадает в колбу. Автоматически срабатывает программа настройки координат, и последующие разряды попадают прямо в цель. Возникает столкновение энергий, и они проходят друг сквозь друга и смешиваются. Видно, как синее перетекает в красное и наоборот. Множество разрядов бьёт в чашу колбы. Кажется, вот-вот всё лопнет и разорвётся. Но нет, колба выполнена из высококачественного метеоритного материала, упавшего на Землю несколько сотен лет назад.

— Вдохнуть и не дышать! — командует голос робота.

Все одновременно вдыхают. Это должно дать внутренний заряд.

— Выдохнуть!

Все выдыхают. В колбе начинается реакция трёх энергий. Кипит, бурлит красно-синий сгусток-шар. Энергетические импульсы пятерых человек, духовно родственных с Евой, собрались в комок, готовые вырваться наружу и взметнуться во вселенную.

Все пятеро думают о Еве и своей связи с ней. Импульс должен получиться мощный. Молнии пока искрят в тучах, не направляя разряды к земле, и яркий комок перемещается по колбе, собирая остатки энергии, не оставляя ни кванта, ни бьёнстри без внимания. Красно-синий сгусток переливается всё ярче, становится густо-фиолетовым, потом бордово-красно-розовым, и теперь занимает весь объём колбы. Молния бьёт снова, попадая теперь в самую середину установки. Во время вдоха тела людей начинают светиться ярким красно-синим светом, наполняясь теплом и энергией. Руди переглядывается с Милой. Та сидит с выпученными глазами, которые становятся красными. У остальных глаза также меняют свой цвет. Теперь они выдыхают, и светящийся шар в установке переливается яркой радугой. Постепенно вдох и выдох становятся одновременными. Молния опять бьёт в установку, и это совпадает с общим выдохом. Образуется мощный импульс, который вихрем уносится в небо, возвращая молнию. Все смотрят вверх в ожидании ответной реакции. Снова полыхает молния и нацеленно бьёт в колбу. Груды людей вздымаются, и при вдохе их тела опять наполняются светом, становятся прозрачными. Чувствуется лёгкое головокружение. Илаф даже начинает мерно раскачиваться всем корпусом, постепенно все подхватывают это движение и качаются из стороны в сторону в такт дыханию. Это похоже на мистическое действо. Пять светящихся тел качается вокруг бурлящей разными цветами колбы, словно в хороводе. Мощнейшая молния разрезает пространство от земли до космоса. Облака рассеиваются, и образуется широкий лифт-луч, который по спирали передаёт энергию и импульсы в небо и обратно.

— Импульс с Земли. Направлен к звезде Еве, — передаётся по галактике между звёздами и метеоритами.

Ева чувствует энергетический толчок от пролетающего и сгорающего рядом метеорита и просыпается. Она почти всегда находится в блаженном, безмятежном полусне, вспоминая свои жизни на Земле и проживая их снова и снова в своём

подсознании. Вокруг неё множество звёзд и галактик. От одной из звёзд направляется в её сторону слабый луч. Она слышит голоса, также направленные в её сторону.

— Меня кто-то зовёт? Это не Патрик. Он рядом и спит. Какая-то звезда. Что? Земля? — отправляет безмолвный сигнал Ева.

— Земля. Земля. Земля, — эхом проносится во вселенной.

— Да, я здесь, — снова сигнал от Евы.

Амир бьёт рукой по земле:

— Она с нами!

Все достают трубки изо рта и переглядываются, улыбаясь и удивляясь. Ни у кого не было стопроцентной уверенности, что получится. Делали с одной только верой и надеждой. Импульс от Евы дошёл до сердца каждого обратным вихрем.

— Она читает мысли. Можно направлять мысленный поток, не доставая трубку изо рта и держась за руки, — возбуждённо говорит Илаф, и первая кладёт трубку обратно в рот.

Остальные следуют её примеру. И вот опять все пятеро сидят, взявшись за руки и с трубками во ртах, вдыхая и выдыхая огненный свет и посылая мысленные импульсы. Еву накрывает этот поток вопросов, любви, тепла и света.

— Ева, здравствуй! Капсула с твоим экспериментом нашлась и раскрылась в соответствии с заложенной программой. Но ещё не все люди поверили.

— Здравствуйте! Это отличная новость, что раскрылась. Значит, эксперимент прошёл успешно, без сбоев. А по поводу веры... Верю, не верю... Ничего, наступит время, и все поверят.

— А где ты сейчас?

— Я во вселенной и везде. Пережив множество смертей и жизней на Земле, я пока отдыхаю.

— Как сделать, чтобы не возвращаться снова и снова, проживая новые жизни, и понять свои ошибки? — Милу мучает один и тот же вопрос.

— Лучше всего поверить, что вы часть божественного света, что вы любимы Богом, и ваша миссия — просто нести свет людям и в общество. Туда, где тьма. Светить всегда и везде. Если все будут так

думать, чувствовать и делать, люди станут совершенными и счастливыми. Каждый будет понимать страхи другого человека, не верящего, что все мы часть божественной сущности и света.

— Как ты сейчас живёшь?

— Прекрасно, хотя мне сложно как-то оценить своё положение. Просто я есть, и мне нравится быть. Спасибо, что связались со мной. В земных телах я с вами давно не общалась.

— А во вселенной мы общаемся?

— Да, здесь связь галактическая и мгновенная. Я сразу чувствую, когда кто-то из вас совершает переход из одного мира в другой, и всегда переживаю. Но здесь незыблемое правило — не вмешиваться в ход событий. Мы не можем влиять на земную жизнь, людей, другие миры и другие души. Пока кто-нибудь сам не попросит о помощи. Вот вы позвали меня, я откликнулась.

— Здесь, на Земле, нас всего пятеро. А где остальные братья и сёстры?

— У них своя судьба. Кто-то отдыхает в раю, набирается сил и энергии, кто-то в аду. Да, как ни печально, но у нас в семье есть и такие. Не буду говорить, кто. Это не имеет значения. Кто-то исправляет ошибки в других отэспаре. Да, а пятеро на Земле исправляются. Это вы! Значит, пришло время, и капсула раскрылась. Как я рада, что мой эксперимент удался, и людям стало известно, что происходит с душой после смерти. И это доказано, что самое главное.

— Да, для неверующих это было шоком. Они до сих пор сопротивляются и не могут поверить. Я сам сначала не верил, но потом увидел своими глазами и поверил, — отправляет мысли Амир.

— Действительно, людям не хватает нового видения, мы ограничены трёхмерностью. Мало осознания, что мы любимы и Бог принимает нас такими, какие мы есть, и каждый человек — часть божественного света, — думает Мила.

— Самое главное — любовь. Когда она есть в сердце, тогда человек начинает светиться и источать положительную энергию, притягивая подобных себе людей. Создаётся новое общество, — размышляет Илаф.

— Почему-то моя любовь распространяется только на животных, а людям я не верю, — Кристен мучается со своей проблемой, социофобией.

— Просто поверь в себя и в меня, и в свою божественную суть, — отправляет импульс Ева.

— Да как же это сложно! Кажется, я всё делаю правильно, но всё равно возвращаюсь на Землю, — жалуется Руди.

— Есть души, которые возвращаются на Землю, чтобы попытаться помочь своим любимым. После смерти физического тела уходит ограниченность восприятия окружающего мира, и мы видим многое, то, что скрыто от земного человека. Нам видно, кто заблуждается, ошибается или не понимает. Проблема в том, что когда душа возвращается на Землю, у неё новое тело, и она проходит период с рождения. Духовная память стирается, и человек приобретает новые знания и чувства. Ангелы и внутренний голос направляют его в нужную сторону, но люди не всегда их слышат. И чаще всего душа проживает пустую, неплодотворную жизнь, и снова и снова возвращается на Землю.

— Получается, я проживаю пустую жизнь?

— Да, как и очень многие люди. Человек живёт в социуме, среди других людей, и ему очень трудно уйти от навязанных социальных идеалов, которые порой создаются для лучшего управления. Но на самом деле проблема в сознании самого человека, в устройстве его психики. Даже если рассматривать человека как молекулу, движущуюся вокруг ядра, ему сложно смириться с тем, что он всего лишь молекула, а не ядро, что он всего лишь человек, а не Бог. А смирился бы он со своей человеческой ролью, и круги свои отматывал бы счастливо и плодотворно.

— Молекула, интересно... А как правильно проживать жизнь, чтобы не возвращаться снова и снова?

— Сперва надо научиться слышать и слушать свой внутренний голос. Другими словами, развить интуицию. Потом нужна вера в Высший разум, в то, что всё это создано им, и что верить и надеяться мы можем только на него.

Люди по-прежнему сидят в кругу, взявшись за руки и с трубками во ртах. При вдохе их сущность наполняется новой информацией и знаниями, при выдохе они отправляют свои вопросы и уточнения.

— Ева, мы с тобой духовные родственники. Поэтому ты нас просветляешь и просвещаешь?

— Потому что вы меня позвали, и я услышала.

— Другие люди могут позвать тебя и пообщаться?

— Конечно, могут, и не только меня.

— Как бы им доказать, что установка безвредна, и что этот опыт приносит только пользу?

— Можно опубликовать трансляцию нашего разговора. Наверняка же, ведётся запись. Но доказывать необязательно. Они когда-нибудь сами всё поймут. Может, и не в этой жизни, а в следующей, или ещё через десяток жизней. А если не поймут, то и это тоже будет их выбор — не понимать.

— А ты можешь зайти в сердца и души людей и подействовать изнутри на каждого?

— Нет. Это будет бесполезно. Они меня не услышат.

Повисает тишина, все молчат и ни о чём не думают. Никаких импульсов нет.

— И я это вижу вокруг, — прерывает тишину своими мыслями Илаф. — Люди погружены в свои проблемы, игры, средства массовой информации, которые только пудрят мозги, развлечения, бытовые проблемы. Человек уже давно превратился в зомби. Телевизор, интернет, радио, телефон, соцсети, работа, система, банки, семья, дети. Он не развивается и деградирует. Кругом фантомы, предъявляющие маску идеального человека.

— Если бы люди знали, куда они попадают после смерти, и что их ждёт, — звучит голос Евы, — они бы ценили каждый миг прожитой жизни и проживали бы её осознанно, в любви и помощи нуждающимся. Столько прошло лет, веков, сменилось много поколений, а человек всё такой же. Подвержен страстям, не осознаёт себя, свои эмоции, совершает импульсивные действия. Пока ещё большая часть людей возвращается на Землю и в другие миры отэспаре. В рай мало кто попадает.

— А кто молится постоянно? Как написано в священных книгах, покаяние снимает все грехи.

— Здесь есть тонкий момент. Если человек знает, что совершает грех, но всё равно не останавливается, в надежде, что помолится, и ему всё простится, то зря рассчитывает на великодушие Бога. На самом деле такие грехи не прощаются. Прощаются лишь совершенные по незнанию и при условии, что человек в них покался. А если он пытается пустить пыль в глаза своими молитвами и по-прежнему продолжает грешить, Бог это видит, его не обмануть. Да и как бы человек себя ни оправдывал и ни защищал, чувство вины и совесть гложут изнутри и впоследствии проявляются болезнями, сначала психическими, потом физическими.

— Ты видела Бога? Какой он?

— Нет, не видела, — Ева смеётся. — Его никто не видит. Его можно почувствовать в себе как частицу его духа. Душу вы тоже не видите, а она часть Бога. Есть большие благородные души, а есть мелкие подлые душонки. И всё это части Бога. Он тоже стремится к совершенству, и через преобразование людей и их душ он сам становится лучше. Поэтому он многое прощает людям, их ошибки и несовершенство, и даёт возможность исправиться, отправляя на Землю снова. В ад, так же, как и в рай, попадают единицы. Я слышала его голос. Он, как гром, — очень мощный и грозный.

— Мне, если честно, надоело сидеть с трубкой во рту, — думает Кристен. — Сколько можно?

— Как вы себя чувствуете? Может, будем заканчивать и прощаться, — ловит импульс Ева.

— Так быстро? — разочарованно думает Руди. — И как наша встреча повлияет на развитие общества?

— А вы несите свет и любовь повсюду, даже, где тьма, освещайте её. Постепенно у людей укрепитесь вера, и они станут жить по-другому. Уже всё больше и больше людей меняется и становится счастливыми. Благодаря знаниям о прошлых жизнях их души они исправляют ошибки. Пока таких мало, но с годами и веками станет больше и больше. Сейчас вы ещё раз на практике

подтвердили факт существования души и жизни после смерти и сможете предъявить эти доказательства людям.

— Ещё вопрос меня мучает, — думает Мила. — Мы ведь приёмные, какая у нас может быть родственная связь?

— У нас духовная связь. Чтобы быть родителем, не обязательно рожать детей. Родитель — тот, кто заботится, обучает ребёнка и, главное, любит его. Вы могли бы найти своих родителей, которые вас зачали и родили, но сквозь века и столькие поколения насколько это может быть важным? Важнее, чем духовная близость и связь?

— Да, я встречала множество семей, — делится своим опытом Илаф, — где хорошие добрые отношения только видимость. Они приводят своих детей на приём к психологу и говорят, мол, у нас трудный ребёнок. Я отвечаю, что такого не бывает. Это не трудный ребёнок, а ребёнок, которому трудно жить в вашей среде и адаптироваться.

— Да, проблема в родителях. Когда они изменятся, тогда среди населения и пойдёт смена мышления. Роевой интеллект — великая вещь! Каждый человек должен начать своё духовное развитие и возрождение новой личности в себе, не сваливая проблемы на внешний мир и вину на окружающих. Каждый должен взять на себя ответственность за свою жизнь. Никто никому ничего не должен. Всё, что происходит с человеком, происходит по его воле, желанию и притяжению.

Все опять замолчали, сидят без мыслей, полностью погрузившись в себя. Чётко и ясно они ощущают в себе невероятную силу и большую уверенность в себе. Притяжение начинает спадать, как только они выпускают трубки изо рта.

— Вероятно, Ева ушла, и надо полагать, сеанс закончен, — говорит вслух Мила. Она уже проголодалась.

— И мне так кажется. Что-то внутри отпустило, — отзывается Илаф.

Друзья переглядываются. Молнии по-прежнему сверкают, но их разряды уже не доходят до земли. Гроза стихает, постепенно становится светлее и светлее, и вот, облака рассеиваются

полностью и открывают голубое небо. Движение энергий в колбе прекращается, цвета тускнеют, и остаётся однородный бледно-бежевый цвет. Амир встаёт и отключает рычаг установки, который выглядывает из-под земли. Его специально вывели наружу для удобства пользования.

— Я передам в центр, что сеанс закончен успешно, — сообщает Илаф. — Информация должна остаться в архиве банка для будущих поколений и транслироваться в средствах массовой информации для настоящего поколения. Была такая договорённость.

— Я думала, это будет приватно, — недовольно возражает Мила. — Хотя я уже в процессе поняла, что это не тайна.

— Ты разве не хочешь, чтобы больше людей знало о существовании души и духовно развивалось?

— Мне-то что с этого? Не понимаю.

— Мир в целом станет лучше и добрее. Ты почувствуешь любовь и тоже станешь добрее и светлее.

— А я уже сейчас чувствую, что наполняюсь любовью и счастьем, — Кристен блаженно улыбается и смотрит куда-то вдаль.

— С тобой всё в порядке? — беспокоится Илаф о своей пациентке.

Кристен выглядит счастливой и довольной и как будто не слышит вопроса Илаф.

— Кристен! Ты слышишь меня? — повторяет Илаф.

Уже все обращают внимание на Кристен и смотрят на неё. Через несколько секунд она вздрагивает и поворачивает голову к Илаф, постепенно переводит взгляд на каждого из участников. Глаза у неё счастливые и очень похожи на безумные.

— Думаю, что да, всё в порядке. Просто я почувствовала действительно сильную любовь к вам и к своей жизни. Я вспомнила своих питомцев и их заводчиков и поняла, что им не хватает этой любви, поэтому многие из них заводят себе животных, чтобы от них получать энергию. Животные ведь напрямую связаны с космосом.

— То, что заводят животных и детей от нехватки любви в себе, это правильно. Но то, что животные связаны с космосом, это я впервые слышу и сомневаюсь в этом.

— Конечно, связаны.

— Получается, если человек наполнен любовью, любит себя и окружающих, то он не заводит животных и детей?

— Не так однозначно. Заводит, но видит в этом другой смысл. Он заводит детей, чтобы дать новую жизнь, а не нагрузить ребёнка смыслом своей жизни или использовать для реализации своих мечтаний. А животных заводит для охраны, защиты, еды, спасая им жизнь, просто из любви и сострадания. А не для того, чтобы быть кому-то нужным, или чтобы кто-то преданно встречал и ждал.

— Мы, вон, вообще никого не планируем пока заводить, живём для себя, — говорит Руди, нежно глядя на Амира. А теперь, когда я узнала, что эта жизнь лишь переходный этап и испытание, так думаю, зачем вообще заводить обузу и лишние проблемы?

— Что ты такое говоришь? — возмущается Мила. — Дети — это прекрасно, это цветы жизни!

— Ты всего лишь повторяешь слова других людей, не осознавая, что это ещё и множество проблем. И это роскошь, и большая-большая ответственность. Есть много детей, лишённых родительского тепла и любви, и есть, кого наполнять своей любовью. Был период, когда дети стали на вес золота и детдома опустели. Но после ряда очередных катастроф, землетрясений и наводнений, брошенных детей снова стало много, — Илаф много раз говорила о детях-сиротах, численность которых снова возросла, всегда переживала о них и подумывала об усыновлении. — Вы видели их глаза? Этих несчастных оставленных детей? Любовь Бога, это одно, но этим детям не хватает любви родительской, материнской. И доказать им, что в общем-то родительская любовь, это не важно, очень сложно. А дети из пробирки, выращенные из семени мужчины и яйцеклетки женщины, и воспитанные одним родителем! Многие вырастают, лишённые любви одного из родителей, и поэтому чувствуют себя ущербными и отверженными. А чувство отверженности это хуже всего.

— Я полностью согласна с Илаф и убеждаюсь в том, что лучше усыновлять оставленных детей, как это сделала Ева.

Илаф связывается с центром и отправляет полученный файл. Несколько суток родственные души гуляют и расслабляются, наслаждаясь воздухом, заряженным положительной энергетикой, насыщенным кислородом и озоном. Спят на свежем воздухе в палатках. Готовят на костре и разговаривают. Наступает день расставания.

— Мы можем кого-нибудь подвезти в аэропорт, — предлагают Руди и Амир, забираясь в свой летап.

— Возьмите меня, — Мила не хочет обратно добираться в одиночестве и отправляет свой арендованный летап обратно на его стоянку.

— Тогда до свидания и до встречи в эфире, — Илаф жмёт руки Руди и Миле.

Кристен обнимается и целуется в щёки с девочками. Амир кивком головы прощается со всеми и забирается в летап. Дождавшись Руди и Милу, он поднимает своё судно вертикально вверх и парит над финиковым парком, пока Илаф и Кристен не выберутся на дорогу, где оставили свой автомобиль. Ещё какой-то период времени он сопровождает женщин вдоль трассы, бросает прощальный салют выстрелом вверх и улетает в сторону аэропорта. Илаф и Кристен в арендованной машине добираются до аэропорта и улетают в Америку.

— Уважаемые земляне! — слышен голос повсюду, в облаках парит облик виртуальной ведущей, созданной по всем канонам красоты. — Мы в очередной раз имеем возможность прослушать встречу родственных душ с душой Евы. С нашей первой зарегистрированной душой! Готовы?

Ведущая замолкает, и повисает тишина. Все замерли в ожидании. Слышен щелчок включаемой записи.

— Я здесь, с вами! — голос, хоть и не слышен, но призыв доходит до сознания всех жителей Земли. — Я люблю вас. Вы не одиноки в этом мире и Вселенной. Вы нужны Богу.

Глава 18

Грязь

В кафе сидят пятеро мужчин, судя по виду, безработных, промышляющих временными заработками от сдачи крови и спермы, и перепродаж. Большинство трудовых мест занято роботами, работать негде, хотя остались профессии, которые требуют творческого подхода, например, писатели, художники, архитекторы. Похоже, компании удалось сорвать куш, и они отмечают это событие.

— И вы думаете, это может быть в действительности? Это же чистой воды бутафория и подделка. Ну кто верит в подобную чушь? Какая душа? Какой Бог? Нет этого ничего. Человек произошёл из обезьяны. Я верю в теорию Дарвина, — говорит один из компании отдыхающих, выпив кружку пива и с грохотом поставив её на стол.

— Может, и произошёл от обезьяны, но ход эволюции был направлен свыше, и это всё. И развитие из обезьяны было запрограммировано высшей силой, — вмешивается женщина за соседним столиком, обедающая вместе с ребёнком.

Мужчины поворачиваются на её голос, и все разом начинают смеяться. Смесь марихуаны и пива даёт колоссальный эффект.

— А тебя никто не спрашивает, тётя! У нас своё мнение на этот счёт, у тебя своё. Все люди разные и у всех своё мнение.

Женщина жалеет, что вмешалась в беседу и, опустив голову, исподлобья смотрит на своего сына-подростка. Она одна воспитывает его, клонированного из семени неизвестного здорового мужчины, и очень боится, что её сын без отцовского воспитания и внимания станет неудачником.

— Сынок, заканчивай есть, и пошли отсюда. Видишь, здесь собираются нехорошие люди, — она предполагала, что

придорожные кафе могут быть опасны именно таким контингентом, но сын настаивал остановиться здесь.

— Это кого это ты называешь нехорошими? Это мы-то? Да мы вкалываем всю неделю и сдаём кровь со спермой, чтобы вот такие, как ты, потом пользовались нашим семенем. Неблагодарная, — говорит уже красный от алкоголя другой мужчина средних лет. — Вы живёте на дотацию и пособие, а нам приходится вкалывать и сдавать свои органы, чтобы выжить. Вам, женщинам, дали все блага, чтобы вы растили и воспитывали детей, а мы, как рабы и роботы.

— Вы могли бы тоже завести детей и получать пособие, — пытается оправдаться женщина, но вспомнив, что лучше не связываться и не разговаривать с подобными людьми, снова осекается.

— Интересно, а кто воевать будет? Войны не прекращаются, идут то в одной точке мира, то в другой.

— Пошли, дорогой, — женщина хватая сына за руку, не дав ему доест, и они уходят.

— Вот ведь какие, разводят детей, а мы умираем, воюя, или пашем, как рабы, — не унимается красномордый. — Женщины, дети, цветы жизни! А правда жизни где? И кто её добивается? А справедливость? Все эти красивые слова — душа, Бог! А где они находятся, что так не справедливо мир живёт?

— Да, дружище, ты, как всегда, прав. Все эти эфемерности — осознанность, духовное развитие. А как о материальном и хлебе насущном подумать, так у них кишка тонка. Попробуй-ка, проживи без денег. Ты слышишь, что они говорят в облаках? — другой с нестриженной бородой показывает вверх, где вещает оператор. — Полный бред. Кругом изобилие и роскошь. Для кого это изобилие? Я до сих пор ничего подобного не видел. Пока не будешь пахать, как вол, никакого изобилия не светит. Или воровать надо, но это тогда сидеть в тюрьме на острове. Я уже отсидел свой срок и больше не хочу.

— Конечно, бред. Полный. Где это видано, чтобы быть искренним, открытым и... каким, там ещё говорят? А, осознанным. И всё будет отлично, и типа человек будет духовно развиваться.

А инстинкт самосохранения? Если нечего есть и негде жить, как можно оставаться порядочным и благородным? И ещё высокодуховно развитым.

— А что такое быть осознанным, они не говорят.

— Говорили, что это типа уметь чувствовать и прислушиваться к себе.

— Я лично слышу только голос спиртного и похмеля. Ещё голод и страх. Это я осознаю, — значит, что мне надо опохмелиться и поесть.

— Ещё любовь, это я тоже чувствую. Когда жена вкусно готовит что-то, я к ней наполняюсь теплом и любовью. А как твоя?

— Да, мы всегда ругаемся и спорим, и чаще всего я её ненавижу и думаю, как бы развестись. Так она ведь не даст развод. Вцепилась накрепко, и что надо, непонятно. Может, и скорее всего, из-за квартиры. Она из другого города, уехала от родителей.

— Не думайте о мирских проблемах. Мы в этой жизни временно. А после нам предстоит долгая дорога, долгий путь души. Следуйте законам миролюбия, — звучит в сознании уже пьяных мужчин.

Стоило компании отвлечься и посмотреть в облака, как тут же в их сознание приходит голос, внушающий мысли о другой жизни, полной счастья и изобилия.

— Как не думать о мирских проблемах? Мы же живём в этом мире, надо есть, одеваться, жить вообще, и за всё платить приходится. Чушь какая-то. Они там, что ли, вообще лишены потребности в материальном и деньгах, раз призывают не думать об этом? Не знаю, куда спрятаться от этого мерзкого голоса. Они повсюду, стоит только глянуть в облака. Хоть вообще не смотри в небо, — возмущается один из собутыльников.

— Я уже научился смотреть туда в защитных очках, и как только чувствую, что в моё сознание врежется этот потусторонний голос, внушающий мне какую-то непонятную иллюзию райской жизни, так я сразу бегу в магазин, беру выпивку и употребляю. Это помогает, жаль, что ненадолго, но тем не менее, — отвечает краснолицый.

— Говорят, продаётся заглушка от этих облаков, и тогда никакие голоса и внушения в мозг не проникают.

— Слушайте, кажется, гремит где-то вдалеке.

— Да, вон там идёт дождь!

— О, молния! — закричали все радостно и почти в один голос. — Отлично! Можно продолжить и полностью оттянуться.

— Пойдём на крышу дома напротив?

Компания начинает обсуждать план, где поймать молнию и вместе с ней дополнительный кайф. С того момента, как разработка общения с духами стала популярной и общедоступной, появились умельцы, которые, несколько перестроив установку, использовали её для получения удовольствия. Это было незаконно, поскольку наносило вред энергетическому фону не только Земли, но и всей вселенной, создавая диссонансные колебания энергии. Когда молния бьёт в колбу, — а её соорудить теперь мог любой подросток, напичкав её дополнительными электродами для заземления, — при вдыхе человек ощущает головокружение и наркотический экстаз. Тело отрывается от земли, парит в невесомости, и кажется, что душа парит в космосе среди звёзд. Колбу усовершенствовали до такой степени, что подключение к адронному коллайдеру больше не требовалось. Мужчины быстро допивают остатки алкоголя и выходят на улицу, где в воздухе уже слышен озон от приближающейся грозы. Сперва они заходят домой к одному из мужчин, чтобы взять установку. Потом, забравшись на крышу двадцатизатжки, сломав для этого замок двери, ведущей на крышу, выбирают место, стелют картон, найденный по дороге и усаживаются вокруг колбы. Один из них настраивает колбу на активацию. Потом все пятеро берут в зубы трубки, обнявшись друг с другом за плечи. За это время грозовая туча приближается, и раскаты грома уже близко. Молния вот-вот будет над головами мужчин. Они ждут и дышат пока что заряженным воздухом через трубки.

— Главное, не вспоминать умерших, а то явятся и весь кайф обломают, — отрывается один от трубки и снова присасывается.

— Это и так понятно, ты сам не вспоминай, а то в последний раз, как выяснилось, ты вдруг подумал о своей душе в прошлом,

и чуть кайф не сломал, — отрывается другой. — В самый момент прихода вдруг раздаётся глас небесный и спрашивает: «Что вы хотите?» Ясно, что, не потрепаться о жизни пришли.

— Помню-помню, было дело, — отзывается третий.

— Хватит уже болтать, сейчас упустим момент, и всё.

Все умолкают и продолжают дышать, краем глаза наблюдая за небом и приближающимися молниями. Электроды в колбе создают магнетический эффект, и молния должна притянуться и попасть в центр установки, даже если возникнет на расстоянии километра. В ожидании проходит около получаса, и вот, наконец, проходит мгновенный разряд, — молния попадает прямо в центр круга мужчин, в колбу. Внутри колбы происходят химические и физические реакции, наполняя её смешанными цветами, от чёрного, через бурый, бордовый, коричневый, красный, синий, зелёный, до белого. Вся эта цветовая смесь бурлит и кипит. Мужчины делают вдох и задерживают дыхание, выдыхают и снова делают вдох. Постепенно их тела приобретают невесомость и лёгкость и начинают подниматься. Они крепче хватаются за плечи и руки друг друга. И вот уже их ноги теряют контакт с крышей, поднимаясь вслед за телами, и парят в воздухе. Вся пятёрка крепко держит зубами трубки, для верности ещё и прикреплённые к рубашкам зажимами-прищепками. Саму колбу держат на крыше металлические палки и кирпичи, найденные здесь же и по дороге. Души отрываются от тел и летят высоко в небо, и уже теряются из вида.

— Ну как? Кайф? Такого ещё не было никогда! — посылает мыслительный импульс один из мужчин.

— Ты так всегда думаешь, и так всегда кажется.

— Нет, в этот раз мощный, сильный приход.

Приятели обмениваются мыслями и получают чувственное наслаждение от невесомости тел и невероятного, фантастического головокружения. Молния ещё несколько раз бьёт в колбу, добавляя кайфа. Мужчины парят кружком, закрыв глаза. От того, что они долго смотрели на колбу в момент разноцветных реакций, у них возникает иллюзия космического полёта

среди звёзд в тёмном небе. На самом деле их души, достигнув вселенной, кружатся вокруг звёзд. Если бы они предварительно не связали руки стяжками, то могли бы потеряться, и в реальности упасть с крыши. Такие случаи были, но если сохранять все меры предосторожности, то неприятных последствий можно избежать. В этом были уверены и собравшиеся на крыше пятёрка, и вообще каждый, кто практиковал этот метод получения кайфа. Радары, к сожалению, не могут зафиксировать, кто общается с духами, а кто любит опьянение и использует установку в наркотических целях. Молнии больше не бьют, гроза удаляется. Начинает накрапывать дождь. Тела мужчин постепенно тяжелеют и опускаются на поверхность крыши. Души возвращаются в свои тела. Приятели открывают глаза. Все пятеро стоят на ногах, хотя в начале сеанса сидели в позе лотоса. Они по-прежнему держат друг друга за плечи и руки, и у всех трубки во рту. Придя в себя, мужчины выпускают трубки изо рта, отвязывают зубами руки, потянув за шнур, и потом отсоединяют трубки.

— Вот это было божественно! Нет слов, — наконец нарушает тишину один из мужчин.

Все остальные молчат, ещё находясь под мощным впечатлением от прихода и ощущения полёта. Один из компании отходит к краю крыши и, свесившись через парапет, смотрит вниз. Опьянение от алкоголя проходит, и остаётся огромное ощущение чего-то неземного, сверхъестественного и космического. Кто-то просто сидит в молчании, а кто-то просто ложится, смотрит в небо и ловит губами дождь. После полуденной жары и опьянения дополнительная влага приятна. Мокрая одежда не смущает, а наоборот прибавляет и догоняет полученный кайф.

— Эй, ты, отойди от края! — кричит один из мужчин, проявляя беспокойство.

— Ничего не будет. Я контролирую ситуацию, — отвечает экстремал.

— Ты можешь случайно не удержаться, сорваться и полететь вниз. Я не могу спокойно смотреть на тебя.

— Так и скажи, что сам очкуешь.

— Беспокоюсь за тебя. Ещё не хватало мне потом твоей матери отчитываться и оправдываться. Она, уж точно, обвинит нас в твоей гибели. Как всегда. Когда пьяного тебя приводим домой, столько всего приходится выслушивать. Ты пьяный, и никогда не помнишь ничего.

— Почему же, на утро она мне мозг выносит своими причитаниями и занудством. Хорошо, ухожу-ухожу, — и он слазит с края крыши и ползёт к остальным, уже собравшимся уходить. Они уже сложили установку в пакет.

Дождь усиливается и уже льёт, как из ведра. Компания расходится по домам. Дождь продолжает лить целый месяц без остановки, но гроз больше нет. Во вселенной среди звёзд переполох. Это происходит всегда, когда наркоманы используют установку и молнию в своих целях. Диссонансные энергии настолько сильны, что природа бунтует и восстаёт против такого вмешательства. Ведь совсем недавно человечество пережило ряд землетрясений и наводнений из-за своей беспечности, безответственности и потребительского отношения к жизни.

— Внимание! Внимание! — слышен голос повсюду, и среди дождя и туч возникает образ оператора. — Сеансы с душой временно запрещены. В дальнейшем просьба не использовать установку вызова душ не по назначению. Это серьёзное вмешательство в естественные законы вселенной. Дождь не прекращается по причине того, что кто-то сгенерировал диссонансные колебания энергии. Внимание! Внимание!..

Предупреждение звучит каждые пятнадцать минут. В это время во вселенной некоторые звёзды меняют местоположение, некоторые гаснут. Движение энергий на Земле напрямую связано с галактикой и со вселенной. Все законы природы идентичны. На Земле всё происходит в маленьком масштабе по сравнению со вселенной. Земля — всего лишь один из квантов во вселенских мирах.

— Не мы ведь явились причиной этого кипеша?

Мужчины из компании переговариваются при помощи индивидуальной телепатической связи, настроив мысленный

поток друг на друга, закрывшись в коробку из фольги, которую невозможно проследить и зафиксировать радарами.

— Надеюсь. Но что-то аномальное происходит в природе. Так долго дождь ещё не шёл никогда.

— Жаль, что без молнии, а то бы опять кайфанули.

— Ты что, не слышал предупреждения, что пользоваться колбой нельзя?

— Да что мне это предупреждение!.. Ха-ха-ха! Видал я в гробу всё это.

— Всё же мне как-то не по себе. Я больше не буду участвовать, меня не зовите.

— Ты так всегда говоришь, когда очкуешь, а потом видишь молнию вдали и первый предлагаешь. Сколько раз уже так было. Забыл, что ли?

— Я просто вижу и слышу молнию на расстоянии и говорю вам об этом.

— Какой-то шорох во дворе. Пойду посмотрю.

Один из друзей подходит к окну. В это время дверь открывается, и в комнату вбегают спецназовцы-роботы, вооружённые до зубов.

— Лечь на пол, руки за голову, — приказывает один из роботов.

Такая же операция проводится в квартирах всех пятерых. Но одного из участников развлечения с колбой не было на связи. Четверых же арестовывают и увозят в отделение. Устраивают допрос о биографии, занятости и участии в сеансе. В ходе дознания выясняется, что такие опыты дружки проводят регулярно, как только завидят грозу. Власти ищут пятого, но тот успевает скрыться в неизвестном направлении. Через некоторое время находят и его, в лесу, в сторожке лесника. В тело каждого нарушителя вшивается микрочип, следящий за его действиями и ограничивающий получение удовольствий, и вводится мутаген, блокирующий поиск удовольствий и меняющий психику человека. Теперь они не только не смогут ловить молнию, но и от выпивки, секса, даже от принятия пищи им не дано ощутить наслаждение, более того, отныне им недоступна радость от созерцания красоты. Их всех отправляют на исправительные работы

в тюрьму на остров, созданный для преступников, где через пару лет они превратятся в людей типа амёбы или овоща. Они внесли диссонансные энергии во вселенную и умышленно нарушили природный баланс. Использовали установку в незаконных целях.

— Наконец-то нам удалось захватить нарушителей законов природы, — передаёт однажды оператор. — Не надо вмешиваться и использовать природные дары в пьяном виде и для опьянения, это очень вредно для всей вселенной. Может быть, вы и не понимаете смысла сеансов вызова души и необходимости соблюдения правил для безопасности всего человечества, но вы поймёте позже, или поймут ваши потомки. Предупреждаю, что некоторое время могут быть сбои, поэтому лучше пока не пользоваться колбой и не вызывать души.

— А мне срочно надо просмотреть прошлые жизни моей души и вероятностные исходы в будущем, — говорит в эфир мужчина.

— Лучше пока воздержаться. Во вселенной происходят непонятные передвижения, вызванные диссонансом.

Мужчина в крайнем раздражении ходит по дому. У него решается вопрос жизни и смерти, и он хочет срочно воспользоваться колбой, заглянуть в прошлое и будущее. Он выяснил, что в прошлой жизни его душа была женщиной-бизнесменом и не всегда честно поступала при совершении сделок. Сейчас у него сложная ситуация. Он понимает, что компаньон его обманывает, и он вынужден либо тоже пойти на хитрость, либо отказаться от очень выгодной сделки. Ни тот, ни другой вариант его не устраивает. В этих сомнениях он находится уже больше месяца, и, как назло, дождь не прекращается, а последнюю молнию он пропустил. Был в командировке. Он всегда старается быть честным во всём, выяснив причину своего последнего визита на Землю. Но сейчас возникает дилемма — быть обманутым или самому обмануть. Третьего варианта он не видит.

— Что же делать? — советуется он с супругой, когда голос замолкает, и он задёргивает шторы. — Я не могу дальше тянуть. Партнёр торопит с ответом. Я и так уже месяц откладываю.

— Говорят же, что лучше не надо. Вселенная засорена постоянными энергиями.

— Горит сделка, и я не могу найти выход.

— Представь, что нет возможности получать помощь от вселенной и души, что бы ты тогда делал?

— Я бы схитрил и выиграл дело. А так, я не уверен и боюсь, что меня снова зашлют на Землю или ещё куда-нибудь. Я читал биографию прошлой жизни моей души. Она проводила такие мерзкие махинации... И как только совесть позволяла! Такие подлости, а снаружи всё чисто и законно. Но, по-человечески, очень некрасиво. И ещё улыбалась. Не знаю, как она себя чувствовала. Может, всё же муки совести и вина не давали ей спать?

— Ну вот, видишь, ты сам ответил на свой вопрос. Лучше спать спокойно, без мучений совести и чувства вины.

Приближается ночь, и супруги готовятся ко сну. Дети их выросли и разъехались кто куда. Мужчина всю ночь ворочается и не может заснуть. Он мучается, больше нет сил терпеть. На утро он принимает решение всё-таки получить духовный опыт, как только будет молния. Её уже не было давно, и она должна бы уже вот-вот появиться. Может, к тому времени всё утихнет, и никто ничего не заметит.

— Когда ты дашь ответ по нашей теме? Я жду, а ты всё тянешь. Если сделка не интересна, так и скажи,— блефует партнёр по бизнесу.

— Подожди ещё немного, пожалуйста. Сделка мне интересна, но я не могу пока дать ответ. Личные проблемы.

— Даю тебе последний срок,— две недели. И отдаю сделку в другие руки. У меня желающих много.

— Ты же сейчас блефуешь. Откуда может быть много желающих? Кому это надо?

— Есть такие, не волнуйся.

— Я надеюсь, что за две недели я смогу дать ответ. Подожди ещё немного.

Мужчина потеет от напряжения и отключает связь. Дождь, который последний раз лил месяц, вот-вот начнётся снова. Уже

видны грозовые тучи, низко у горизонта чёрное-чёрное небо. Он так волнуется, что боль в животе не прекращается. Он курит одну за другой сигары и кальян, и состояние здоровья резко ухудшается. Когда врач запретил ему курить по возрасту и больному сердцу, он бросил. А сейчас опять закурил. Если он ошибётся в этой сделке, он потеряет все свои накопленные капиталы, и старость придётся проживать в нищете и даже голодать. Такая перспектива его не то что не радует, он ужасно боится этого. С момента предупреждения проходит неделя, а с момента окончания месячного дождя — три месяца. Он надеется, что всё уже в прошлом, и можно провести сеанс.

На противоположной стороне планеты Земля любители кайфа не обращают внимания на предупреждения и последствия. Кайф сильнее логических заключений и здравого смысла. С ним так хорошо, мир прекрасен и чудесен. Они тоже ждут молнию. В этой части также видны грозовые тучи и нависшие перед дождём облака. Любители кайфа устраиваются на крыше, сооружают установку и ждут. А мужчина-бизнесмен выходит на крышу своего дома, где стоит готовый к полёту летап, и снимает защитный щит с колбы. Установка у него всегда наготове. Её соорудили мастера, которые её очень надёжно и прочно закрепили. Бизнесмен тоже садится в позу лотоса в ожидании. Он, как и всегда, проводит этот сеанс в одиночестве. Сначала было страшно, а потом привык. Так он общался с душами своего прапрапрадедушки, прабабушки, видел жизни своей души. И они давали очень мудрые советы, или решения и ответы приходили в голову сами. Мужчина советуется только с духами, и бизнес у него идёт хорошо. Он надеется, что и в этот раз духи помогут ему, покажут или дадут ответ, как поступить в его щекотливой ситуации. Это немного снимает ответственность с него самого при любом раскладе. Наконец невидалье появляются вспышки молнии. Бизнесмен наготове, и наркоманы тоже. И вот — один, второй, третий! Удары в установки в двух противоположных концах света происходят почти одновременно. Энергетические разряды молний, искусственным путём притянутых людьми,

встречаются в толще Земли. И поскольку энергии этих людей диссонансные, молнии копируют их и передают друг другу. Происходит мощный взрыв внутри планеты Земля, что вызывает землетрясения в разных частях света и извержения вулканов. Первая волна взрыва приходится на те местности, где живут наркоманы и бизнесмен. И они со всеми окружающими, близкими, друзьями, коллегами уходят под Землю. Их души не могут выбраться из-под Земли и застревают там. Кричат, вопят, орут, стонут. Страшные звуки, способные бросить в дрожь и оторопь любого, кто бы это ни услышал.

— Я же говорила тебе, не надо проводить сеанс. Предупреждали ведь, — стонет душа супруги бизнесмена.

— Что ты наделал, папа? И мы тоже теперь страдаем из-за тебя.

— Я слышал, что некоторые выбираются отсюда. Кто доказывает свою невиновность, и если Бог подтверждает это.

— А куда это мы попали? Или это приход такой? Что-то мне не нравится. Жутко как-то. Всегда было светло и лучезарно, а сейчас как-то ужасно. Что за крики, вопли? Это у меня так, или и вы тоже это слышите и ощущаете? — душа одного из наркоманов никак не может поверить, что всё это происходит в реальности.

— Вы на пути в ад! — слышны крики со всех сторон. — Выпустите меня отсюда, я не виноват! Выпустите!

Истошные вопли не прекращаются. Бизнесмена и наркоманов тоже начинает душить, давить, рвать во все стороны, кругом кипятик и огонь. Тела расплавляются, перемешиваются с жидким гноем и бурлят. Вонь, смрад, пакость, нечисть, дерьмо, — всё кругом в одной куче. Бизнесмен понимает, что допустил главную ошибку своей жизни. Теперь её не исправить, придётся смириться и надеяться, что он вырвется отсюда. До наркоманов пока не дошло полностью, и они не могут поверить в то, что это не кайф и приход, а действительность. Они ещё надеются, что кайф пройдёт, и они окажутся на крыше и, как всегда, очнувшись, понесут свои бранные тела мучиться и страдать от бытовых проблем и плохого окружения. У большинства из них всегда виноват кто-то из внешнего мира, только не они, несчастные

жертвы обстоятельств. И сейчас они просто хотели посмотреть фильм через энергию молнии.

— Что-то кайф-ужас затягивается, вам так не кажется? — спрашивает один из наркоманов другого.

— Какой кайф? — слышит он в ответ незнакомца.

Он оглядывается вокруг, ан, нет его друзей рядом.

— Это что, правда ад? Его ведь не существует. И рая тоже нет. Это всё сказки для деток, — продолжает он сомневаться в очевидном.

— Ты на пороге в ад! И тебе показывают самое его пекло. Самый адский ад. Ты уже здесь не первый раз, просто забыл. А я тебя помню. Ты ещё был внуком Евы, Марком, и высмеивал общение с ней и её опыт. И как тебя ни учат, ты всё забываешь, как и каждый из здесь присутствующих. Вскоре и ты начнёшь припоминать все свои прошлые жизни и различные души вокруг тебя.

— Не может быть! Я ведь никогда не верил в это.

Марка начинает крутить и выкручивать, растягивать в разные стороны, сжимать и давить. Его обжигает огнём, на него капает горячий гной, какая-то гадость течёт по нему и вокруг. Крики, стоны, мольбы, адский рёв, — всё перемешивается и сливается в одну воронку, и засасывает на неизведанную глубину.

Бизнесмен, вернее, уже просто его душа среди других душ, пытается просчитать и проанализировать, где он ошибся. Хотел провести личный духовный сеанс, с душой предка пообщаться, а сам и его близкие и друзья оказываются на пороге в ад. Где логика, и где справедливость? Где-то он очень сильно нагрешил, сделал что-то плохое.

— В чём я виноват? Объясните. Почему я здесь? Я ведь был идеальным. Мне за мои труды при жизни нужно памятник ставить. Что я сделал? — кричит он, пока его тянет в разные стороны, и, кажется, оборвётся и разорвётся всё.

— Бог знает, в чём ты виноват. Да и ты должен в глубине души чувствовать это. Может, никогда не заходил в глубину, а был так, на поверхности? Ничего выдающегося, ничего от доброго сердца.

— Я жил, как все. Работал, семья была...

— Может быть, ты совершал подлые поступки, обманывал ради своей выгоды? Может, ты не способен любить и быть добрым и отзывчивым?

— Не знаю, не помню.

— Ничего, Бог всё помнит и всё тебе покажет.

— А что он мне покажет?

— Смотри, и увидишь.

Бизнесмен вглядывается в грязную, склизкую, чёрно-фиолетовую массу вокруг себя. Ничего особенного не видно. Он поднимает голову вверх и, наконец, видит маленький клочок пространства, на котором изображается что-то вроде видеофильма. Мужчина лежит в гамаке среди пальм. Низкий потолок из сухих лиан скрывает его от палящего солнца. Он лежит, и всё, ничего больше не происходит. Что-то неуловимо знакомое увиделось бизнесмену в этом мужчине. Какая-то родная, близкая душа. Часто при жизни он встречал таких, или ему так казалось. Но те были не такие уж родные и близкие. А вот именно к этой душе его тянет, он растворяется в ней и сливается воедино. Он понимает, что видит себя в прошлых жизнях. Свою душу, свою энергетику. И тут он вспоминает эту свою жизнь в прошлых веках, и что он один из приёмных детей Евы, первой души. Зовут его Даниель. Он обманул своих сводных братьев и сестёр и не приехал, потому что не хотел, а им озвучил причину, чтобы отвернуться, и его не мучила совесть.

— Ты эгоист, и у тебя мелкая, подлая душонка. Но ты этого никогда не понимал и не осознавал, считал себя идеальным, — слышит бизнесмен голос внутри себя.

— И что, за это в ад?

— Нет, отправим ещё раз на Землю на исправление. Попытайся там вспомнить и осознать свою сущность и душу. Это поможет тебе выбрать способ для коррекции привычек и особенностей. Изменишься и тогда больше не попадёшь сюда.

— Вот видишь, тебе повезло. Ты избежал ада. А кто-то переходит порог и попадает в ад навечно, — слышит бизнесмен голос.

— Спасибо!..

Глава 19

Открытые и оторванные души

Общение с душами набирает обороты, и человек растёт в своём развитии. Зная опыт жизни души в предыдущих телах, он делает выводы, анализирует и не допускает прошлых ошибок. Многие души выходят на новый уровень развития и больше не возвращаются на Землю. Тела, эмоции, интеллект, темперамент больше не имеют значения. Главное — душа и духовность. Душа отделима от всего остального, материального. На этой ступени прогресса она спокойно может открепиться от тела, используя упрощённую процедуру отделения, и полететь хоть на край галактики и Вселенной, побывать в других мирах и в отэспаре. Процедуры с отделением души проводятся всё чаще. Теперь человек может добровольно поместить своё тело в заморозку, а душу отпустить «погулять» во вселенную, сохранив и скопировав её бьёнстри. Потом снова, — по окончании периода заморозки и возвращении души, — продолжить жить. В этом есть свои плюсы и минусы. Плюсы в том, что можно растянуть срок жизни на тысячелетия и узнать о будущем. А минусы, — по возвращении человека всегда окружают новые люди, он попадает в незнакомую обстановку. Плюсы и минусы можно поменять местами и рассмотреть по-разному. Где минус — там плюс, и наоборот.

— Здрасте. Меня зовут Марк. Я хочу оторваться от души, отправить её в путешествие по ближней галактике, — обращается мужчина средних лет в турагентство «Спивояж» с огромным фрезинкубарумом, — залом, где хранятся замороженные тела.

— Назовите код души, — отвечает металлический голос.

— А189038204—6352.

Марк знает прошлые жизни своей души, её неприятие божественного и слабую веру, гонку за богатством разными способами, её пристрастие к наркотикам и вообще любому кайфу. Он и сейчас собрался попутешествовать, потому что это способ получить удовольствие и ничегонеделание. Его душа мало-помалу развивается, но ещё очень далека от совершенства, чтобы стать звездой. Таких, как он, ещё много. Поэтому жизнь человечества на Земле будет продолжаться, но вот развиваться ли? Человек должен превзойти самого себя. Рождаясь с плохими интеллектуальными способностями, особым строением ДНК, структурой и формой бьёнстри, он должен научиться быть счастливым, добрым и любящим. Самые сильные, умные и способные уже больше не возвращаются на Землю, здесь остаются немощные, ущербные и слабые души.

— На какой период путешествие? — снова металлический голос.

— Длительный, пусть будет 100 лет, — легкомысленно отвечает Марк, периодически косясь на дверь выхода.

— Близких предупредили?

— У меня их уже давно нет.

— А, много путешествуете?

— Ага.

— Хорошо. Вы знаете правила и законы?

— Ага.

Первый раз Марк отправился в духовное путешествие со «Спивожаем» ещё девятьсот лет назад в числе первых испытуемых. Тогда ему заплатили как участнику эксперимента, и он даже получил право на бесплатные путешествия. С тех пор он пристрастился к этой процедуре и проводил во фрезинкубаре больше времени, чем среди живых людей. Тем более, что когда его тело замораживается, оно сохраняется, процесс старения замедляется. А значит, можно продлить жизнь и удовольствия. То, что надо! Душа Марка очень привязана к телу и поэтому никак не может оторваться от него навсегда. Ведь полёт души не сравнить с какими-то телесными удовольствиями.

Марк не стремится к твёрдой вере в Бога и всё объясняет законами логики и здравого смысла. Даже если в его жизни и происходят чудеса, он это объясняет физикой, квантовой механикой, законами гравитации, психологией и другими науками. В этот раз он немного нервничает и боится отказа. Ему во что бы то ни стало необходимо свалить из этого мира, спрятаться хотя бы здесь. Скоро его будет разыскивать закон за пустяк, мелочь. Он выкачал энергию у одной простушки, а взамен не отдал свою. Она подала на него в суд.

В «Спивоаяж» заходит мужчина средних лет с чёрной бородой и седыми волосами.

— Здравствуйте! — человек уверенно подходит к стойке. — Я бы хотел открыть душу.

— Заполните форму.

В воздухе появляется клавиатура и прорисовывается бланк заявления.

— Здесь отпечаток пальца, — показывает луч.

— Как видно, вы уже не в первый раз, — обращается он к Марку.

— Как вы догадались? — ехидно спрашивает Марк.

— Глаза усталые. Вы давно потеряли связь со своей душой, но не знаете об этом и не ищете её, да и ваше тело после множества заморозок и разморозок стало вялым и пористым.

— А вы зачем открываете свою душу? Вдруг тоже потеряете? И я когда-то был открытым душой.

— Потому что я наконец-то её нашёл, а когда найдёшь свою душу, её уже не потеряешь, — гордо вскинув голову, отвечает мужчина. — И я хочу помогать другим находить их души, поэтому открываю свою. Заходите, берите, что хотите, — мне не жалко, и я не пострадаю. Я чувствую, что готов и созрел для этого шага. Кстати, я Даниель. Мои корни идут от первой души, Евы.

— Мне кажется, этот процесс не остановить.

— Какой? Вы про что?

— Открывать и терять душу. Как только откроешь её, тут же есть опасность потерять. Я Марк. Говорят, и я был рядом с первой душой, Евой. Вообще-то она не первая. Если точно, первая,

зафиксированная человеком. А там, — он указал пальцем вверх, — другой порядок.

— В других мирах для тех, кто достиг совершенства, более комфортная и роскошная жизнь. Я стараюсь, как могу. Кажется, что на этот раз я останусь там, это моя последняя жизнь на Земле.

— А я не хочу в другой мир. Мне хорошо здесь. Вас всех одурачили другим, лучшим миром и счастливой жизнью. Человек — проект самого себя. Реальность в действии. Я должен увидеть всё своими глазами, чтобы поверить.

— А вас не удивляет тот факт, что мы с вами оба корнями от души Евы?

— Нет. Она прародитель и усыновляла всех своих сыновей и дочерей. Может, я и не из её семьи, и это ошибка. Или вы ошиблись.

— Вы не хотите признать очевидное! Ведь это может быть чудо и неслучайность, что мы с вами встретились здесь, на пороге общения с душой. Вы, готовый оторваться от души и потерять её, и я, с открытой душой, готовый помочь.

— Почему вы утверждаете, что я могу потерять душу? Когда я замораживаю тело, моя душа, даже если она существует, летает по Вселенной и потом возвращается к намеченному сроку, — Марк выдавливая ехидную улыбку. — Ладно, некогда мне тут с вами. Мне пора.

Марк смотрит в сторону входа в зал, где тысячами заморожены тела. В последние свои возвращения он находил жизнь на Земле всё менее интересной. Каждый раз улицы становились более пустынными, а среди прохожих ему попадалось всё больше фроз — так прозвали тех, кто хотя бы раз воспользовался фрезинкубарумом. Глядя на них, было непонятно, с душой они или без неё. Марку было неприятно думать, что он выглядит так же, и поэтому жизнь вне фрезинкубарума уже давно не доставляла ему радости. С другой стороны, он изучил свою душевную хронику и видел мучения ада, когда из любопытства туда заглянул, и теперь боится умирать, чтобы не оказаться в аду. Уж лучше замораживаться и тянуть такую жизнь.

— Позвольте мне сопровождать вашу душу, и, может, тогда ваша жизнь на Земле станет более интересной, и вы сможете быть счастливым и потом, наконец, присоединитесь к божественной семье. Просто поверьте. Я вижу, вы в отчаянии.

— А вдруг вы шпион, следили за мной и теперь навязываете мне свою помощь? Не нужен мне никто. Я сам по себе. Идите своей дорогой. Лучше берегите свою открытую душу от чужаков. А то взлезет кто-нибудь и не вылезет.

— Хорошо. Моё дело предложить.

Даниель заполняет форму заявления. Чтобы открыть душу, необходимо внести свои данные в облачную сеть, приставить палец к детектору для снятия отпечатка и взятия крови. Он становится в сканирующий шкаф, где копируются его бьёнстри. Всё, процедура открытия души совершена. Такие, как он, люди с открытой душой, хотят помочь другим. Правда, не все готовы к настоящим действиям. Кто-то на самом деле помогает, а кто-то просто демонстрирует желание и много говорит об этом. Даниель действительно хочет и готов помочь, только ему не попадают желающие принять его помощь. На Земле остались чёрствые и неверящие ни во что люди. А ведь уже было столько доказательств! Нет, им надо увидеть своими глазами, тогда поверят. Когда тело замораживается, и душа покидает его, перемещаясь в другой мир, создаётся запись странствий души, и по возвращении её можно просмотреть, и всё равно остаются неверующие. Говорят, что это всё подделка и бутафория. Упёрлись твердолобы и никак не меняют своё мировоззрение. В противоположность им, открытые и откровенные во всём люди, — душа нараспашку, — тоже лишены внутреннего стержня, самодостаточности. Им нужны другие, чтобы чувствовать себя достойными и нужными обществу. Сами по себе, без внешнего толчка, они этого не ощущают. Две крайности, и никак, ни те, ни другие, не могут прийти к балансу. И это не зависит от благосостояния или других материальных факторов. Это именно качество души. Одни — мелкие, подлые душонки, другие кажутся большими, а на самом деле внутри скрываются пугливые душечки.

— Учтите, может, я — ваш последний шанс! — сделав свои дела, кидает вдогонку Даниель, когда Марк уже почти скрылся за дверью фрезинкубарума.

— А может, это я — ваш! Не подумали об этом? — просунув голову в дверь, с улыбкой говорит Марк.

— Значит, ещё встретимся, — тоже улыбаясь, отвечает Даниель.

— Не уверен. Я замораживаюсь сейчас на сто лет. Может, уже жизни на Земле не будет...

— На сто лет?.. О, Господи! Разве можно так надолго в это время?! И почему вас в ад не упрятали, а всё пытаются изменить?

— Вот видите, значит, не такой уж я плохой, — торжествует Марк, довольный, что одержал верх над этим приставалой, и исчезает.

Даниелю ничего не остаётся, и он направляется к выходу. Тут его что-то останавливает и как током ударяет, и он бежит обратно. Вбегает во фрезинкубарум. Здесь настоящий лабиринт из стеллажей от пола до потолка с ячейками, заполненными прозрачными капсулами, форма которых повторяет контуры человека. Внутри замороженные тела странствующих по Вселенной. В торце каждого стеллажа приёмная установка. С неё-то и начинается путешествие. Это холодильник, где тело человека предварительно замораживают, а затем помещают в капсулу, и автоматика отправляет её в арендованную ячейку на стеллаже. В ячейке капсула подключается к системе фрезинкубарума, благодаря которой в ней поддерживается низкая температура в течение всего срока, и включается режим разморозки по окончании. Даниель оглядывается по сторонам, кругом одни стеллажи и капсулы, капсулы... Где же Марк? Впереди узкий проход, как вход в лабиринт.

— Вы не получили пропуск. Вернитесь и получите. Вы не получили пропуск,.. — завёл металлический голос.

— Да мне надо кое-что сказать... Вспомнил по пути.

В проходе опять появляется голова Марка.

— А, это опять вы? Ну что вы привязались ко мне? И так тошно.

— Послушайте меня, пожалуйста, — Даниель подбегает к Марку и берёт его за руку. Между ними как будто пробегает ток. — Мы последние из немногих живущих на Земле. Закономерный и

спокойный конец. Может так случиться, что поддерживать систему фрезинкубарума будет некому. Её могут разрушить вражда или стихийные бедствия. Куда тогда пойдёт ваша душа? Подумайте об этом. Ад действительно существует, и там хуже, чем мы можем себе представить. Нужно приложить любые силы, чтобы его избежать. Если попадёте туда, будете жалеть, что не послушали меня.

— Мне надоело постоянно рождаться и умирать. Хотя я и не помню, как это. Но если верить в ваши сказки и в сны, это очень неприятный процесс. А ад моя душа уже видела, если опять-таки верить в душевные хроники, и теперь я тем более не хочу снова умирать. А с другой стороны, нет на самом деле этого ада. Сказка, чтобы воспитать послушное общество и правильное, удобное властям.

Даниель обескураженно смотрит на Марка. Он чувствует в нём близкую душу и очень хочет подружиться и помочь ему. А тот упёрся и непробиваем. Даниель готов плакать от досады и бессилия. Он с надеждой долго уговаривает и не отпускает Марка, но тот непреклонен.

— Давай, дружище. И всё же, спасибо за внимание,— Марк выдёргивает руку.

Он идёт к своему отсеку, и вдруг у него ни с того ни с сего наворачиваются слёзы. Он уже не помнит, чтобы кто-то беспокоился о нём или проявлял к нему участие. Он замораживался столько раз и лет, что непонятно, сколько ему сейчас, да и какая уже разница — тысяча, полторы... Наверное, постепенно на Земле останутся только духовные путешественники, фразы. Марк подходит к холодильнику и вводит свой код. На стеллаже загорается индикатор предназначенной для него ячейки, и дверь приёмной камеры-холодильника открывается. Марк заходит внутрь. Щёлкает замок герметичной двери. Осталось ввести время заморозки. Один, ноль... Его палец замирает, ставить на сто лет или не надо? Послушать этого Даниеля? Он задумывается, и палец сам машинально опускается на пуск. Марк вздрагивает.

— Значит, так тому и быть. Всё же подействовал на меня этот чудак. Десять, так десять. Как же мне надоело жить!..

быть один, — Даниель возводит глаза к небу от страшной мысли, пришедшей к нему. И почему он раньше не задумывался над этим? — Хоть бы не я! Я ненавижу быть один...

— Это тебе на пользу и только поможет, — проникает мысль в голову к Даниелю. — В одиночестве заложен огромный ресурс.

Он поднимает лицо. Над ним голубое имитированное небо. Ни облачка. Лёгкий ветерок. Солнце палит лучами, проникая сквозь защитный слой, обжигая.

— А может, сейчас начать тренировку и быть одному? Например, отправиться в путь в одиночестве?

Тишина проникает во все внутренности Даниеля, наполняет его, и он вот-вот взорвётся от удушливого молчания.

— Ааааааа! Аааааааа! — кричит он громко.

В ответ одна тишина... и наконец тихое жужжание! Это гудит летап. Вот он пролетел над головой. Даниель оглядывается вокруг. Людей нет, ни души. Даже духи исчезли и не видны.

— А вдруг этот человек в «Спивоаяже» был моим последним шансом? А я с ним так поговорил... Может, надо было как-нибудь помягче? А я напугал его своим ясновидением.

Даниель идёт, смотрит себе под ноги на бегущую впереди тень. Она очень длинная и навязчиво сопровождает его от здания фрезинкубарума. Он пытается пнуть её, топает, замахивается рукой. А ей хоть бы что. Вот привязалась.

— Может, он всё-таки прислушается ко мне? — Даниель достаёт свою сеть и набирает «Спивоаяж». — Можно узнать, на какое время заморозился один из ваших клиентов?

— Вообще-то раньше это было конфиденциально. Но учитывая настоящее положение на Земле, мы думаем, что сможем оповестить вас, когда он разморозится.

— Да, так было бы тоже хорошо, — хотя Даниель не верит, что доживёт. Сто лет!..

— Назовите фамилию.

— Я знаю только его имя, Марк, и что он заморозился сегодня.

— Тогда это просто, сегодня он был единственным клиентом, который замораживался.

Через десять лет Даниеля застаёт неожиданный звонок. Вызывает «Спивоаж», и мужчина вспоминает фрезинкубарум и день открытия своей души. Эти годы он много путешествовал по миру и находился в одиночестве.

— Вы просили сообщить об окончании заморозки. Сеанс интересующего вас человека завершён, — сообщает механический голос.

Марк открывает глаза. Слушает объявление даты и времени. Он был в заморозке десять лет. Непонятно... Как будто один день. Он и не заметил, как пролетело время. Вокруг много пустых ячеек и раскрытых капсул, любителей путешествия душ становится всё меньше. Не каждый хочет оставлять своё тело без контроля. А вдруг за это время что-то произойдёт? Это очень большой риск. Таких экстремалов мало. Через боковое стекло в ячейке Марк видит с одной стороны просвет. «Значит, сюда на выход», — думает он, нажимая на кнопку завершения сеанса. Сухой щелчок затворов, крышка капсулы откидывается, лежак с Марком выезжает из стеллажа и, как лифт, опускается вниз. Не дожидаясь остановки, мужчина спрыгивает на пол. Эта процедура сразу вспоминается, и движения очень отточены. Он, как кошка, мягко, осторожно и тихо ступает по полу и оглядывается по сторонам. Тишина, ни звука. Марк замирает и прислушивается. Затем, почувствовав большую уверенность, выпрямляется и решительной походкой идёт к выходу, там пульт управления системой. Выполняет несколько манипуляций, регистрируя своё возвращение. Без этого из фрезинкубарума выйти нельзя.

Как только Даниель получил сообщение о прибытии Марка, сразу же собрался в обратный путь. Он на северном полюсе, испытывал себя противостоянием природе и одиночеству. Даниель вызывает «Спивоаж» и просит связать его с Марком.

— С вами хочет связаться Даниель, — сообщает робот.

— Кто это? — спрашивает Марк.

— Мужчина, с которым вы разговаривали десять лет назад перед сеансом, — на табло появляется лицо Даниеля, снятого на камеру в тот день.

— Нет, не хочу с ним сейчас разговаривать, — отстраняет Марк табло, затем снова подтягивает к себе и вглядывается в изображение. И вспоминает всё.

Робот даёт сводку о радиации и метеоусловиях. В нерешительности Марк стоит на выходе, уже облачившись в защитный костюм от солнца и других видов облучения. Наконец, открывает дверь «Спивояжа» и выходит в яркий день с ослепительным жарким солнцем. Вокруг ни души. Он один на всём пространстве, что позволяет видеть его зрение. И даже включив бинокulary и поставив дальность на максимум, он не видит никого. Стоят красивые дома с вывесками. Мигает реклама разноцветными огнями. Большой экран уже пять минут повторяет одну и ту же фразу, как заезженная пластинка. «А может, он повторяет эту фразу уже давно? Это я стою здесь пять минут».

— Время — это иллюзия, — слышит он голос в голове.

Марк в нерешительности стоит и не двигается с места. Куда идти, он не знает. И что делать — тоже. Он боится, что его до сих пор разыскивает закон, да ещё этот Даниель зачем-то за ним охотится. Он разворачивается и возвращается в «Спивояж», снова регистрируется в системе на длительную заморозку и быстро направляется к залу фрезинкубарума...

Даниель настраивает телепортатор и в мгновение переносится к зданию «Спивояжа». Он оказывается у закрывающейся двери и видит спину удаляющегося в зал Марка.

— Марк! Подождите! — кричит он.

Но в ответ тишина, и уже закрытая дверь. Пока он получает доступ во фрезинкубарум и заходит внутрь, Марк уже в холодильнике и набирает новый период заморозки. И нажимает на пуск. Даниель наконец-то прорывается в зал фрезинкубарума и подбегает к стеллажу. Но капсула уже заняла своё место и подключилась к системе. Ячейка Марка в нижнем ярусе, и Даниель видит его спящее лицо. Он разочарованно и с грустью уходит прочь.

Глава 20

Одинокая душа

— Ты, сынок, — последний человек на Земле. Я скоро умру. Возвращаться сюда больше никто не будет, реинкарнация закончена. Единственное, замороженный фроз остался. Один, последний. Здесь код ликвидации, — старая женщина, лёжа на кровати, объясняет своему единственному сыну, которого родила сама, зачав от мужчины, и показывает рукой на стену. — Возьми его. Там всё просто.

— Да, мама, — Даниель отводит прядь непослушных локонов со лба.

Он живёт уже тридцать лет и людей видит только в хрониках, кроме мамы и папы, скончавшегося, когда Даниелю было шесть лет. В космосе запущено множество спутников, и всем управляют роботы. Мать с сыном проводят дни в чтении, общении с душами и просмотрах старых телевизионных программ и записей и ждут...

— Этого фроза тебе надо встретить, а потом сохранить и скопировать его душу, когда он будет умирать. Для этого ты и родился. У вас есть духовная связь, и он, когда разморозится, отправит тебе сигнал. С помощью этого чипа ты сможешь зайти во фрезинкубарум, а также управлять всеми процессами, связанными с сохранением души. Это мне передал отец, а ему его дед. Мы ждём, когда пройдёт триста лет. Он последний раз заморозил себя на этот срок, — женщина переводит дыхание, берёт стакан с водой и делает осторожный глоток. — Срок истекает через двадцать лет, ты должен дождаться и встретить его.

Даниель протягивает руку к появившейся из стены микросхеме и берёт её.

— Такая необычная...

— Да, её выпустили триста лет назад.

— Хорошо. Я выполню миссию, — Даниель смотрит на мать, в глазах блестят слезы. — Увидимся с тобой в отэспаре.

— Я всегда буду рядом с тобой, пока ты здесь. Да, и не забывай подключать систему роботизации мира и заряжать её.

— Я понял, главное, я должен позаботиться о последнем фрозе. А так, здесь будут существовать роботы и поддерживать планету до её естественного саморазрушения.

— Система роботизации планеты настроена на собственное поддержание в течение двух тысяч лет. По всем данным сканирования планеты, здесь нет живых, кроме тебя, меня и того, во фрезинкубаруме.

— Я это знаю.

— Да, ты всё знаешь. Что ж, не скучай и прощай.

— Счастливого пути, мама! — Даниель проводит рукой по лицу матери и опускает ей веки.

Включается механизм сохранения души.

Жизнь Даниеля протекает спокойно и размеренно. Он продолжает читать, общаться с душами, смотреть вероятностное развитие жизни планеты, вселенной, свои жизни и архивные телепрограммы. Периодически роботы создают новые программы и ведут их, но это всё искусственно, без экспрессии. Даниель много гуляет и путешествует по миру. В его руках все средства связи и транспортировки. Он один в этом мире роботов. Уже более двухсот лет нет зверей, птиц и насекомых, деревьев, кустов, травы. Ни животных, ни растений, — ничего живого, всё искусственное. Смешно, нелепо и дико смотрятся на фоне серого, безликого ландшафта цветные дома и рекламные стенды. Закат человеческой цивилизации. По-своему красивый. И изобилие продуктов, искусственно выращенных, с нескончаемым сроком хранения. Даниель берёт свой рюкзак и выходит на улицу. Он идёт, куда глаза глядят. На пути, как поднявшаяся в воздухе пыль, витают беззвучные полупрозрачные души. Их бесчисленное множество, порой они сливаются друг с

другом или становятся вовсе невидимыми. По пути иногда попадают предприятия, и Даниеля приветствуют роботы, предлагая свою продукцию. Он берёт, что ему необходимо в дороге, и устраивает привалы. Вносит правки и предложения по работе. Так идёт он один по миру, тренируя мышцы, дыша тяжёлым воздухом. Мать могла бы жить дольше, если бы не этот воздух и её слабые лёгкие. В начале человеческой цивилизации на Земле было много растительности, животных, бактерий. Человек всегда находился под угрозой смерти. Он так её боялся, что боялся просто жить. Вот и разрушил всё. Даниель с остановками на отдых блуждает по Земле, коротает время. Его никто не беспокоит и не тревожит. И вот, однажды его сеть оживает сама по себе.

— У вас встреча во фрезинкубаруме «Спивоаяж» в долине в нижнем течении рек Ефрата и Тигра, 31° с. ш. 47° 24' 60" в. д. Вас там ждут, — объявляет робот, и его голограмма исчезает в пространстве.

Вместо него перед Даниелем появляется экран с изображением большого чёрного здания без окон и дверей. Затем трансляция переходит внутрь помещения. Там видно много стеклянных капсул. Одна открывается, и оттуда вылезает старик, очень худой и сморщенный, весь обросший.

— Ух ты! Не могу поверить, я очнулся после трёхсот лет. Боялся этого. Ну вот, и ещё раз продлил время. А надеялся умереть во сне. Опять эта жизнь. Но, наверное, так надо, никак смерть меня не забирает. И чего от меня хочет? — кричит он, разминая кости.

— Добро пожаловать обратно домой, в жизнь, — объявляет робот.

— А что, кто-то меня встретит?

— Да, у вас встреча с Даниелем.

Экран выводит изображение Даниеля, в походной одежде, сидящего на чёрной земле и с котелком еды.

— Этот, что ли? К чему скатилась цивилизация, что он, как древнее животное? — смерив быстрым взглядом Даниеля, спрашивает старик.

— Да, я. И я — последний человек на Земле. Мне поручено встретить тебя. Тебе единственному сохранили жизнь, после

того как провели отбор и ликвидацию всех фрозозов, которые возвращаются на Землю после замораживания только чтобы опять заморозиться.

— А с чего это вдруг мне такая честь?

— Ты был в числе первых, начинавших опыт замораживания тела и путешествия души. К тому же ты имеешь родственные связи и духовную близость с семьёй Евы, первой зарегистрированной душой на Земле. Ты — моя близкая родственная душа.

— Польщён. И как ты один здесь живёшь? — старик ищет глазами выход.

— Нормально. Вот уже, получается, двадцать лет как похоронил мать и остался совсем один.

— И что, вообще больше никого, ни души на Земле?

— Людей нет, кроме нас, а духов полно, только они бестелесные и безмолвные, и они в другом мире живут. Ну и роботы, программы.

— Дааа, вот это я поспал, — старик усмехается. — Меня зовут Марк. Точно со мной встреча? Ничего не перепутал?

— Точно, мы уже встречались с тобой. Я — в прошлой жизни до дедов, а ты в позапрошлую свою разморозку.

— А, теперь припоминаю тебя. Ты навязчиво приставал ко мне. Видимо, и правда у тебя ко мне важное дело.

— Ты так и не научился верить, как я посмотрю.

— Пьяный проспится, а дурак никогда, хе-хе-хе. Вот я не вижу здесь выхода. Где он? Или замуровали?

— Я сейчас приеду, и тогда дверь откроется. Это для твоей же безопасности, чтобы ты опять не потерялся и не пропал, как в прошлые разы. Ты всё убегаешь от своей судьбы. Не надоело?

— Да, я скоро умру. Это было последнее путешествие. Хоть тело и замораживается, всё равно в период разморозки стареет быстрее, чем обычно.

— Ты сам заточил себя в эту тюрьму. Жил бы как все, как большинство.

— Умер и попал бы в ад.

— Наконец-то ты поверил в это? Мне говорили, что ты не веришь ни во что.

— Ну, не то что бы поверил... Хотя да, поверил.

— Ладно, жди меня. Я скоро буду,— Даниель собирается переместиться.

Дверь фрезинкубарума закрыта на кодовый замок, код же у Даниеля на чипе, который он получил от матери. Система безопасности была усилена, чтобы Марк опять не потерялся. Ключ знает только Даниель, и только он может управлять дверьми. Где он сейчас находится, он не понимает. Не так давно проходил предприятие по изготовлению стали. Единственное, что востребованно на сегодняшний день. Роботам не нужна пища и одежда. Всё необходимое для человеческой жизни изготовлено с запасом на сто лет вперёд, и потом, после смерти последнего человека, будет ликвидировано. Собрав своё походное снаряжение, Даниель забирается в трансформированный телепортатор. Робот реагирует на присутствие человека и запускает программу перемещения. Место назначения ему известно. Это через него передан сигнал из фрезинкубарума.

Старик ходит среди стеклянных капсул, пытается стучать в стены и по двери. Но в ответ тишина. Пугающая тишина. «Хоть бы робот поговорил, что ли», — думает он.

— Дорогой Марк! Добро пожаловать в комнату отдыха. Пройдите по стрелкам, которые я сейчас высвечу. Вы можете отдохнуть и поесть. В запасе есть человеческая еда,— ловит его мысли система и отвечает.

— Ах, отлично!

Старик пробирается по стрелкам и заходит в небольшое пустое помещение. Марк думает о еде и питье, и перед ним возникает стол с яствами. Он оглядывается на пустую комнату и думает, жаль, что нет диванчика. Все мысли его в мгновение реализуются. Виртуальная красавица, почти как живая, прислуживает ему. Слышна музыка, пение птиц, журчание воды.

— Может, я уже в раю?

— Нет, вы пока на Земле. Но, может, будете достойны и попадёте в рай. Поверьте в создателя, и он простит вам все ошибки и грехи. Попросите у него прощения.

— Опять началось. Каждый раз вы навязываете мне веру. Как только кто-то пытается мне что-либо навязать, у меня тут же возникает сопротивление. Не хочу я верить. Или уже верю, просто не могу признать это. Да, вот до чего я дожил.

Марк медленно приступает к еде, любителю красавицей.

— Подойди ко мне, — он хочет дотронуться до девушки, но рука проваливается в пространство. — Ты же настоящая! Вот как верить?

Старик немного разочарован, однако, насытившись, засыпает.

Даниель со скоростью света перемещается к зданию фрезинкубарума. Микросхема на месте, — он проверяет вшитый в кожу бедра чип. Тюрьма-фрезинкубарум, которая изначально была турагентством «Спивояж» и более тысячи лет назад использовалась любителями экстрима, а потом нашла негласное применение для содержания потенциальных преступников и беглецов, выделяется чёрным пятном с ровными краями среди отдалённых гор и облаков. Если бы она была в городской черте, эту мрачную картину разбавили бы цветные дома и реклама, оставшиеся с былых времён.

— Ну, что? Сим-Сим, откройся, — шутит Даниель, вспомнив сказку из детства.

Он вытаскивает чип, разрезав ногу. Потом обеззараживает и зашивает рану лазером. Вставляет микросхему в сеть и задаёт параметры запроса. Перед ним система, контролирующая человеческую жизнь. Остатки её. Он даёт команду «Открыть вход». Перед ним раскрывается дверь в здание. Даниель заходит внутрь. Вокруг тишина. Он прислушивается. Слышит сопение и идёт на звук. В комнате он видит старика, с которым общался по сети, спящего на виртуальном матрасе, поддерживающем его тело в воздухе. Даниель решает перекусить, и появляется накрытый стол. Вскоре старик просыпается, открывает глаза и вытаращивается на Даниеля. Какое-то время они молча изучают друг друга.

— Значит, ты последний. И пришёл меня похоронить? — наконец-то произносит Марк.

— Да, когда придёт твоя смерть, похороню и сохраню душу.

— Да, я чувствую, что близится мой конец. А я почти и не жил по-человечески, — с сожалением и вздохом произносит Марк и тоже присоединяется к трапезе. — Что это ты ешь такое противное?

Марк пробует еду, и она ему не приходится по вкусу.

— За последние сто пятьдесят лет человек привык питаться искусственными продуктами. Натуральных нет.

— Как это нет? А я что ел?

— Это подделка. Очень хорошая подделка, не отличить. Виртуальный обман. Ты представил то, что хочешь съесть. И это явилось тебе. А ел ты искусственный заменитель для поддержания здоровья и жизни человека. Сейчас захотел есть я, и я ем то, что я представил, а ты присоединился без воображения, и ешь и видишь то, что есть на самом деле. Если бы я всегда, садясь за стол, не представлял себе, что хочу съесть, я бы умер с голоду, наверное, — Даниель смеётся. — Надо обязательно уметь воображать, без фантазии теперь никуда.

— Разве можно так, зная, что я буду есть искусственные био-добавки, придумать себе шашлык из натурального мяса?

— А ты попробуй. Система считывания мыслей и фантазий работает очень хорошо.

Марк задумывается и представляет чашку капучино с дымком и со сливками. Пирожное, шоколад. В мгновение на столе появляется всё задуманное. Старик удивляется.

— Да, такого я ещё не видел. До чего дошёл прогресс! До невиданных чудес!

— Это уже давно. Я родился, и с пелёнок меня приучали фантазировать. Это то, что отличает человека от робота.

— Как это достигается? Реализация фантазий.

— В пространстве есть невидимое поле, которое ловит причинно-следственные связи в мозгу через индексацию нейронов, выявляет суть и фиксирует на сетчатке глаза область, на которую

проецируется эта суть. Таким образом, человек видит то, что хочет видеть. И даже чувствует и ощущает то, что хочет.

— По-моему, это всегда так было без всякой физики. Видишь то, что хочешь видеть, слышишь то, что хочешь слышать.

— Законы природы идентичны. Что в психологии, то и в физике. Кругом и везде.

— Да,.. — Марк задумчиво кивает головой. — И что мы сейчас будем делать? Я чувствую себя пленником.

— Сейчас я присоединюсь к тебе, чтобы не потеряться, и выйдем наружу. Надеюсь, воздух за триста лет не сильно поменялся, и ты адаптируешься в климате.

— Каждый раз возвращаюсь в какие-нибудь перемены.

Даниель и Марк выходят из комнаты и оглядываются на лёгкое дуновение или энергетическую волну. На месте комнаты уже пустое пространство.

— И это было придумано? Я подумал об отдыхе в комнате.

— Да. Всё кругом иллюзия. На самом деле всё серое и безликое.

— В раю, говорят, красиво и хорошо. Это тоже иллюзия?

— Не совсем. Другое видение окружающего. Иллюзии, кстати, — тоже способ восприятия. Может, рай и создан на более совершенном уровне, но примерно так же. Все законы природы идентичны и повторяются.

Даниель прикладывает свою руку к руке Марка и передаёт энергетический идентификатор.

— Разберёмся, что ты мне должен передать, и что я должен взять или передать. У меня есть микросхема, на которой этот процесс расписан. Я только взглянул один раз, нашёл, как открыть дверь, и больше не заглядывал.

Даниель открывает сеть, заходит в микрочип, находит уже знакомую схему и открывает дверь фрезинкубарума. Первый вдох на открытом воздухе вызывает у Марка приступ удушья, и он долго кашляет. Справа материализуется ложе для отдыха, к которому устремляется старик и прямо заваливается на него.

— Старею я, всё уже, — отдышавшись, оправдывается Марк.

Даниель молча смотрит на него.

— Тело стареет, — продолжает Марк. — Нельзя жить вечно.

— Душа живёт вечно. Тело — временная оболочка, и нужно для реализации миссии мироздания. Зачем тебе так нужно твоё тело, что ты не можешь с ним расстаться?

— Правда? Думаешь, мне нужно моё тело? Я думал, что боюсь неопределённости после смерти, и что я не верю в существование души, загробную жизнь, в ад и в рай и тому подобное.

— Существует мнение, что те, которые замораживают своё тело, очень беспокоятся о нём и боятся его старения. Вот и продлевают срок его использования. Но фактически ничего вы не продлеваете. Всему своё время. Вы создаёте иллюзию долгой жизни. Поэтому ваше замороженное существование и заканчивается бездарно, бесцельно, в духовном банкротстве. В твоей душе содержится энергетический код, с помощью которого мы запустим систему ликвидации фрезинкубарума и того, что в нём осталось.

— Там кто-то ещё остался?

— Только тела. Души их давно потерялись и не вернулись, а тела больше не смогли существовать без души. Так и остались замороженными. По сути, они уже мертвы.

— Ладно, давай делай что хочешь. Мне уже всё равно. Может, для этого часа я и был отпущен на Землю.

— Скорее всего именно так. Не бывает случайностей, всё предрешиено и запланировано. Мы не ощущаем энергетический поток, от которого строится всё вокруг. Это божественный поток сознания и разума. Мы практически достигли его уровня, — можем силой мысли менять окружающее пространство, насыщаться, удовлетворять свои потребности. Только одной лишь мыслью. Поэтому миссия человеческой цивилизации завершается. Человек был создан по образу и подобию божьему, и достиг в своём развитии совершенства.

Луч солнца касается выжженной земли и проходит по ботинку Марка.

— Ой, — вскрикивает он и отдёргивает ногу. — Что это так обжигает?

— А, так у тебя обычные ботинки и одежда! Тогда прячься от солнечных лучей. Они здесь обжигающие и даже смертоносные.

— Что произошло с матушкой-Землёй?

— Она долго держалась и терпела человеческие поступки и привычки. Видимо, исчерпала все свои ресурсы.

Они медленно идут по пустынной улице. Марк старается держаться в тени. Они подходят к дому, ничем не примечательному и незаметному, бледно-серого цвета, в отличие от других, цветных и разукрашенных.

— Похож на большой гроб.

— Ты почти угадал.

— Мmmm, понятно.

Марк молчит и вздыхает. Он столько раз умирал, когда замораживал своё тело. Столько раз засыпал и думал, что это последний раз, и он больше не проснётся и не очнётся. Он боялся умереть и боялся жить, но, как ни старался прекратить эти мучения, ничего не получалось. Становилось только хуже. И вот, он дотянул до того, что оказался одним из последних живущих на Земле.

— Нам повезло больше других, как видишь.

— Не знаю, что это за везение, — в одиночестве заканчивать свою жизнь.

— ...Жизнь в земном теле... Душа вечна. И мы с тобой, являясь близкими родственными душами, потомками Евы, несём в себе мощный энергетический импульс создания и разрушения. Она зарядила нас духовно и внесла зерно духовного развития. Твоя душа пошла одним путём, моя другим, а другие родственные души третьим. Кто был ближе и более развит духовно, те и сейчас ближе к ней, чем мы с тобой.

— Я и говорю, что мы самые несчастные и невезучие. Кто духовно был ближе к совершенству, тот уже переместился в более лучший мир, а мы, — я и ты, — отстали в развитии. Но, у каждого свой Путь.

Даниель с Марком заходят внутрь дома. Здесь пустые белые стены и потолок. И даже нет настоящих окон, только симитированные, с солнечным светом и видом на зелёную лужайку.

Даниель воссоздаёт интерьер гостевой комнаты с диваном и креслами, садится в одно из них.

— Прошу, — он указывает рукой на диван и кресло растерянному Марку. — Представь диван или кресло и располагайся. Я пока разберусь с программой. Мне приходилось сохранять душу матери на практике и в теории изучал в начальных классах образовательной программы.

— Хорошо, — Марк плюхается в кресло, которое себе представил. — А я пока посмотрю телехроники последних трёхсот лет, что я пропустил.

В пространстве под потолком появляется экран и бежит в обратном порядке список событий. Даниель, создав сеть с табло на стене, проходит пункты настройки. Марк борется с тошнотой, подступившей к горлу от страха. Он столько раз настраивался на смерть, и каждый раз испытывал одно и то же чувство. Спиряющее, давящее, угнетающее, тошнотворное. Тысячи раз он смотрел эти хроники, — ничего нового. Всё те же события, только люди и фон меняются, а так, всё повторяется. Марк ложится на диван, подогнув под себя ноги, и тихо плачет. Слёзы катятся из глаз без остановки. Вскоре он успокаивается и засыпает. Даниель настраивает программу и ждёт пробуждения старика.

— Я готов умереть, — сообщает Марк, проснувшись. — Надоело уже постоянно возвращаться.

— Никто больше и не даст такой возможности, — Даниель поворачивает голову в сторону старика. — Мы выполнили свою миссию, и ты неосознанно внёс свой вклад в развитие Вселенной. Хоть и вёл ты себя плохо, и душа у тебя больший период времени была оторвана от тела, но всё же она у тебя есть, и внутри ты добрый и хороший. Думаю, Бог простит тебя. Он всех прощает. Изначально все рождаются хорошими.

— Да, надеюсь, он меня простит. Я ведь, по сути, никому зла не делал. Да, забирал энергию, но ведь мне её и отдавали. Бог не выдаст, — свинья не съест.

Даниель накрывает Марка стеклянным колпаком.

— Ты как? Готов?

— Да.

— Тогда прощай и счастливо. Увидимся в другом мире отэспаре.

— Счастливо. Прощай. Увидимся.

Старик закрывает глаза и делает глубокий вдох, потом выдох. Долгий, глубокий выдох. И тишина. Больше он не вдыхает. Это был последний выдох. Душа выходит из тела, мечется под стеклом и сопротивляется силе воронки, затягивающей её. Даниель нажимает на кнопку сохранения души, и она в момент всасывается в колбу. Он осторожно берёт сосуд, выходит из дома, заходит в телепортатор и перемещается в Бьёнстрибанк. Душа Марка должна будет примагнитить все потерянные души, чтобы они не болтались бессистемно и были собраны энергетическим импульсом в одну группу, имея схожую структуру и форму. Зайдя в банк, Даниель помещает колбу с душой Марка в ячейку. Теперь все пазлы сложены. Механизм автоматически включается и начинает необратимый процесс. Даниель выходит из банка и закрывает за собой дверь. Перемещается в телепортаторе к себе домой, где умерла его мама. Он выполнил свою миссию, предназначение, данное ему свыше, и теперь может спокойно умереть и приблизиться к душам своих близких и любимых. Он ложится на кровать, накрывает себя стеклянной крышкой и запускает процесс сохранения души.

— Мама, я иду к тебе. Скоро увидимся снова. Как же я скучал, — Даниель закрывает глаза и мысленно настраивает себя на встречу.

Он засыпает и во сне умирает. Душа перемещается в отэспаре.

Глава 21

Душа вселенной

— Душе планеты Земля есть много о чём рассказать. Её спутник Луна зафиксировала все её движения и действия. Как она отзывалась и откликалась на то, что на ней происходило, — звучит вокруг.

Звёзды подмигивают и настраиваются слушать душу Земли. Время от времени звёзды открывают свою душу и делятся пережитым опытом.

— В целом проект был успешным, поставленные задачи решены. Земля была наделена всеми ресурсами для развития жизни. Жители Земли совершили много научных открытий и добились многих достижений, в том числе доказали факт существования души. Это приблизило их к божественному, и одни постепенно стали звёздами на небе, а другие варятся в аду навечно. Наша вселенная расширилась благодаря новым звёздам, — вещает вселенская сводка событий. — Человек высосал без остатка и использовал всё для своего развития и совершенствования, чтобы стать звездой на небе, жить и светить вечно, расширяя горизонты вселенной. Вот она, тайна мироздания, и зачем всё это было. Вот он, тайный смысл. Просто, как и всё гениальное.

— Расскажи, Расскажи о себе! Как ты выдержала это? Какая у тебя большая, сильная, великая душа! — зашептали звёзды вокруг.

Земля поворачивается и разминается, производя землетрясения и наводнения. Роботы и заводы, — всё крушится и ломается. Для них это не страшно. Во всех точках планеты есть зачатки роботопрограммы, которая запустит процесс воспроизведения. Но неизвестно, что будет дальше с самой планетой. Может, она отдохнёт, и снова начнётся восстановление.

А может, божий замысел совершенно другой, и этот эксперимент с людьми был единственным в своём роде. Слишком мелко и много суеты.

— Ох, как же я устала!.. Были приятные моменты, но и плохого было очень много, — произносит Земля, и её слова эхом отдаются во вселенной.

— Устала, устала, устала. Отдохни, отдохни, — слышатся голоса.

— Я бы хотела оставить тело, присоединиться к большой энергетической душе и расслабиться. У меня не осталось ничего живого из материального. Зачем мне продолжать?

— Мы соберём вместе все души, которые когда-то приходили и уходили от тебя, и присоединим к тебе. Будет легче.

— Поменьше бы грязи и разрушений. Столько войн и насильственных смертей! Как будто люди не хотели жить. И что это за человеческая цивилизация такая? Всё смертное стремится к жизни, а они нет. Странные какие-то.

— Это всё потому, что Бог наделил человека разумом, вот люди и стали выстраивать причинно-следственные связи, пускать в ход логику. А она часто обманывала человека. Но ведь помимо человечества у тебя были и другие гости: птицы, звери, насекомые, деревья, кусты, рыбы...

— Да, это было прекрасно. Когда стаи птиц парили надо мной, я чувствовала духовную близость с вами. Когда расцветали деревья и шёл дождь. И солнце согревало меня и высушивало. В начале земной цивилизации я долго адаптировалась, а потом пришла в себя, и был период тишины. А потом опять всё стало разрушаться.

— Это всё было запрограммировано и задумано свыше. Когда потоки энергии, наращиваясь во время твоей адаптации и стабилизации, превысили все допустимые пределы, мы запустили механизм саморазрушения.

— Человек стал сам себя разрушать и уничтожать.

— Да, мы послали поток света и взяли одну душу на контроль. Душу Евы. Она сейчас светит и мерцает.

— Я здесь! Привет, Земля! — слышен посыл от Евы.

По вселенной прокатывается волна света, блеска, Маленькая звезда ласкает Землю разноцветными лучами. Та пытит, отвечая серой пылью.

— Извините, что так мрачно приветствую, у меня больше ничего не осталось, — грустит Земля.

— Ничего, ты вскоре наполнишься новой жизнью. Мы рады видеть тебя и такой, — звучат звёзды эхом.

— Я бы хотела присоединиться к другой великой душе. В одиночестве устала.

— Ты не одна, и никогда не была одна. Мы вместе, большая дружная семья во Вселенной, в галактике Млечный путь. С тобой всегда находится твой спутник Луна. И она сопровождала твою жизнь. Приливы, отливы, день, ночь.

— Всё же мне известны истории, когда звёзды разрушались, и теперь их части летают по вселенной. Мне кажется, что и меня ждёт та же участь. Вы просто меня успокаиваете.

В ответ стоит тишина. Звёзды знают, что Землю ждёт разрушение, и она больше не сможет восстановиться. Но она породила много новых звёзд, которые сейчас растут и развиваются, расширяя вселенную. От Земли, помимо большого количества молодых звёзд, осталось много мусора и грязи, которые засорили вселенную. Со временем пространство очистится, но ещё нескоро. Как сотни тысячелетий потребовались на создание расширения Вселенной, так и на очистку от мусора уйдут тысячелетия. Правда, в мировом масштабе время другое. Считать эпохи годами — чисто человеческое понятие. Внезапно вспышка сверхновой озаряет всё вокруг. Яркий свет, струящийся от Земли, озаряет вселенную. Все души, когда-либо жившие на Земле, направились к ней, чтобы попрощаться. Планета вздрагивает от толчка и разбухает от огромного количества душ, внедряющихся в неё. Её распирает, плющит, и она взрывается несколько раз, теряя равновесие. В результате катаклизмического процесса, возникшего в конце эволюции небесного тела, происходит выделение огромного количества энергии собранных на ней душ. Со стороны звёзды наблюдают прекрасную картину, — порождённую сверхновой

антроповидную туманность. Происходят перемещения и перестановки. Какие-то вселенные исчезают, какие-то вновь рождаются. А наша вселенная расширяется и даёт пространство для новой системы. Во время этих материальных перемещений и перестановок, души застыли в ожидании. Судный день настал.

— Что с нами будет? — спрашивают одни.

— Как Бог и говорил, в судный день он всем воздаст по заслугам, — отвечают другие.

— Не может этого быть, в это невозможно поверить, — удивляются и недоверчиво возражают третьи.

— Не волнуйтесь, Бог обещал помиловать тех, кто вёл праведный образ жизни на Земле и на небе, — говорит одна душа.

— Я всё равно боюсь. На Земле я плохо себя вёл. Как душа покинула земное тело, и я помотался по другим мирам отэспаре, я всё понял и много просил прощения у Всевышнего. Но вдруг он не простил?

— У тебя слабая вера даже сейчас. Ты сомневаешься в его великодушии и всепрощении. Не сомневайся! И не бери на себя много, ты всего лишь частица божественной души, а не сам Бог.

— Я столько всего повидал и на Земле, и в других мирах отэспаре, и в аду, и в раю, но ни разу его не видел. Что же он из себя представляет?

— Это трудно объяснить. И я его тоже не видел ни разу. Мне кажется, что это некая субстанция, наполненная мощной энергией.

— Как определить, что это именно он?

— Мы тоже некая структура, набор бьёнстри, и также наполнены энергией. И мы друг друга определяем. Точно, мы — это и есть он, его частицы.

— Говорят, что когда пройдёт судный день, и все будут распределены кто куда, мы даже не сможем ничего слышать и ощущать.

— Строить из своих чувств и ощущений логические выводы и оценивать их присуще только человеку. Мы, души, не проводим причинно-следственных связей между тем, что чувствуем и ощущаем.

— Получается, у нас отсутствуют разум и логика?

— А зачем они нам здесь? Если будет разум, мы станем думать и можем надумать себе что-нибудь.

— Никогда не соглашусь, что я сейчас обделён разумом. Я ведь думаю и посылаю мысли. А они формируются из разума.

Все души выстроились в нескончаемый длинный ряд и встали друг за другом и друг на друга. Во всех мирах отэспаре вселенной не остаётся ни одного свободного места. Некоторые души неспокойны, то и дело оглядываются по сторонам. И ждут. Внутренние перемещения и перестановки во вселенной заканчиваются, и наступает тишина. Все замирают. Вселенная погружается во мрак. Кажется, что это длится очень долго. Кто-то спит, кто-то завис в своих воспоминаниях, кто-то разговаривает, кто-то просто молчит, кто-то молится без остановки.

— Приветствую вас, братья и сёстры. Судный день настал! В Солнечной системе останутся те, кто так и не поверил в меня. Эти души сгорят и испарятся навсегда.

Голос не успевает договорить, как некоторые души в разных рядах строя ярко вспыхивают и быстро гаснут. Их немного, но всё же такие есть. Некоторые пытаются дёрнуться и отлететь, но их ловит на ходу огонь, и они тоже сгорают без остатка.

— Я же поверил в Бога, вот и остался, — выдыхает Марк, видя, как сгорела душа рядом. — Спасибо тебе.

— Я тоже поверил, когда блуждал по мирам отэспаре и был на пороге в ад, — оправдывается один из наркоманов. — А вот друга моего нет. Он исчез. И других я не вижу.

— Это всё? Или будет что-то ещё? — некоторые в страхе оглядываются на своих поредевших соседей.

— А я столько молился и так намучился на пороге в ад, надеюсь, он простит меня, — говорит истерзанная душа.

— Бог велик и всемогущ! — раздаётся в рядах хоровой возглас. — Бог великий и всё прощающий!

Души молятся о спасении. Бог наблюдает за ними с довольством. Одну часть дела он совершил. Уничтожил мерзкие, подлые, мелкие, гнилые, ничтожные душонки. Можно вздохнуть

спокойно. Никто больше не мешает и не отвлекает. И скоро у него будет новый помощник. Из всех оставшихся душ создастся одна большая душа — Лех, новая вселенная, спутник и спутница Бога. Она выросла на матушке Земле. Имеет и мужское, и женское начало. Земля была временным пристанищем, местом развития части божеской сути. Она сформировалась на протяжении многих тысяч лет, чтобы встать рядом с Богом и помогать ему создавать новые вселенные.

— Теперь вы переместитесь в другую вселенную. Возьмитесь друг за друга, — предупреждает Бог.

Мрачный космос озаряется волной бледно-сиреневого света, который прокатывается по душам. Они начинают переход в новый мир отэспаре, сливаются друг с другом и образуют одну мощную волновую энергию — душу вселенной Лех. Душа Евы, Патрика, Даниеля, Марка, Руди, Амира, Милы и всех остальных смешиваются в одну душу.

— Что мне делать сейчас? — спрашивает она, слившись всеми голосами в один. — Я ничего не вижу.

— Тебе и не надо ничего видеть. Я с тобой, и я в тебе, — говорит Бог ласково. — Я — это ты. Ты — это я. Мы едины и неделимы. Мы одно целое.

Бог наполняется новым потоком любви и тепла от дополнительной энергии. Новая вселенная Лех увеличивается и разбухает. Человек, созданный по образу и подобию божьему, реализовал все его желания и потребности. Его замысел воплотил в себе тайну мироздания, поиск истины и священного Грааля. Человек, будучи в телесной оболочке, так и не смог разгадать эту тайну и найти истину. И даже будучи одинокой душой в отэспаре, не смог постичь конечную божественную цель. Слишком велика и непостижима Его душа. Человек — пыль по сравнению с величиной и размахом Бога. Теперь бьёнстри человеческих душ слились в большой душе божественной спутницы Лех, наполнились умиротворением и покоем.

Солнечная система попала в воронку чёрной дыры и исчезла вместе с мусором и пеплом адских душ. Системы не могут существовать долго. Они всегда рушатся, потому что построены по

логике и разуму. Но без системы жить полноценно тоже невозможно. На какой-то период времени они выполняют свои функции, потом умирают и исчезают. Солнечная система была образована для создания человеческой цивилизации и наполнения тел душами, чтобы потом объединить их в развитую и совершенную душу, сделать её новой вселенной Лех, помощницей и спутницей Бога. Законы природы идентичны. Поэтому у Земли был спутник Луна, поэтому люди объединялись в семьи и жили душа в душу, поэтому звери, птицы и всё живое стремились к паре. Только в парном существовании возможно полноценное развитие.

— Я всё же думаю, что в масштабе мироздания жизнь имеет смысл, — говорит игриво Лех. — Если бы не было жизни, не родилась бы я.

— Жизнь на Земле и вся Солнечная система, это такие малые крупички. Жизнь одного человека в масштабе Вселенной — это вообще как будто остановка транспорта во всей жизни человека, один обед во всей жизни животного, — да и то, это много, — один вздох или моргание. Это всё временное и настолько незаметное. Я чувствую общий роевой интеллект и импульсы и реагирую на них. В человеческом масштабе это имеет небольшое значение, а во вселенском — вовсе никакого. Я мог бы и не создавать эту систему, и не было бы ничего. Это моё единоличное пожелание, прихоть. Человеческий род — это эксперимент с разумом. Если бы не было людей, ты родилась бы всё равно. Для этого было достаточно живой природы и без человека. Ты ещё молодая и мало знаешь о рождении вселенных и мирах, и пока не можешь себе представить, насколько бесконечен Мир и что нет никакого предела ни в чём.

— Теперь я смогу объять весь мир?

— Да, сможешь. Укрепишься, адаптируешься, наберёшься сил и начнёшь творить, что захочешь.

— Отлично! Я бы хотела снова создать что-то наподобие Солнечной системы и жизни в материальном теле.

— Ты можешь создать что-то своё, и намного лучше, учитывая опыт, знания и чувства. В потоке моего существования создание жизни на Земле заняло очень малое место.

Лех качается в пространстве на волнах света. Исчезает в чёрной дыре и без труда выходит оттуда. Она то парит, то стремительно летает по Вселенной. Бог вместе с ней развлекается. Слышен божественный смех и всё кругом озарено его радостью, теплом и светом.

— А давай что-нибудь вместе придумаем! — восклицает Лех. — Теперь я вселенная, и мы сможем больше.

— Обязательно придумаем, — отвечает ей Бог и дует в её стон.

Лех отлетает немного, и, покачиваясь, раздвигает границы.

— Ха-ха-ха, — хохочет она и ещё больше раздувается. — Значит, первый твой эксперимент с жизнью на Земле — это создание человека, а второй — определение для них существования души, эксперимент с душой Евы.

— Да, что одна из первых женщин на Земле была Ева, та, что дала всем жизнь, что первой сохранённой и скопированной душой тоже стала Ева. С неё всегда всё начиналось.

— Я чувствую её и помню её судьбу. Это была значительная остановка. Ты как раз спрашивал, вспомню ли я какую-нибудь остановку, если бы была человеком при жизни. Вот, я помню душу Евы и ещё, если напрягусь, вспомню кого-нибудь. Да, вот: музыкант-композитор, художник, писатель, юрист, судья, врач, правитель, воин.

— К сожалению, вскоре ты их всех забудешь. А пока можешь мне рассказать что-нибудь из их жизни. Каждый изначально был наделён миссией от меня. Не все справились, и не все всё выполнили. Кто-то отклонился в сторону, соблазнённый Дьяволом. Его бьёнстри я отправил и заложил в душу каждого, чтобы внести раздор в существование человека. Надеюсь, все дьявольские начинания сторели вместе с неверными душами. И я тем самым избавился от своего врага.

— И я надеюсь. Давай я тогда расскажу тебе про Еву. Это выдающаяся душа, даже великая.

— Я не сомневаюсь в этом. Она много сделала для человеческой цивилизации и приблизила завершение моего божественного

замысла. Искоренить зло и создать одну совершенную душу — тебя, вселенную Лех. Теперь я спокоен и умиротворён. Можно отдохнуть и расслабиться. Просто плыть по течению, перекатываться в волнах. И слушать твой голосок.

— Хорошо. Ева задумала и осуществила свой эксперимент, и записала всю информацию о нём. Сейчас ты всё услышишь, — Лех прикасается к той своей части, где находится душа Евы, освещая новую систему. — *«Сегодня я умру. Я это точно знаю. Я жду этого. Вам грустно, страшно? Вы считаете меня сумасшедшей? Ненормальной?...»*

Оглавление

Глава 1. Утро	3
Глава 2. Квантовая механика	18
Глава 3. Адронный коллайдер.....	34
Глава 4. День.....	50
Глава 5. Смерть	66
Глава 6. Встреча	82
Глава 7. Вязкость.....	99
Глава 8. Свет	113
Глава 9. Рай	127
Глава 10. Ближняя жизнь	143
Глава 11. Дуэт иллюзий	157
Глава 12. Божественность	172
Глава 13. Дальний порядок	187
Глава 14. Капсула времени	201
Глава 15. Родственные души.....	216
Глава 16. Духовная близость	232
Глава 17. Встреча душ.....	246
Глава 18. Грязь.....	261
Глава 19. Открытые и оторванные души.....	275
Глава 20. Одинокая душа.....	286
Глава 21. Душа вселенной.....	298

Литературно-художественное издание

Анна Веди

Душа

*Научно-фантастический
роман*

Редактор — И. Андрюшина
Макетирование — А. Кудрявцев

Сдано в набор 10.04.2017.
Гарнитура «Greta Text Pro».
Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Тираж 30 экземпляров. Заказ 78.

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»
Москва, Малая Юшуньская, 1, корпус 1.
Тел. 8 495 510-32-98
www.maska.su, info@maska.su